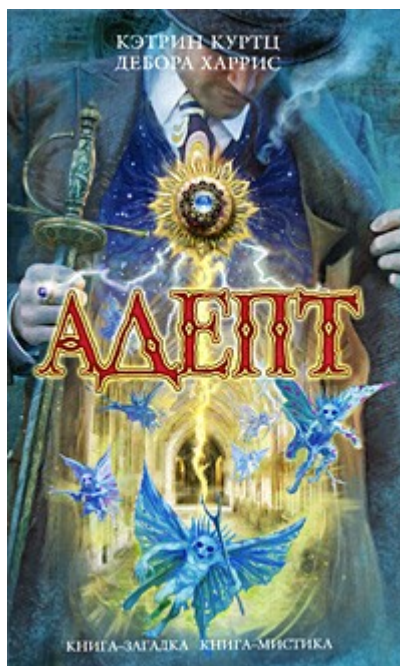

Кэтрин Куртц Дебора Харрис Адепт

Аннотация

Совершено несколько краж магических артефактов и убийств. Кто стоит за этими преступлениями? Какие темные силы собираются призвать неизвестные? Какие злоеущие цели преследуют они? Сэр Адам Синклер носил множество имен и прожил много жизней. Но в любом обличье и в любой эпохе он оставался адептом Светлого воинства загадочных и таинственных тамплиеров, могущественного ордена, возникшего еще во времена Крестовых походов. Его миссия - защищать слабеющую силу Света от крепнущей силы Тьмы.

Кэтрин Куртц И Дебора Харрис Адепт

Бетти Баллантайн за ее особое свойство находить и ободрять новых авторов

На протяжении пятнадцати лет она купила у каждой из нас наши первые трилогии и вдобавок догадалась нас познакомиться.

Спасибо, Бетти!

Пролог

Осенняя ночь была чиста и свежа, в безветренном воздухе ощущалась близость утреннего заморозка. Луна не светила, но и звезд хватало, чтобы осветить шотландский сельский пейзаж.

На склоне поросшего лесом холма в тени старых буков стоял человек в черном. Обхватив себя руками, чтобы согреться, он то и дело сжимал и разжимал пальцы в черных перчатках, разминая их перед работой. Уже не в первый раз за последние полчаса он отвернул манжет левого рукава и сверился с циферблатом армейских часов. Светящийся

дисплей показывал полтретьего.

Выходившие во двор окна Моссекейрн-Хауса были темны. В верхних окнах тоже погас свет. Старик сторож давно уже завершил последний обход и не покажется из своего домика у ворот до утра. Лучшего времени не будет.

Человек в черном чуть улыбнулся, плотнее застегнул свою кожаную куртку и, чтобы лучше слышать, закатал края черной вязаной шапочки повыше. Потом он начал спускаться по склону, продолжая на ходу разминать пальцы. Стараясь держаться в тени, он быстро одолел расстояние до дома, двигаясь с уверенностью человека, привыкшего действовать ночью. Через неглубокий ручей на его пути он легко перепрыгнул. У последней открытой лужайки человек остановился и на всякий случай огляделся по сторонам. Еще несколько секунд – и он замер в тени крыльца у входа на кухню.

Человеку в черном не составило большого труда отключить охранные системы. По американским меркам, охранный сигнализация Моссекейрна была чудовищно примитивной. Кроме того, утром человек в черном уже посетил дом под видом простого туриста, отметив про себя все, что могло бы помешать ему во время следующего визита.

Теперь он осторожно пересекал темную кухню, светя маленьким карманным фонариком, луч которого был не толще карандаша. В сервировочной человек не удостоил взглядом ни канделябры на полках, ни чаши для пунша, ни ведерки для льда, ни прочее серебро. Точно так же его не заинтересовал ценный фарфоровый сервиз в столовой; держась внутренней стены, он быстро прошел к большой двустворчатой двери в дальнем конце комнаты. Поворот отмычки в замке – и человек в черном оказался в библиотеке, минуя наружный коридор и электронные глаза, охранявшие вход.

Он вновь посветил фонарем вокруг себя – старательно обходя лучом окна – и почти не обратил внимания на множество выставленных здесь ценных предметов. Особенно хороши были портреты – от строителя этого дома времен короля Иакова и до нынешнего владельца. Раньше, днем, его особенно восхитил портрет, что висел над камином: кавалер в шелках и бархате цвета хорошего портвейна, с кружевным жабо на шее и длинным темным париком под полями шляпы.

На стенах между портретами было развешено старинное оружие и доспехи; предметы помельче были выставлены в застекленных витринах вдоль стен. Большой библиотечный стол посередине комнаты занимали редкие книги.

Взломщик миновал все это не оглядываясь. Его путь лежал к стендам у камина. Большую часть их занимали медали и прочие награды бывших владельцев дома, а также разные предметы дамского обихода вроде вееров или миниатюр резной кости. Некоторые из них были связаны с такими видными фигурами славной шотландской истории, как Мария, королева Шотландская, или принц Чарли. Заметив краем глаза прядь волос, перевязанную шелковой лентой, в золотом медальоне изящной работы, человек в черном хмыкнул: интересно, как претенденту на трон Стюартов вообще удалось сохранить хоть немного волос ко времени бегства во Францию морем? Это напоминало те частицы Истинного Креста, что ему доводилось видеть в жизни: вместе их хватило бы на дюжину крестов.

“Выходит, – подумал он, – у шотландцев – свои святыни”. Впрочем, его это мало трогало. Зато символ, который являлся его целью этой ночью, мог принести кругленькую сумму.

Он улыбнулся висевшему над камином кавалеру, подошел к нужному стенду и посветил фонарем сквозь стекло. Шпага с потертой рукоятью и ножны лежали на подкладке из темно-синего бархата – изящный шедевр итальянских оружейников конца шестнадцатого столетия. Золото на эфесе и гарде было покрыто тонкой гравировкой, а на голубоватой стали клинка виднелись золотые инициалы оружейника.

Сафьяновые ножны были скромнее, но, тем не менее, тоже щеголяли несколькими полудрагоценными камнями. Между шпагой и ножнами на темно-синем бархате светлела маленькая табличка – три строки ровного каллиграфического почерка:

Шпага Хепбернов,

*некогда принадлежала сэру Фрэнсису Хепберну,
Графу-Чародею, ок. 1624 г.*

Человек в черном довольно хмыкнул. Взяв фонарик в зубы, он достал из внутреннего кармана куртки маленькую отмычку и осторожно сунул ее в замок стенда. Когда тот щелкнул, человек поднял крышку и закрепил ее в поднятом положении. Эфес лежал в руке как влитой, и на мгновение, когда он вынимал шпагу и взвешивал ее, скользя лучом фонарика вдоль клинка, его посетила дикая будоражащая мысль: почему, ну почему он не родился кавалером?

Потешив себя этой мыслью, человек в черном поднял шпагу, иронически салютуя портрету над камином, потом достал ножны и ловким движением убрал в них шпагу.

Настоящая шпага Графа-Чародея! Славная игрушка, – но он не рожден кавалером, и если он замешкается здесь, то вообще может пожалеть, что родился на свет. Он слышал, что его наниматель – человек крайне пунктуальный, хоть и отличающийся своеобразными пристрастиями.

Отбросив сентиментальность, человек в черном полез за отворот куртки и достал оттуда сложенный мешок из черного нейлона, достаточно длинный и узкий, чтобы послужить его целям. Человек сунул в отверстие шпагу, старательно завязал мешок и закинул за спину.

Прежде чем закрыть и запереть стенд, он порылся в еще одном кармане и извлек оттуда табличку, почти такую же, как та, что лежала на бархате. Табличка гласила: “Экспонат временно изъят для реставрации”.

Обратный путь был уже пустяком. Остальным экспонатам музея человек в черном уделил не больше внимания, чем прежде. На кухонном крыльце он задержался, снова включил сигнализацию, а потом растворился в тенях на склоне холма, бесшумный, как шелест ветерка. Путь его лежал в лес, к лежавшему за ним узкому служебному проезду.

Его ждало средство передвижения – не боевой конь, как подобало бы кавалеру, но мощный японский мотоцикл, который не раз помогал ему уходить от опасности с тех пор, как он взялся за работу по эту сторону океана. Представив себе, что он надевает не черный мотоциклетный шлем, а рыцарский, с пером, он выкатил машину из кустов. Он вывел мотоцикл на асфальт, толкнул его вниз по склону и на ходу вскочил в седло. Только у подножия холма, где никто в доме не мог его услышать, он включил зажигание – и через несколько минут уже неся на запад сквозь морозную шотландскую ночь.

Еще через час, вихрем пролетев по шоссе М8, на спящих улицах Глазго мотоциклист сбросил скорость. Следуя строгим инструкциям, он направился из центра города по дороге, которая в конце концов привела его в заброшенный портовый район на берегу Клайда. Негромкий рокот мотора отдавался эхом от булыжной мостовой, когда он притормозил у ворот закрытой судоверфи. Он выключил зажигание – и наступила неожиданная тишина.

Человек в черном снял шлем. Прошло пять минут. Человек посмотрел на часы, слез со своей машины и принялся медленно расхаживать в тени взад-вперед. На морозном, чуть просоленном воздухе дыхание облачком вырывалось из его рта, он приглушенно чихнул раз.

Наконец, когда он в четвертый раз сменил направление, его чуткий слух уловил негромкий шум подъезжающей машины. Он вернулся к мотоциклу. Минуту спустя длинный темный “мерседес” плавно выехал из переулка и остановился на противоположной стороне улицы.

Машина погасила фары, и ее левые окна синхронно скользнули вниз. В темноте смутно светлели лица водителя и пассажира на заднем сиденье.

Облегченно переведя дух, мотоциклист положил шлем на седло и подошел к машине.

– Доброе утро, мистер Ребурн, – произнес он, отвесив пассажиру на заднем сиденье шутиливый низкий поклон.

Человек на заднем сиденье ответил на это приветствие холодным кивком.

– Доброе утро, сержант. Надеюсь, для меня у вас что-то есть?

Сержант изобразил на лице бодрую белозубую улыбку загорелого уроженца Техаса.

– Рождество с каждым годом все раньше, – ответил он. – Зовите меня просто Санта-Клаус.

С преувеличенной осторожностью он снял со спины пластиковый мешок. Пассажир “мерседеса” приподнял бровь.

– Какие-то трудности?

Американец презрительно фыркнул:

– Вы шутите? Труднее отнять конфетку у младенца. Похоже, то, что вы, по эту сторону Атлантики, не знаете про охрану, влетает вашим страховым фирмам в копеечку.

Он принялся методично развязывать мешок; человек на заднем сиденье “мерседеса” следил за каждым его движением.

– Надеюсь, – заметил он, – вы не поддались соблазну злоупотребить ситуацией в ущерб нашему контракту?

Он произнес это как бы невзначай, но в голосе послышалось нечто такое, что заставило сержанта поднять взгляд.

– Эй, должен же я блюсти свою репутацию!

Человек в машине одарил его ледяной удовлетворенной улыбкой.

– Вы меня утешаете. В наше время мало на кого можно положиться.

Американец воздержался от благодарности на комплимент. Вместо этого он раскрыл мешок и достал оттуда шпагу эфесом вперед. В салоне “мерседеса” вспыхнул свет и заиграл на золоте эфеса и стали клинок. Американец протянул шпагу в окно ножами вперед.

– Довольно славная игрушка, уверяю вас, – заметил он, – но вы, поди, и сами знаете, что вам бы сделали с десяток таких за половину денег, которые вы заплатили мне за то, чтобы я ее спер.

Наниматель принял шпагу Хепберна руками в перчатках, чуть выдвинул клинок из ножен, вздохнул, задвинул его обратно и осторожно положил себе на колени.

– Цену предмета не всегда можно выразить в денежном эквиваленте, – пробормотал он.

Сержант пожал плечами:

– Вам виднее, мистер Ребурн. Вы коллекционер, и вы знаете, что вам нужно. Что до меня – так я всего только агент по продаже. – Слово “агент” ему определенно понравилось. – И мы, агенты, делаем то, что делаем, ради денег.

– Разумеется, – спокойно согласился его наниматель. – Вы выполнили свою часть соглашения. Со своей стороны я готов выполнить свою.

Он кивнул в зеркало водителю. Сидевший на переднем сиденье “мерседеса” мужчина молча полез в нагрудный карман своего плаща, достал пухлый кожаный бумажник и все так же молча протянул его в окно. Получатель небрежно открыл его, прошелся пальцем по торцу толстой пачки долларов и чуть приподнял бровь в радостном удивлении.

– Как видите, я добавил некоторую премиальную сумму, – сказал человек на заднем сиденье.

– Да, сэр, мистер Ребурн, – с широкой улыбкой кивнул американец. – С вами приятно иметь дело.

– Надеюсь, я могу искренне сказать то же самое. – Человек на заднем сиденье стянул с правой руки перчатку. Когда он протянул руку в открытое окно, на среднем пальце блеснуло кольцо с печаткой из кроваво-красного сердолика.

Американец принял предложенное рукопожатие. Хватка у его нанимателя оказалась неожиданно сильной. Человек в “мерседесе” резко дернул его руку вниз, и грабитель вдруг обнаружил, что смотрит прямо в отверстие глушителя – из тех, длинных, что делают в Западной Германии.

Только это и успел заметить американец прежде, чем человек в “мерседесе” нажал на спуск и выстрелил в упор. Он не услышал ни негромкого хлопка первого выстрела, ни тем более второго или третьего.

Его тело с мягким стуком повалилось на булыжники, как только стрелявший отпустил руку. Когда он перестал шевелиться, убийца осторожно сунул автоматический пистолет под

сиденье и подал знак водителю трогаться с места. Двигатель “мерседеса” звучал гораздо громче недавних выстрелов, но, пока машина почти бесшумно выезжала из портового района Глазго, ни то ни другое не вызвало ничего любопытства.

Глава 1

Сэр Адам Синклер узнал о происшествии в Глазго только в следующий понедельник, в ожидании завтрака. Он только что вернулся из короткой поездки галопом по землям своего загородного имения в окрестностях Эдинбурга и еще не снял костюма для верховой езды. Через окно в маленькую гостиную, которую всегда называли “пчелиной комнатой” из-за золотых пчел и цветов на обоях, лился солнечный свет, поэтому он просто снял с себя куртку, и бросил ее на ближний диван и придвинул стул к маленькому столику в эркере.

На столе, строго посередине белоснежной скатерти лучшего ирландского льна, красовалась хрустальная ваза со свежесрезанными хризантемами, вокруг которой было расставлено столовое серебро и фарфоровый чайный сервиз. Поверх ежедневника в кожаном переплете лежал аккуратно сложенный свежий номер “Скотсмена”. Быстрым движением Адам развернул его, пробежал взглядом заголовки и только потом сел, механически распустив галстук.

Ничего выдающегося за выходные не произошло. Европарламент собрался, чтобы ратифицировать новое законодательство о загрязнении атмосферы; японская фирма – производитель электроники объявила о намерении открыть завод в Данди; активисты Шотландской националистической партии устроили еще одну демонстрацию против налогов. Он едва не пропустил маленький заголовок в левом нижнем углу страницы: “Тело убитого наркодилера будет возвращено в США”.

Приподняв бровь, Адам сложил газету пополам и стал читать. Как врач, а иногда и консультант полиции, он старался идти в ногу с прогрессом – или отсутствием такового – в непрекращающейся войне с незаконным оборотом наркотиков. Впрочем, эта заметка казалась продолжением другой, которую он каким-то образом пропустил в конце прошлой недели. Согласно заметке, тело американского подданного было обнаружено в заброшенном портовом районе Глазго. Судя по характеру убийства, напоминавшего скорее исполнение приговора, и обнаруженной на трупе крупной суммы денег, речь шла о несостоявшейся наркоделке.

Из статьи Адам вывел, что полицейская теория, возможно, и верна, поскольку крупнейший город Шотландии медленно, но верно превращался в перевалочный пункт перевозки наркотиков. И все же в глубине его сознания мелькнула мысль – рационального объяснения ей он так и не нашел, – что это дело сложнее, чем представляется полицейским из Глазго.

Дальнейшие его размышления на эту тему были прерваны появлением дворецкого Хэмфри с большим серебряным подносом. Хэмфри служил ему добрых два десятка лет.

– Доброе утро, Хэмфри, – беззаботно приветствовал его Адам, опуская газету. Дворецкий поставил на стол рядом с фарфоровым сервизом блюдо подогретых тостов с маслом и фарфоровый чайник.

– Доброе утро, сэр. Надеюсь, прогулка была приятной.

– Да, Хэмфри, приятной. Я доехал до развалин замка. К моему огорчению, я видел несколько деревьев, проросших на сводах первого этажа. А уж о плюще и думать не хочется.

Хэмфри, наливавший хозяину чай, сдержанно усмехнулся.

– Насколько мне известно, сэр, даже королева-мать ведет непрерывную войну с плющом, – проговорил он. – Она его терпеть не может. Говорят, что гости замка тоже приглашены принять участие в этой борьбе. Возможно, нам в Стратмурне стоит перенять их тактику.

– Гм, пожалуй, – отвечал Адам, снова разворачивая газету. – Право же, я не подозревал, что наш плющ так разросся за лето. Я оставил Макдональду записку с просьбой прислать

бригаду, по возможности сегодня, и начать расчистку. Если он позвонит, подтвердите, что просьба остается в силе. Не можем же мы допустить, чтобы замок разрушился еще сильнее – как раз когда я собираюсь начать реконструкцию.

– Разумеется, не можем, сэр, – согласился Хэмфри. – Я прослежу за этим.

Когда дворецкий удалился на кухню, Адам взял себе тост и открыл газету на первом развороте. Он пробежал глазами первые несколько заголовков на левой странице, не нашел там ничего интересного и продолжал скользить взглядом по полосам до тех пор, пока его внимание не привлек заголовок, спрятавшийся в крайней правой колонке: “Пропажа старинной шпаги”.

Адам, чуть приподняв свои темные брови, вчитался в заметку: как знаток и, можно сказать, коллекционер холодного оружия, он не мог пропустить такое. Он бегло пробежал заметку, потом сложил газету и перечитал ее еще раз, внимательнее, пытаясь домыслить то, чего в ней НЕ говорилось.

Областное полицейское управление Лотиана расследует исчезновение исторической шпаги из музея в Моссекейрн-Хаусе в окрестностях Эдинбурга. Итальянская шпага шестнадцатого века, известная как “шпага Хепбернов”, давно связывается с именем сэра Фрэнсиса Хепберна, пятого графа Босуэлла, умершего в 1624 году. Предполагается, что шпага похищена, однако дата кражи остается неизвестной. Ее исчезновение заметили не сразу, поскольку персонал музея считал, что оружие изъято со стенда для реставрации. Стоимость шпаги оценивается примерно в 2000 фунтов. За информацию, способную послужить ее возвращению, назначена награда...

Прикусив губу и нахмурившись, Адам откинулся на спинку стула. Хотя он уверял себя в том, что интерес к этой статье связан исключительно с оружием, какое-то шестое чувство нашептывало ему, что за этой историей таится нечто гораздо большее. Он взял со стола лежавшую рядом с ежедневником ручку, обвел заметку кружком. Потом пошарил рукой сбоку от себя и снял телефонную трубку.

Номер полицейского управления Лотиана был ему хорошо знаком. Он набрал его, представился и попросил соединить со старшим инспектором Ноэлем Маклеодом. После короткой заминки оператор соединил его с отделом по связям с прессой, и в ухе зарокотал знакомый низкий голос.

– Это вы, сэр Адам? Доброе утро. Чем могу помочь?

– Доброе утро, Ноэль. Я тут просто прочитал кое-что в сегодняшней газете. Если у вас есть время, мне хотелось бы поговорить с вами по поводу заметки на второй странице “Скотсмена”.

– Да? – Голос на другом конце провода не выражал ничего, кроме удивления. – Я полагаю, вы имеете в виду заметку насчет шпаги Хепбернов.

– Что-то не похоже, чтобы вы ждали от меня вопросов насчет последнего явления лох-несского чудища, – с улыбкой сказал Адам.

– Явлениям чудища, – вздохнул Маклеод, – цена пять пенсов за дюжину. И вы звонили бы не мне, вы звонили бы в Инвернесский участок. С другой стороны, шпага, некогда принадлежавшая сэру Фрэнсису Хепберну, может представлять для вас определенный интерес – с учетом репутации славного графа.

– Чародея? – ответил Адам, стараясь придать своим словам на случай, если их прослушивают, приличествующую двусмысленность. – Я не знаю причины, – осторожно произнес он, – по которой мы должны оспаривать эту традицию.

На другом конце провода тоже случилась некоторая заминка.

– Ясно, – ответил наконец Маклеод.

– Будучи сам коллекционером холодного оружия, – продолжал Адам, – я разочарован тем, как мало в газетной заметке подробностей. Это прекрасная шпага. Вы можете сообщить мне еще что-нибудь?

Вернувшись на нейтральную почву, Маклеод испустил нечто среднее между рыком и фырканьем.

– Мне хотелось бы это сделать, – сказал он. – Мы поручили это дело двум неплохим сотрудникам, но пока им нечем особо похвастаться. Одно очевидно: это не обычная кража. Ни до чего другого даже не дотронулись, ничего другого не взяли – ни серебряной ложки.

– А это означает, – вздохнул Адам, – что вору нужна была только шпага, и ничто другое. Может, работал любитель?

– Ни в коем случае, – решительно возразил Маклеод. – Как раз наоборот. Наш приятель обезвредил охранную сигнализацию в служебной части здания, а потом обошел датчики в зале и проник в библиотеку через столовую. Мы предполагаем, что до этого он должен был по меньшей мере один раз побывать в доме, так что мы отслеживаем эту версию – не заметил ли кто-то из служителей чего-нибудь подозрительного. – Он горько вздохнул. – Увы, сомневаюсь, что это к чему-нибудь приведет. Мы даже не знаем точно, когда произошла кража, поскольку наш приятель оставил на стенде табличку: “Экспонат на реставрации”. Чертовски хитрый тип. Надо ли говорить, мы не обнаружили ни одного отпечатка.

– Другими словами, – сказал Адам, – у вас ни одной зацепки.

– Ни одной, за которую я бы дал больше ломаного гроша, – признался инспектор. – Нам остается только держать ухо востро и надеяться, что что-нибудь всплывет. Не исключено, что шпага объявится на каком-нибудь аукционе или оружейной выставке, хотя лично я в этом сильно сомневаюсь. Все это слишком похоже на заказ какого-нибудь коллекционера, обожающего экспонаты темного происхождения.

– Гм, я бы сказал, коллекционер с темными пристрастиями, – заметил Адам. – Хотя вы можете не беспокоиться, Ноэль, – поспешно добавил он с улыбкой, – у МЕНЯ вашей шпаги нет.

Веселый смех Маклеода не оставил сомнений в том, что инспектор даже не думал о такой возможности.

– Что нам действительно помогло бы – так это хоть какие-то мысли насчет того, кто мог бы охотиться за таким раритетом, как шпага Хепбернов, – сказал Маклеод. – Не хотите ли попытаться как психиатр и коллекционер оружия?

Это было фактически неофициальным предложением Адаму поучаствовать в расследовании, хотя инспектор не признался бы в этом никому из своего начальства.

– Ну, – начал Адам, вновь осторожно выбирая слова, – мне кажется, мы можем начисто отмести мотив прибыли. Шпага стоимостью в две тысячи фунтов просто не стоит ни усилий, ни затрат на преодоление охранной сигнализации. То, что не пропало больше ничего, только подтверждает эту теорию. Значит, грабитель охотился за конкретной шпагой.

– Допустим, – согласился Маклеод.

– В таком случае зададимся вопросом, человек какого типа мог бы интересоваться этой шпагой? – продолжил Адам. – Она не так уж уникальна: у меня самого имеется несколько похожих, и некоторые принадлежали людям, исторически куда более значимым, чем граф Босуэлл. Значит, в прошлом этой шпаги его должно интересовать что-то другое. Что еще нам известно? Она принадлежала Графу-Чародею Босуэллу. Не хочу, чтобы меня неверно поняли, Ноэль, но я считаю вероятным, что грабитель – или тот, на кого он работал, – верит, что шпага хранит часть сил, которые приписывали ее прежнему владельцу.

– Занятная мысль, – буркнул Маклеод. Судя по тону этого замечания, собеседнику Адама была хорошо известна слава Графа-Чародея как изощренного колдуна. – В то же время, допуская и менее эзотерические мотивы, – продолжил полицейский, – я, пожалуй, попрошу своих ребят приглядывать за выставками и аукционами.

– На вашем месте я поступил бы так же, – согласился Адам.

– Я в этом почему-то не сомневался, – фыркнул Маклеод. – Во всяком случае, если какого-нибудь бедолагу во время сатанинского ритуала заколют клинком Фрэнсиса Хепберна, я дам вам знать прежде, чем об этом пронюхает пресса.

– Спасибо, – сухо произнес Адам, – буду вам премного благодарен. – Он задумчиво отодвинул газету. – Да, была еще одна заметка, о которой я хотел вас спросить, раз уж дорвался до вас. Полагаю, у вас нет никаких личных теорий касательно американского

гражданина, найденного убитым в Глазго?

– Нет. Я только рад, что его нашли убитым не на моей территории, – буркнул Маклеод.
– Полиция Глазго не знает, куда деться от звонков из министерства внутренних дел, которое не знает, куда деваться от звонков из американского посольства... – Он осекся. – Уж не предполагаете ли вы, что два эти дела связаны между собой?

– Не знаю, – признался Адам. – Я только размышлял...

– Это очень печально, – сказал Маклеод. – Стоит вам начать размышлять, и я уже знаю: рано или поздно случится что-нибудь такое, что непонятно как объяснять прессе.

Адам позволил себе сочувственно усмехнуться.

– Мне очень жаль, Ноэль. Но если в этом деле возникнут какие-нибудь неожиданные затруднения, вы знаете, что всегда можете рассчитывать на мою помощь.

– О да, – ворчливо ответил инспектор. – Впрочем, как говорили в каком-то кино, я знал, что работа будет опасной. А теперь простите, у меня еще один чертов телефон звонит. Позвоните, если надумаете что-нибудь еще, ладно?

– Конечно, позвоню.

С этим заверением Адам повесил трубку и продолжил свой завтрак, не прекращая думать о шпиге Хепбернов. Он как раз допивал вторую чашку чая и листал свой ежедневник, когда Хэмфри принес на серебряном подносе утреннюю почту.

Поблагодарив, Адам взял стопку писем, наскоро проглядел конверты, потом отложил их в сторону и вручил Хэмфри “Скотсмен”.

– Я обвел заметку на второй странице. Буду признателен, если вы подошьете ее в отдельную папку. Возможно, нам еще придется к ней обратиться.

– Ясно, сэр. – Хэмфри сложил газету и сунул ее под мышку, потом покосился на стол. – Вы позавтракали, сэр?

Адам кивнул и, поднявшись, бросил взгляд на часы.

– Да. Боже праведный, куда только время летит? Мне нужно заглянуть в Кинтул-Хаус прежде, чем ехать в Эдинбург.

Хэмфри застыл над столом и встревоженно посмотрел на него.

– Надеюсь, с леди Лорой ничего серьезного, сэр?

Адам поморщился:

– Пока не знаю, Хэмфри. И не буду знать, пока не посмотрю ее. Кстати, вы не забыли, что сегодня я ужинаю с епископом из Сент-Эндрю?

– Разумеется, нет, сэр. Я достал ваш темно-серый костюм, и у вас в шкафу есть еще чистые рубашки.

– Отлично! – улыбнулся Адам, снимая галстук уже на ходу, по пути к лестнице. – Если меня будут спрашивать, вы знаете, где меня искать. Да, и если инспектор Маклеод позвонит после того, как я уеду из больницы, скажите ему, где я ужинаю и что я свяжусь с ним.

– Очень хорошо, сэр, – сказал Хэмфри. – Я приготовлю все к вечеру.

Глава 2

Ровно через двадцать минут, освежившись под душем и побрившись, Адам выплыл из своих апартаментов. Костюм для верховой езды сменился белоснежной сорочкой и строгим костюмом-тройкой – своего рода парадной формой врача.

От зеркала к зеркалу вестибюля Стратмурн-Хауса за ним перемещалось отражение высокого, темноволосого джентльмена лет сорока пяти, двигавшегося с целеустремленностью человека, для которого время слишком дорого и его вечно не хватает. В молодости он неплохо фехтовал и ездил верхом, но затем медицина и другие интересы направили его энергию в другую сторону. Впрочем, изящество и точность движений, характерные для обоих этих видов спорта, сохранились с естественностью не приобретенных, но врожденных привычек. Седина на висках чуть смягчала патрицианский профиль, который у другого мог бы производить и впечатление жесткости.

Однако для человека, ожидающего от себя больше, чем от окружающих, естественна твердость характера. Более всего это проявлялось в целеустремленности, казавшейся у Адама Синклера такой же естественной, как одежда. Даже в минуты спокойствия в глубине его темных глаз теплился скрытый огонь – огонь, который, разгоревшись, мог обогреть, а мог и вспыхнуть уничтожающей яростью. Правда, последнее случалось крайне редко и обыкновенно уравнивалось холодным, ясным разумом, справлявшимся почти с любой сложной ситуацией.

Он отличался и неплохим чувством юмора: когда он спустился в вестибюль, оно как раз преобладало в его настроении. Хэмфри уже подогнал к дверям строгий и даже чопорный темно-синий “рейнджровер”, на котором Адам обыкновенно ездил в город, когда правил сам. Дворецкий распахнул дверцу и стоял, готовый вручить хозяину плащ, шляпу и портфель. День, однако, обещал выдаться погожим. Адам тряхнул головой и направился к гаражу.

– Я передумал, Хэмфри, – сказал он, жестом предлагая ему убрать портфель, шляпу и плащ под крышу темно-синего кабриолета “Ягуар XJ-S”, последнего и любимого его приобретения. – Сегодня идеальный день для “яга”. Если я выеду из Джорданберна вовремя, я буду в Перте еще засветло. Даже не верится, что епископ еще не видел этого красавца. Если он выкажет к нему должное почтение, я даже дам ему порулить перед ужином.

Хэмфри усмехнулся и помог Адаму отстегнуть чехол над водительским местом и убрать его за спинку кожаного сиденья.

– Епископу это понравится, сэр.

– Еще как понравится. Славная машина. – Адам улыбнулся в ответ, сел за руль и натянул водительские перчатки. – Вот когда я съем епископский ужин и отведаю превосходного портвейна, я вручу ему чек на круглую сумму для фонда реставрации монастыря – чтобы его преосвященство не чувствовал себя слишком уж обязанным. Мне кажется, крыше собора Святого Ниниана не помешает ремонт.

– Вы можете назвать мне собор, которому бы он помешал, сэр? – с улыбкой отозвался Хэмфри. Адам повернул ключ в замке зажигания, и мощный двигатель ожил.

Через несколько минут он уже выводил машину из ворот конюшни на трехполосное шоссе. Он не надел шляпу и наслаждался треплющим волосы ветерком. Медные буки стояли во всей своей октябрьской красе, и за первым же поворотом готический фасад Стратмурна в зеркале заднего вида растворился в дымке ало-оранжевой листвы.

Возле коттеджей, принадлежавших поместью, он сбросил скорость. Полосатые, желто-коричневые поля заломами были утыканы круглыми копнами сена. Выше по склону холма один из трех фермеров-арендаторов Адама вспахивал поле под озимый ячмень. Над плугом кружилась стайка белых чаек – птицы с криком ныряли к самой земле за червяками, вывернутыми с комьями земли.

Примерно в миле от дома дорога миновала еще одни ворота, обычно открытые, после чего вливалась во второстепенное шоссе, неширокое, но с хорошим покрытием. Вместо того чтобы свернуть направо, в сторону Эдинбурга, Адам повернул налево и, сменив несколько местных дорог категории “В”, добрался наконец до главного въезда в поместье Кинтулов. Около ворот красовался бело-синий знак со стилизованным замком.

Шурша шинами по гравию, он направил свой “яг” под арку ворот и дальше, по длинной аллее. Осенние краски Кинтула, так любимые леди Лорой, были яркими, как в Стратмурне. По дороге Адам гадал, зачем его пригласили, но так и не пришел к определенному мнению.

Поскольку он знал леди Лору всю свою жизнь, поводов к этому могло быть предостаточно – как профессионального, так и личного характера. Ее короткое письмо он получил вечером в пятницу. Тон письма, приглашавшего его навестить Кинтул в понедельник, был спокойный и чуть шуточный – как и обычно у леди Лоры, – но у Адама сложилось впечатление, что помимо удовольствия от его общества она преследует и какую-то другую, неизвестную ему, цель.

За воротами поместья лес сменился пастбищем, открыв наконец вид на большой сказочный дворец, каким представлялся издалика Кинтул-Хаус: нагромождение башен,

башенок и бастионов. Поддерживающие парапет карнизы, так же как обрамляющие окна каменные наличники, были дымчато-серого цвета, перекликавшегося с кровельными пластинами из сланца. Над одной из самых высоких башен на флагштоке реял сине-белый шотландский флаг – знамя Святого Андрея, или, говоря проще, “синее одеяло”. Знамени Кинтулов на флагштоке не было; это означало, что граф Кинтул, старший сын леди Лоры, находится в отъезде.

Это не удивило Адама, поскольку Кинтул, как и большинство других исторических построек Шотландии, сделался не столько семейной резиденцией, сколько музеем и выставочным комплексом. Летом граф открывал территорию поместья и двадцать из двадцати восьми комнат для посетителей. Причина этого была чисто финансовой. Все продолжало поддерживаться в образцовом порядке, хотя лужайка для гольфа и крокета была занята теперь столами для пикников, информационным павильоном и детской площадкой. Это несколько огорчало Адама, и все же это было лучше, чем превращение такого исторического места, как Кинтул, в отель или жилой комплекс. Он надеялся, что сможет уберечь Стратмурн от подобной участи.

Вспоминая щеголей и крокетные костюмы времен своего давно прошедшего детства, Адам проехал мимо стоянки для машин посетителей – совершенно пустой, ибо туристический сезон уже закончился. Булыжная дорога привела его через еще одни ворота, вокруг восточного крыла здания к еще одной стоянке, поменьше, примыкающей к входу в личные покои владельцев усадьбы.

Он припарковал свой “ягуар” рядом с машиной, которую он не видел в Кинтул-Хаусе еще ни разу: “моррисом-мини-трэвеллером” темно-зеленого цвета, с совсем еще свежей деревянной отделкой на боковинах. Заднее сиденье было сложено, а рядом с ним стояло несколько больших холстов, натянутых на подрамники, – насколько Адам мог разглядеть, чистых. Пока Адам стягивал перчатки и наскоро приглаживал волосы расческой, он гадал, чья бы это могла быть машина, но все же отбросил любопытство и зашагал к боковому крыльцу Кинтулов.

Дверь отворил незнакомый слуга в ливрее. Он проводил Адама в вестибюль, где их ждала Анна Ирвин, личная горничная, а порой и секретарь леди Лоры.

– Сэр Адам, я очень рада вас видеть, – сказала она, приветствуя его крепким рукопожатием и несколько озабоченной улыбкой. – Леди Лора в длинной галерее. Я провожу вас туда.

Галерея тянулась на всю длину северного крыла – узкое вытянутое помещение со сквозняками, напоминающее скорее коридор, чем комнату. Пол был устлан симпатичным персидским ковром – розовым с голубым, – но поскольку использовали галерею редко, ее меблировка свелась к ряду изящных кресел, расставленных вдоль стен; цепочка кресел то и дело прерывалась случайным шкафчиком или сервировочным столом. В былые времена галерея предназначалась для активного отдыха обитателей дома в непогоду. Теперь она служила преимущественно проходом, соединявшим гостиные первого этажа, за исключением случаев, когда летние посетители заходили в нее посмотреть коллекцию портретов семьи Кинтул.

Впрочем, сегодня дальний конец галереи преобразился в нечто, напоминающее сценическую площадку. Подойдя ближе, Адам узнал несколько предметов мебели из других частей дома: канапе, кресло со спинкой в форме крыльев, богато украшенную ширму... Составленные вместе, они создавали иллюзию небольшой комнаты. В самом центре этой декорации стояла пожилая женщина в белом бальном платье, величественная, словно фарфоровая статуэтка. Шелковый шарф в традиционную клетку, прикрепленный брошью к плечу, наискось пересекал грудь, а на высоко взбитых седых волосах сияла алмазная диадема.

Еще через несколько шагов Адам заметил в нескольких ярдах от заботливо выстроенного антуража большой холст на мольберте. Ноздри его уловили смолистый запах скипидара; за холстом кто-то пошевелился. Прежде чем он смог разглядеть художника, женщина в диадеме повернула голову и увидела его. Лицо ее осветилось довольной улыбкой.

– Адам, дорогой! – воскликнула она. – Пойдите там, сейчас я освобожусь.

Сделав извиняющийся жест рукой в сторону художника, она сошла со своего места перед ширмой и поспешила ему навстречу. Глядя на нее профессиональным взглядом врача, Адам, к своему облегчению, не заметил никаких признаков слабости или душевного смутения. Она протянула ему худые, со вздувшимися венами руки. Пожимая их, Адам чуть склонил голову и удостоился легкого материнского поцелуя в щеку.

– Право же, Адам, не могу передать вам, как я рада видеть вас, – произнесла леди Лора, когда он в свою очередь поцеловал обе ее руки. – Спасибо, что заглянули.

– Уж не считаете ли вы, что я могу игнорировать приглашение любимой дамы? – улыбнулся он и тут же посерьезнел. – Как вы, дорогая?

Леди Лора отмахнулась от этого вопроса легким пожатием плеч, одновременно отпуская горничную.

– Настолько хорошо, насколько можно ожидать с учетом моего возраста, – безмятежно ответила она. – Обо мне не беспокойтесь. Как дела у ВАС с вашим последним курсом?

– Не так уж и плохо. Впрочем, жизнь была бы много проще, если бы я мог убедить людей не гоняться за модными теориями, а больше руководствоваться здравым смыслом, – печально улыбнулся Адам. – Случаются дни, когда я ощущаю себя такой овчаркой.

– Но вам ведь самому это нравится! – усмехнулась леди Лора, понимающе подмигнув ему.

– Да, пожалуй, иначе я не занимался бы этим. – Адам отступил на шаг, с восхищением глядя на хозяйку. – Но вы... Лора, вы потрясающе выглядите во всех этих регалиях! Вам просто необходимо почаще позировать для портретов.

– Только не это! – Вдовствующая графиня Кинтул закатила глаза в наигранном отчаянии. – Это всего лишь второй сеанс позирования, и признаюсь, новизна ощущений уже почти выветрилась. Я надеюсь только, что Перегрин не будет настаивать на слишком больших исправлениях.

– Перегрин? – Адам заинтригованно склонил голову набок. – Но это же не может быть Перегрин Ловэт, правда?

– Ну почему же? – Леди Лора казалась вполне довольной произведенным эффектом. – Насколько я понимаю, вы уже знакомы с его работами?

– Конечно, знаком, – утвердительно кивнул Адам. – Некоторые его портреты висели в Королевской шотландской академии, когда я был там в последний раз. Они произвели на меня большое впечатление. Его стиль отличается, как бы это сказать, внутренним светом, особым художественным видением. Кажется, будто он пишет нечто большее, чем можно разглядеть простым взглядом. Мне было бы крайне интересно лично познакомиться с ним.

– Рада это услышать, – сказала она, – поскольку мне тоже очень хочется познакомиться с ним.

Это замечание заставило Адама пристальнее взглянуть ей в лицо.

– Уж не ради этого ли вы пригласили меня сегодня?

Прикусив губу, леди Лора вздохнула и потупила взгляд.

– Ему нужна ваша помощь, Адам, – тихо произнесла она, беря его за руку и отводя подальше от холста. – Возможно, это меня и не касается, но... Перегрин для меня – больше, чем просто знакомый. Возможно, вы не помните, но он дружил с Элистером. Они познакомились в Кембридже. Элистер привозил его к нам в Баллатер половить форель... до несчастного случая.

Адам слушал ее не перебивая. Ободренная таким вниманием, леди Лора продолжала рассказ. Элистер был ее младшим и любимым сыном.

– Когда это случилось, Перегрин был на этюдах в Вене, – продолжала она чуть быстрее, – но он прилетел на похороны. После этого я довольно долго не видела его, хотя он часто писал мне, где он и как у него дела. Порой мне казалось, что он почти заменил мне сына.

– Поэтому вы можете представить, как я обрадовалась, когда узнала, что он снял себе студию в Эдинбурге, – продолжала она. – Я сразу же пригласила его к нам, чтобы написать

детей. Он приехал спустя неделю после приглашения. Если бы я сама... Если бы это не я пригласила его, я вряд ли узнала бы его в лицо.

Она сделала вид, что рассматривает одну из кистей на плече.

– Он всегда был довольно тихим юношей, – продолжала она чуть медленнее. – Возможно, даже сдержаннее, чем стоило бы. Но когда он изредка забывал о своей серьезности, у него была такая славная улыбка! А теперь... теперь в нем почти совсем не осталось жизни. Такое впечатление, словно он пытается отрезать себя от всего остального мира. И если кто-нибудь не придет ему на помощь, – устало договорила она, – боюсь, этим все и кончится.

Леди Лора подняла взгляд на Адама – в глазах ее была мольба. Адам легонько сжал ее хрупкую руку.

– Что бы там ни говорили про вашего молодого человека, – с мягкой улыбкой заметил он, – с друзьями ему повезло. Почему бы вам теперь не познакомить нас?

Перегрин Ловэт стоял за своим мольбертом, нервно тыча в палитру кистью с изжеванным кончиком. Всем своим видом он выражал предельное напряжение. Вблизи он производил впечатление классически привлекательного молодого человека лет тридцати, среднего роста, хорошо сложенного, с красивыми, сильными пальцами. Светловолосый, бледный, он был к тому же одет в легкие шерстяные брюки и кашемировый джемпер – и то и другое светло-серых оттенков. Рукава джемпера были закатаны, манжеты светло-бежевой рубашки – аккуратно отвернуты. Туго повязанный галстук свидетельствовал об Оксфорде; похоже, он не ослаблял его никогда, даже во время работы. Правильное лицо могло бы послужить моделью Леонардо, если бы не очки в тонкой проволочной оправе. Толстые линзы не позволяли разглядеть цвет глаз.

Пока леди Лора представляла их друг другу по всей форме, Адам попытался сформулировать свои первые впечатления, стараясь не ограничиваться только внешностью. То, что он увидел при втором, более внимательном взгляде, подтверждало опасения, высказанные графиней.

Все в молодом живописце выдавало состояние крайней эмоциональной подавленности. Густая шевелюра светло-бронзового цвета была небрежно зачесана назад, а холодная гамма одежды словно высасывала последние краски из лица, и без того слишком бледного и худого. Плотные сжатые бесцветные губы, казалось, давно уже разучились улыбаться.

Голос леди Лоры заставил его на время прекратить профессиональные наблюдения. Впрочем, обращалась она не к нему, а к художнику.

– Адам – психиатр, Перегрин, но пусть это вас не пугает, – говорила она. – Он еще и старый, добрый друг – и большой поклонник ваших работ.

– Именно так, мистер Ловэт, – подтвердил Адам, не упустив поданного ему паса. – Я очень рад познакомиться с вами.

Он улыбнулся и протянул руку, но не очень удивился, когда Перегрин нашел способ уклониться от рукопожатия.

– Извините меня, сэр Адам, – пробормотал молодой человек, демонстрируя ему перепачканные краской пальцы. – Боюсь, я не могу ответить вам как подобает. – С этим несколько натянутым извинением он вернулся на свое место у мольберта и принялся вытирать руки тряпкой. Пальцы его слегка дрожали. Когда Адам подошел к нему чуть ближе, словно для того, чтобы посмотреть на холст, Перегрин быстро протянул руку и закрыл неоконченное полотно мешковиной.

– Ничего страшного, мистер Ловэт, – заявил Адам, сделав вид, будто ничего не заметил. – Прошу меня простить, если я помешал вашей работе. Судя по тому, что мне посчастливилось видеть в прошлом, у вас редкий талант портретиста. Меня особенно тронула ваша работа, изображающая леди Дуглас Маккей с детьми. На мой взгляд, это один из лучших экспонатов последней выставки Королевской шотландской академии.

Перегрин быстро глянул на Адама исподлобья, а потом притворился, будто всецело поглощен отмыванием своей кисти.

– Весьма признателен вам за комплимент, сэр, – неловко пробормотал он.

– Особенно мастерски удаются вам изображения детей, – спокойно продолжал Адам. – Всего неделю назад я гостил у Гордон-Скоттов и не мог не обратить внимания на выполненный вами портрет их сына и дочери. Я понял, что это ваша работа, даже не глядя на подпись. Ваша способность разглядывать за каждым лицом душу, право же, потрясает.

Молодой человек пробормотал какую-то невнятную фразу, которую можно было расценить как вялое возражение на столь высокую оценку его творчества, и отложил тряпку в сторону. Он снова покосился на Адама, потом резким движением снял очки и недовольно уставился на них. Без очков его глаза оказались тускло-карими, усталыми.

– Ладно, Адам, – вмешалась в их разговор леди Лора, стоявшая за спиной Адама. – Если вы с Перегрином намерены и дальше обсуждать творческие вопросы, я уверена, это гораздо удобнее делать где-нибудь в другом месте, не на сквозняке. С вашего позволения я пойду и попрошу Анну приготовить нам кофе в утренней гостиной.

Она вышла прежде, чем Перегрин успел возразить, а Адам вовсе не собирался упускать те возможности, которые она ему предоставила. Художник поспешно нацепил очки обратно на нос и посмотрел вслед графине с видом близким к полному отчаянию. “Интересно почему?” – подумал Адам.

– Ну что ж, – с улыбкой заметил Адам, потирая застывшие на сквозняке руки, – леди Лора, как всегда, практична. Кофе нам не помешает, особенно сейчас. Я поражаюсь, как ваши пальцы еще не заоченели от работы. Разрешите?

Прежде чем Перегрин успел остановить его, Адам в два шага оказался у мольберта и потянулся к мешковине. Это движение застало Перегрин врасплох; тот инстинктивно поднял руку, словно чтобы ухватить Адама за рукав, но в последнее мгновение опомнился.

– Нет... прошу вас! – выпалил он, нелепо вскинув руку, пока Адам осторожно приподнимал мешковину за край. – Я... право же, не стоит пока... я хочу сказать, я никому не показываю своих картин, пока они не...

Адам смерил молодого человека неожиданно твердым взглядом, отчего тот осекся на полуслове. Адам перевел взгляд на холст. Все так же осторожно он снял мешковину, чтобы разглядеть все полотно.

То, что он увидел, напоминало почти сюрреалистическое смешение сюжетов, как будто взятых с двух разных картин. Адам хорошо знал всех трех внуков Кинтул. На переднем плане весело смотрели в мир светлыми, смеющимися глазами Уолтер, Марджори и Питер-Майкл. Эта часть полотна словно излучала тепло, жизнь и краски. Невинно-шаловливое выражение круглого лица Питера заставило Адама невольно улыбнуться, однако эта улыбка тут же погасла, когда он перевел взгляд на другую половину портрета.

Величественная фигура на заднем плане принадлежала леди Лоре. Сходство с оригиналом было несомненным, но если изображения детей были яркими и четкими, леди Лора казалась бледной и нематериальной, словно отпечаток на воде. Выражение ее глаз было скорбным; губы словно шептали слова прощания. В окне за ее спиной виднелся заснеженный сад.

Долгое мгновение Адам молча смотрел на картину. Потом он осторожно опустил мешковину.

– Теперь я понимаю, – мягко произнес он, не отводя взгляда от мольберта. – Вы это видите. Правильно?

Стоявший за его спиной Перегрин издал странный сдавленный звук. Адам удивленно повернулся и посмотрел ему прямо в лицо. Взгляд художника был полон боли и смутения. Перегрин Ловэт совершенно явно не имел ни малейшего представления о том, что заставило его написать то, что он написал.

– Я прошу прощения, – все так же мягко продолжал Адам, сочувственно глядя на своего собеседника. – Теперь я понимаю, что вам это было неизвестно. Но это так, мистер Ловэт, она и правда умирает. Вряд ли наберется и дюжина людей, которым это известно – она сама не желает этого, – но вы видите это. Или скорее, – тихо добавил он, – вы не можете не видеть

этого, как бы вам ни хотелось обратного.

Глаза Перегринна расширились. Он отступил на пару шагов и остановился. Он дрожал, губы его беззвучно шевелились.

– Мой дорогой мальчик, все в порядке, – прошептал Адам. – Видеть можно по-разному; порой это равносильно познанию истины. Эта ваша способность – дар, а не проклятие. Вы способны научиться пользоваться этим, а не позволять использовать вас.

Перегрин сделал вялое движение рукой, словно отмахиваясь от этих слов, и с усилием сглотнул.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – хрипло произнес он.

– Конечно, не понимаете, по крайней мере пока, – согласился Адам. – Но ради вашего же собственного блага, надеюсь, вы обдумаете то, что я вам сказал.

Движение в восточном конце галереи не позволило им больше ничего сказать. Горничная леди Лоры подошла к ним и объявила, что кофе готов и графиня ждет их в утренней гостиной. Идти вместе с Адамом Перегрин отказался, сославшись на необходимость сначала смыть с рук краску. Адам не стал возражать и направился в утреннюю гостиную, оставив молодого человека, чтобы тот пришел в себя, хотя бы частично.

По контрасту с более официальной галереей утренняя гостиная была отделана жизнерадостными оттенками зеленого с золотым. Адам застал графиню удобно устроившейся на обитом ситцем диванчике у камина, в котором весело потрескивал огонь. Напротив дивана, по другую сторону от небольшого столика с кофейным сервизом, стояло кресло из того же гарнитура.

– Весьма любопытный молодой человек, – сказал Адам в ответ на вопросительный взгляд графини, усаживаясь рядом с ней. – Вы были правы, обратив на него мое внимание.

– Но с ним все будет в порядке? – спросила она, все еще встревоженно. – Адам, что с ним не так? Вам это известно?

Адам погладил ее по руке и ободряюще улыбнулся.

– При таком недолгом общении я мог только строить предположения, но мне кажется, я сказал ему кое-что, над чем можно поразмыслить. Давайте просто подождем, ладно?

Присоединившийся к ним через несколько минут Перегрин, казалось, был скован и ощущал себя крайне неловко, хотя монохромная серая гамма его одежды была теперь нарушена элегантным синим пиджаком с блестящими золотыми пуговицами. Он принял у леди Лоры чашку кофе и сел напротив нее, но есть отказался. Ободренная взглядом Адама, леди Лора уверенно приняла на себя руководство дальнейшей беседой, поведав им несколько забавных историй о наиболее эксцентричных персонажах из числа запечатленных в фамильной портретной галерее. В конце концов Адам отставил чашку в сторону и посмотрел на свои серебряные карманные часы.

– Прошу прощения, Лора, но боюсь, мне пора спешить, – произнес он, убирая часы обратно в жилетный карман. – Через полчаса меня уже ждут на обходе, и одному Богу известно, куда заведут моих славных студентов новые доктрины, если я не буду присматривать за ними. Порой мне даже жаль, что психиатрия не принадлежит к числу точных наук.

– Так уж и быть, я вас прощаю, мой дорогой, – с улыбкой отвечала леди Лора. – Кто я такая, чтобы занимать ваше время в ущерб вашему долгу?

Адам легко поднялся.

– Не могу даже выразить, как бы мне хотелось задержаться, – улыбнулся он. – Большое спасибо за кофе. С вашего позволения, я постараюсь позвонить в среду.

– Вы прекрасно знаете, что вам здесь будут рады в любое время, – ответила она, подставляя щеку для поцелуя. – Спасибо за то, что заглянули, Адам.

– Всегда с удовольствием, моя прекрасная леди.

Он повернулся к Перегрину, продолжавшему с отсутствующим видом сидеть с противоположной стороны стола.

– Мистер Ловэт, – сказал Адам, – я был очень рад познакомиться с вами. – Он порывлся

в грудном кармане пиджака и достал оттуда карточницу с монограммой.

– Вот вам моя карточка, – сказал он Перегрину, протягивая ему визитку. – Звоните мне без стеснения. После того, что я видел сегодня, мне очень хотелось бы обсудить возможность работы над моим портретом.

Глава 3

Следующие два дня прошли без новостей о Перегрине Ловэте. Во вторую половину дня в среду Адам, как и обещал, заехал в Кинтул-Хаус. К своему удивлению, Перегрин Ловэт он там не застал. Удостоверившись в том, что леди Лора в хорошем настроении и чувствует себя, насколько возможно, неплохо, Адам поинтересовался, куда исчез молодой человек.

– Честно говоря, не знаю, Адам, – ответила она. Они пили чай в утренней гостиной. – Он не показывался весь вчерашний день, а сегодня утром позвонил и сказал, что у него какое-то срочное дело с агентом одной из лондонских галерей. Если бы я не знала вас лучше, я бы обвинила вас в том, что вы напугали его.

– Ну, он и впрямь изрядно напуган, – рассудительно согласился Адам. – К несчастью, я мало чем могу ему помочь, пока он не испугается самого себя больше, чем боится меня.

После этого он сменил тему разговора, ибо не хотел открывать причины своего интереса к Перегрину Ловэту – тем более леди Лоре Кинтул, чью надвигающуюся смерть увидел Перегрин. Адам поболтал с ней еще час и уехал, получив обещание позвонить, если она ощутит потребность в нем – в качестве врача или друга.

В обычных обстоятельствах Адам позвонил бы леди Лоре в пятницу, но в четверг с Северного моря задул холодный осенний ветер, принесший с собой проливные дожди и сильнейшую грозу. Всего за сутки деревья на северо-восточных склонах холмов начисто облетели, а сжатые поля превратились в раскисшие болота. Ненастная погода повергла нескольких пациентов Адама из Джорданберна в тяжелую депрессию. Он проводил в клинике намного больше времени, чем обычно, поэтому Перегрин Ловэт занимал его мысли даже меньше, чем Лора Кинтул.

Профессиональный кризис пошел на спад только к утру субботы – как раз вовремя, чтобы оставить ему время на запланированные мероприятия. Буря все еще не унялась, но к десяти утра, когда Хэмфри вывел его машину со стоянки Джорданберна и направил ее на запад, небо на севере начало понемногу проясняться. Они неслись по магистрали М8 в сторону Глазго и дальше, на юг – к Фернегейру. Элегантный старый “бентли”, который Адам любил больше других своих машин, даже больше, чем “ягуара”, оправдывал свою репутацию “бесшумной спортивной машины”.

В этот день он был приглашен на ленч в Шательхиро, замечательный охотничий замок, выстроенный в начале восемнадцатого столетия для герцога Гамильтона: Адам обещал произнести поздравительную речь по поводу дня рождения нынешнего герцога. Поскольку старик был близким другом его отца, для сэра Адама Синклера визит был не обязанностью, а скорее удовольствием. То, что он выбрал из всех своих автомобилей “бентли”, тоже являлось своего рода демонстрацией своих добрых чувств, ибо и его отец, и герцог были большими знатоками старых машин.

Он предпочел бы вести сам, но, доверив руль Хэмфри, получил возможность перечитать текст собственной речи. Он также мог подкорректировать второе обращение, с которым ему предстояло выступить сегодня вечером уже в Эдинбурге на благотворительном представлении “Волшебной флейты” – это был еще один повод поручить вождение Хэмфри. Адам терпеть не мог парковаться в городе. Помимо этого, плотный график не позволял им заехать между двумя мероприятиями в Стратмурн, и поэтому Хэмфри захватил для него вечерний костюм, чтобы он мог переодеться по дороге в концертный зал. В общем, у сэра Адама Синклера, баронета, выдалась типичная суббота.

Несмотря на непогоду, мероприятие у Гамильтонов прошло гладко. В короткий просвет между дождями Адам вывел старого герцога на стоянку потыкать ногой шины “бентли” и

повздыхать о золотых временах, когда они с отцом Адама гоняли на куда более старых машинах гораздо быстрее, чем делали это Адам или Хэмфри на почтенном “МК VI”. Потом, когда большинство гостей разъехались, Адама уговорили задержаться выпить, и ему даже хватило времени на то, чтобы переодеться перед отъездом из Шательхира.

Затем ему предстояло заехать за своей спутницей на этот вечер. Она уже ждала его, и они прибыли в концертный зал как раз вовремя. Дженет, леди Фрейзер, была замужем за одним из коллег Адама по клинике, которого вызвали для консультаций в Париж. Фрейзеры жили севернее Эдинбурга, на другом берегу Фирта, и подобно Адаму являлись большими поклонниками оперы. Адам дружил с обоими Фрейзерами с детства.

Кроме того, Дженет Фрейзер была неисправимым романтиком; поэтому она безжалостно подшучивала над холостяцкими привычками Адама и вечно пыталась свести его с юными леди подобающего происхождения. Когда Адам произнес свою речь и вернулся в ложу, она несколько умерила свои старания, позволив ему целиком отдаться чарующей музыке, но позже, в интимной обстановке салона старого “бентли”, ничто уже не мешало ей возобновить свои попытки.

– Право же, ты совершенно невыносим, Адам, – говорила Дженет, пока Хэмфри вез их на север через Форт-Роуд-Бридж. – Мне всегда приятно видеть тебя в качестве провожатого, когда Мэттью уезжает по делам, но тебе нужна собственная дама. Стоит тебе захотеть – наверняка найдется сколько угодно желающих провести с тобой вечер.

Адам вздохнул и поудобнее устроился на кожаных подушках “бентли”. Он уже начинал уставать от этой игры. В принципе он не потерял надежды разделить свою жизнь с женой и семьей, однако женщина его мечты (надо заметить, достаточно взыскательной) с досадным упорством не попадалась ему на жизненном пути.

Разумеется, в этом не было никакой вины Дженет, но он все же был рад, что она не видит, насколько его раздражают настойчивые попытки вернуться к этой теме. Хотя его белый шарф и воротничок наверняка хорошо были видны в полумраке салона, он знал, что лицо его различимо с большим трудом. Она тоже была в черном, так что почти целиком растворялась в темноте, если не считать бриллиантового ожерелья на светлом треугольнике шеи под светлым пятном ее лица.

– Стоит ли мне напоминать, что я просто берегу себя для той, единственной? – парировал он все тем же непринужденным тоном. – В конце концов, ты-то уже замужем.

– Ох, Адам, ты непогрешим. И ведь не то чтобы у тебя не было нормальных appetites – я помню это по давним временам. Вот только потом тебе, похоже, просто ПОНРАВИЛОСЬ жить монахом.

Адам обдумал это обвинение. Некоторые особенности его жизни, которую он разделял с несколькими по-настоящему близкими людьми, и впрямь требовали монашеских дисциплины и самопожертвования, однако обсуждать это с Дженет он был явно не готов, какими бы друзьями они с ней ни были.

– Может, ты будешь меньше сравнивать меня с монахом, если мы заедем в Стратмурн выпить, прежде чем я отвезу тебя домой? – беззаботно предложил он. – И кстати, обрати внимание: это всего лишь приглашение выпить. Красивые замужние дамы – всегда желанные гости в Стратмурнском аббатстве, но моя монашеская келья остается неприкосновенной.

– Ах, Адам! – хихикнула она. – Уж и не знаю, зачем соглашаюсь. Вообще не знаю, зачем имею с тобой дело.

Впрочем, она позволила сменить тему разговора. Он велел Хэмфри изменить маршрут, и ко времени, когда они подъезжали к Стратмурну, голова Дженет сонно покоилась на его плече.

Шипя шинами по гравию, “бентли” подбирался по извилистой дорожке к воротам усадьбы. За последним поворотом Хэмфри потянулся к кнопке дистанционного управления воротами, но удивленно охнул и нажал на тормоза.

“Бентли” замер под проливным дождем посреди дороги. Адам выпрямился и посмотрел через ветровое стекло. Дженет сонно пошевелилась. Прямо перед воротами, загораживая

въезд, стоял темно-зеленый “мини” с деревянными боковинами. Слева от машины виднелась в свете фар “бентли” долговязая, насквозь промокшая фигура.

– Боже праведный, неужели Перегрин Ловэт? – воскликнул Адам, протягивая руку к двери.

Ни шапки, ни шарфа на художнике не было. Дождь насквозь промочил его плащ, и мокрые волосы прилипли к черепу. Судя по всему, он ходил взад-вперед под дождем уже довольно долго, так как успел протоптать в палой листве небольшую тропинку. На мгновение он застыл, словно замороженный светом фар, потом, спотыкаясь, неверной походкой лунатика направился к “бентли”. Очков на нем не было.

– Он что, пьян? – спросила Дженет.

– Не думаю.

Накинув на плечи плащ, Адам выбрался из машины как раз вовремя, чтобы подхватить художника прежде, чем тот упал на колени. Вблизи, в безжалостном свете фар, Перегрин выглядел еще хуже, чем ожидал Адам. Глаза его налились кровью и глубоко запали от недосыпания, на правом виске багровела ссадина.

– Ради всего святого, Перегрин, что с вами? – ужаснулся Адам. – У вас совершенно кошмарный вид!

Перегрин издал нечто среднее между стоном и всхлипом и вцепился в рукав Адама ледяными от дождя пальцами.

– Спасите меня, – отчаянно прохрипел он. – Прошу вас... спасите меня.

– Ну конечно, – заверил его Адам. – Только давайте сначала уйдем с дождя.

Хэмфри выбрался с водительского места “бентли” и остановился рядом с ними у капота машины. Лицо Дженет смутно белело в темном проеме открытой левой двери. Приняв наконец решение, Адам повел Перегрин к “мини” и с помощью Хэмфри усадил его на левое, пассажирское, место, предварительно накинув ему на плечи свой плащ.

– Я справлюсь сам, – сказал он дворецкому, закрывая дверцу со стороны Перегрин и направляясь к водительской двери. – Отвезите леди Фрейзер домой. Скажите, что я позвоню ей завтра утром и все объясню.

Хэмфри кивнул и зашагал обратно к “бентли”. Пока он садился в машину и поворачивался к Дженет, Адам разглядывал Перегрин. Съежившись под плащом Адама, художник порылся в кармане, достал очки и дрожащими от холода руками нацепил их на нос. Адам потянулся к зажиганию, чтобы отвезти Перегрин в дом, но ключей на месте не оказалось.

– Мне нужны ключи, Перегрин, – негромко произнес он, протягивая руку.

Перегрин механически достал ключи из кармана своего плаща. Когда он клал их в руку Адаму, тот заметил на ладони художника линию отпечатков в форме полумесяца – с такой силой ногти Перегрин впились в кожу. Пару секунд Адам ничего не делал, только выбирал в свете фар “бентли” нужный ключ, потом завел машину.

Хэмфри открыл им ворота с дистанционного пульта “бентли”, Адам тронул “мини” с места и медленно повел его к гаражу, время от времени косясь на своего пассажира. Фотоэлемент включил освещение во дворе перед бывшей конюшней, и Адам остановил “мини” под одним из фонарей.

– Я... простите, что беспокою вас, – хрипло пробормотал Перегрин, когда Адам поставил машину на ручной тормоз и выключил зажигание. – Мне не стоило приезжать, но я... я не знаю, к кому еще обратиться. Я... мне кажется, я схожу с ума.

Взгляд темных глаз Адама оставался спокоен.

– Почему вы так считаете?

– Я хотел покончить с собой, – пробормотал тот. – Если бы у меня в студии был пистолет, я бы, наверное, так и сделал. Потом я подумал, не выколоть ли мне глаза мастихином. Я удержался от этого, только заставив себя стиснуть кулаки как можно крепче, а потом бился головой об стену. – Он засмеялся горьким, почти истерическим смехом. – Если уж это не безумие, то я не знаю, как это назвать.

– Почему бы вам не позволить МНЕ судить об этом? – спокойно возразил Адам. – Вы можете сказать, что заставило вас вдруг искать смерти?

Молодой художник задрожал всем телом.

– Леди Лора, – хрипло произнес он. – Она мертва. Умерла сегодня днем.

Это известие вызвало у Адама смешанные чувства: облегчение и одновременно скорбь. Взгляд его оставался спокоен.

– Вы правильно поступили, приехав сюда, – сказал он, чуть помолчав. – Мне жаль только, что вы, для вашего же блага, не приехали раньше.

– Вы думаете, вы можете мне помочь? – недоверчиво спросил Перегрин.

– Мне кажется, вам можно помочь, – осторожно поправил его Адам, продолжая размышлять. – Со своей стороны я сделаю все, что в моих силах. Однако для начала давайте-ка переоденем вас в сухое.

Поскольку Хэмфри был занят, эта задача легла на плечи Адама. Показав Перегрину, где находится библиотека, он повел молодого художника наверх, в одну из боковых спален, выдал ему сухую одежду из собственного гардероба, а сам спустился позвонить. Захлебывающийся слезами голос Анны, личной горничной леди Лоры, снявшей трубку в Кинтул-Хаусе, без лишних расспросов подтвердил, что Перегрин сказал ему истинную правду.

Адам представился, извинился за поздний звонок и осторожно сообщил то, что ему сказали. Всхлипывавшая горничная дополнила этот рассказ некоторыми подробностями: леди Лора скончалась чуть позже четырех часов пополудни. Все произошло тихо, во время послеобеденного сна. Ее старший сын и другие близкие родственники уже собрались в Кинтул-Хаусе, но распоряжений насчет похорон пока не было.

Что ж, все развивалось по обычному для благородных семейств сценарию. Да и сама смерть не стала для Адама неожиданностью, ибо давняя дружба с Лорой Кинтул позволила ему как врачу одному из первых узнать о ее болезни. Он в свою очередь попросил разрешения переговорить лично с графом: чтобы выразить соболезнования и подтвердить готовность оказать любые услуги, которые могли бы понадобиться семье покойной. Они с Кинтулом простились, договорившись созвониться утром.

Положив трубку на рычаг, Адам внезапно почувствовал, что ему трудно сдерживать эмоции. К боли от утраты примешивалось сомнение в том, все ли возможное он сделал для графини.

“Я знал, что это всего лишь вопрос времени, – думал он. – Возможно, мне нужно было находиться там”. Другая же половина его “я” возражала: “Сделано все необходимое. Ты сам открыл ей глаза на все...”

Шаги за дверью вернули его мысли к более неотложным проблемам живых. Спустя мгновение, шаркая по полу слишком большими бархатными шлепанцами с фамильным гербом Синклеров, в библиотеку неуверенно вошел Перегрин в синем шерстяном халате, тоже на несколько размеров больше необходимого. Он не произнес ни слова, но покорно позволил усадить себя в кресло у огня.

Пегррин все еще был мертвенно-бледен от холода и потрясений прошедшего дня. Невооруженным глазом было видно, как ему страшно. Отгоняя прочь сомнения, Адам подошел к бару и налил в два хрустальных стакана по хорошей порции виски. Потом ободряюще улыбнулся Адаму и сунул стакан ему в окоченевшую руку.

– Вот, выпейте, – посоветовал он. – Я только что звонил в Кинтул-Хаус. Позвольте мне разжечь камин, а потом мы побеседуем обо всем.

Он поставил стакан на каминную полку и устало наклонился к очагу, сунул под лежавшие наготове поленья растопку и зажег ее длинной спичкой. Когда огонь разгорелся, Адам забрал свое виски и сел напротив Перегрина.

– Я говорил с Анной, горничной леди Лоры, – негромко сказал он в ответ на вопросительный взгляд художника. – Разумеется, она подтвердила то, что вы сообщили мне раньше. Но вы не должны скорбеть по леди Лоре. Она сейчас в достойном обществе.

Глаза Перегринна немного расширились, с такой спокойной уверенностью это было сказано.

– Что вы имеете в виду? – неуверенно спросил он. – Вы говорите так, будто *знаете*.

– Я знаю.

– Но... но откуда? Кто вы вообще такой?

Адам сохранял нейтральное выражение лица, пытаясь представить себе, как много сумел разглядеть Перегрин.

– Вам известно мое имя. Вы видите мое лицо, – рискнул он.

Смятение и страх снова обозначились на изможденном лице Перегринна.

– Да, – прошептал он. – Это часть того, что так страшит меня. Боже мой, если бы я только мог перестать видеть! – простонал он, тряхнув головой. – Если вы обладаете такой силой... если... если вы и правда... кто-то вроде волшебника... Бога ради, снимите с меня это проклятие!

Глаза его горели лихорадочным огнем, руки с такой силой стиснули стакан, что Адам даже испугался, не раздавит ли тот его.

– Я же сказал вам: никакое это не проклятие! – резко перебил он. – И не в моих силах заставить вас не видеть, даже если бы у меня было право делать это. Впрочем, прежде чем продолжать этот разговор, вам надо немного расслабиться. – Он махнул рукой со стаканом в сторону Перегринна. – Мне бы не хотелось вынимать из ваших весьма и весьма талантливых рук осколки, если стакан вдруг треснет. Если вы не любите виски, – добавил он чуть мягче, – я могу дать вам успокоительного.

Перегрин побледнел еще сильнее и мотнул головой, но стакан из рук не выпустил.

– Н-нет, прошу вас. Никаких успокоительных. От них только хуже. Если я принимаю пилюли, я утрачиваю тот незначительный контроль над своими видениями, который у меня еще остался.

– Значит, некоторый контроль у вас все же есть?

Перегрин горько усмехнулся.

– Вы надо мной смеетесь, верно? Вы считаете, что я действительно рехнулся.

– Вовсе нет. Мне абсолютно искренне интересно, что вы мне расскажете, – не покрывив душой, возразил Адам. – Но если вы хотите, чтобы я помог вам, вам надо сейчас же настроиться на то, что вы будете со мной абсолютно откровенны, каким бы диким вам самому ни казалось то, что вы мне расскажете! Я обещаю, что не буду вам судьей, но мне необходимо знать все. Я понимаю, что вас это не слишком обнадеживает – вы ведь меня почти не знаете, – но я не смогу помочь вам, если вы не пойдете мне навстречу.

Адам замолчал. Долгую минуту Перегрин молча, не шевелясь, смотрел на него, потом глубоко вздохнул и провел рукой по лицу и подсыхающим волосам, сдвинув очки.

– Простите меня. Я... Я никогда не говорил об этом ни с кем. С чего мне начать?

– Ну, обыкновенно принято начинать сначала, – заметил Адам. – Так когда вы в первый раз заметили за собой способность *видеть* ?

Перегрин с усилием вздохнул и на мгновение снял очки, чтобы потереть глаза тыльной стороной ладони. Потом он снова надел очки и уставился на стакан виски в руке.

– Я... мне трудно припомнить время, когда я не мог этого, – пробормотал он. – Когда я был маленьким, я видел много всякого такого – вещи, которых на самом деле не было. Ну, я видел картины на стенах, которые потом оказывались пустыми, видел в зеркале рядом со своим отражением другие лица. Иногда вокруг меня происходили события словно как из других времен... – Он осекся и замолчал.

– Вас пугало то, что вы видели? – спросил Адам. Вопрос этот, похоже, застал Перегринна врасплох: нахмурившись, художник стал вспоминать.

– Нет, если подумать, не пугало, – ответил он. – Вот отца моего это напугало до полусмерти, когда он узнал об этом. Он решил, что я серьезно нездоров.

Он вздохнул, переводя дух.

– Когда я был совсем еще маленький, у меня была куча друзей, которые то и дело ко

мне приходили – рассказывали сказки, играли со мной. Я знаю, воображаемые друзья есть у многих детей, но рано или поздно все из этого вырастают. Мои же казались совсем настоящими. Когда я пошел в школу, некоторые помогали мне делать уроки. Некоторые даже подсказывали мне на экзаменах, хотя полностью ответ не давали ни разу.

Он покосился на Адама, но тот молчал, не перебивая.

– Это... Это казалось таким естественным, что я как-то над этим даже не особенно задумывался, – продолжал он, – пока не начал разговаривать с другими мальчиками. Только тогда я понял: никто, кроме меня, не догадывался о существовании моих друзей. А в конце концов я совершил ошибку, рассказав об этом отцу.

– Почему вы считаете это ошибкой?

Перегрин передернул плечами и поморщился.

– Если бы вы знали моего отца, вы бы не стали обращаться к нему с этим. Он типичный твердолобый реалист. Даже мысль о том, что его сын может быть таким впечатлительным, просто приводила его в ужас.

– Значит, вы обсуждали с ним это в подробностях?

– Я бы не назвал это “обсуждением”, – возразил Перегрин, скривив губы. – Скажем так, мы просто обменялись репликами. Он недвусмысленно заявил мне, что мое чрезмерно развитое воображение недопустимо. Увы, это мало помогло. Собственно, стало только хуже. Казалось, чем больше мои смутнение и досада, тем больше всякого я вижу... – Он снова опустил взгляд на виски.

– Сколько лет вам тогда было?

– Около одиннадцати, – почти беззвучно ответил Перегрин.

– Вы не знаете, ваш отец собирался обследовать вас у психиатра?

Перегрин мотнул головой, не решаясь встретиться с Адамом взглядом.

– Он считал, что, если об этом узнают, это плохо отразится на репутации семьи. В конце концов он отказался от мысли переубедить меня и просто объявил, что если я... если я хочу остаться его сыном, я должен научиться владеть своими бреднями.

Адам только кивнул. Подобные истории он наблюдал уже много раз.

– Продолжайте.

Перегрин на мгновение зажмурился, потом вновь заговорил:

– Как вы можете себе представить, угроза была не из пустых. Я предпринял все, что мог, чтобы не видеть тот, другой мир. Мне кажется, его метод был достаточно эффективен, так как к тринадцати годам мне удалось наконец избавиться от всего этого.

Голос его звучал уныло, никак не радостно.

– Давайте-ка на минутку отвлечемся, – как бы невзначай сказал Адам, помолчав немного. – Когда вы начали рисовать и писать картины?

Перегрин облегченно вздохнул.

– Ну, это-то проще, – ответил он. – Это было в начале третьего года подготовки, когда все мои видения прекратились. Я поступил в художественный класс. – Он улыбнулся воспоминаниям. – Это было потрясающе. Я и не предполагал, что во мне может быть столько тяги к искусству. В конце концов, этот совершенно новый мир открылся мне как бы в утешение за тот, который я потерял.

– И что вы тогда рисовали? – спросил Адам, пытаясь увести разговор в сторону от все еще видимого глазу эмоционального минного поля.

– О, ничего особенного: славные безобидные пейзажи, дома... С упором на перспективу. – Теперь, когда речь зашла об искусстве, голос Перегрина звучал увереннее. – Большинство моих одноклассников терпеть не могли отрабатывать технику, но для меня упражнения по перспективе были чем-то вроде... Ну, не знаю... Вроде волшебства. То есть были, конечно, правила, которым надо было следовать, но возможности при этом открывались почти безграничные. Учительница живописи проявляла ко мне благосклонность, так что я понемногу восстанавливал уверенность в себе.

Он пригубил наконец свое виски и задумчиво продолжил:

– Все стало еще лучше, когда мы занялись живой натурой. Портреты сразу стали моим коньком. В выпускном классе я написал портрет старшего преподавателя в образе Роберта Брюса так хорошо, что его отметили премией. Это сыграло важную роль. Мой отец с сомнением относился к моему увлечению искусством – мне кажется, он предпочел бы какие-нибудь спортивные достижения, – но ведь с репродукцией на обложке “Скоттиш Филд” не поспоришь! К счастью, я сдал экзамены так удачно, что даже он не смог возмутиться ЭТИМ. Я хотел и дальше учиться живописи, отец желал, чтобы я учился на юриста, – так что мы сошлись на истории искусств в Оксфорде плюс художественная школа. – Перегрин болезненно скривился. – Теперь мне жаль, что я не послушался отца и не пошел на юриста: может, из меня вышел бы банкир... или экономист.

– Правда? – Адам старательно поддерживал бесстрастный тон.

– Да! – с ожесточением выкрикнул Перегрин. – О, я очень неплохо начал – в первые годы после окончания. Благодаря помощи леди Лоры и других мне удалось выдвинуться... Я даже приобрел некоторую репутацию, но только тут все снова обернулась к худшему.

– Каким образом?

– Мое видение... Оно изменилось, – вздохнул Перегрин и сделал еще глоток из стакана. – Я снова начал видеть всякие вещи. Я старался контролировать себя, но мне это не всегда удавалось. Все чаще и чаще, начиная работу над новым портретом, я начинал видеть то, чего мне видеть не положено. Иногда, глядя в лицо позирующего мне человека, я ловил себя на том, что вижу его будущее...

– Видите его смерть, вы хотите сказать? – предположил Адам.

Перегрин стиснул губы.

– Ну, не каждый раз. Но достаточно часто, чтобы убедиться в том, что писать кого-либо старше среднего возраста – это напрашиваться на помрачение рассудка.

– Вот почему последние годы вы пишете в основном детей, – договорил за него Адам и кивнул. – А что заставило вас написать леди Лору?

– Вы когда-нибудь пытались сказать “нет” леди Лоре? – Перегрин немного недоверчиво покосился на Адама. – И потом, поначалу мы договаривались только о портрете ее внуков. Только когда я уже начал работу, она попросила, чтобы ее тоже включили в композицию. Едва ли я мог отказать ей: из всех моих покровителей она была самой доброй и щедрой – почти как родная мать, если вам это интересно. Вот почему, когда я понял, что я пишу...

Он глубоко вздохнул и попробовал продолжить рассказ:

– Я пытался убедить себя, что все это неправда, – прошептал он. – Собственно, это все, что я мог сделать, чтобы продолжать работу. Я пытался отделаться от этого знания, но не мог. А потом еще вы появились – и продолжать отрицать это было уже просто невозможно. Теперь она умерла, как я и предвидел. А я... У меня и слез-то больше не осталось оплакать ее.

Он закрыл лицо руками, и все тело его содрогнулось от всхлипа. Адам протянул руку и осторожно положил на его худое плечо.

– Перегрин, – негромко произнес он. – У леди Лоры Кинтул диагностировали рак примерно полгода назад. Это было задолго до того, как вы начали работу над ее портретом. Предвидеть чью-то смерть и вызывать ее – разные вещи.

Перегрин не откликнулся, поэтому Адам зашел с другой стороны.

– Вы видите что-нибудь, кроме смерти?

Перегрин слабо мотнул головой.

– Что еще вы видите? – настаивал Адам. Перегрин оторвал лицо от рук, отчаянно пытаясь совладать с эмоциями.

– Ну... это трудно описать, – неохотно сказал он. – Я вижу... Ну, что-то вроде того, что видел, когда был совсем маленьким. Иногда только фон меняется, словно я заглядываю в другое время или в другое место. Иногда меняется само лицо – когда я смотрю на него под другим углом или в другом освещении. Это тот же самый человек – но в чем-то немного другой.

Адам кивнул:

– Можете привести пример?

Перегрин прикусил губу.

– Взять, например, хоть вас. Даже сейчас я не знаю наверняка, как вы выглядите. Что-то в вас продолжает меняться. Я вижу вас не таким, каким видел минуту назад.

Адам продолжал внимательно слушать.

– Вы хотите сказать, вы видите мою смерть?

От этого вопроса Перегрин вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

– Нет. Не смерть... – Он прищурился, наклонив голову сначала в одну сторону, потом в другую, словно пытаясь найти верную точку зрения.

– Нет, не помогает, – сказал он наконец. – Я не могу сказать вам, что я вижу.

С минуту Адам сидел молча, очень осторожно взвешивая слова.

– Мне кажется, нам стоило бы посмотреть, есть ли какое-то средство от этого, – сказал он наконец, отставив в сторону так и не тронутый стакан. – Существуют способы выделить и выявить скрытые особенности восприятия. Я предлагаю провести один несложный эксперимент.

– Эксперимент? – Перегрин бросил на него дикий, почти затравленный взгляд, но тут же сделал большой глоток из стопки.

– Почему бы и нет? – заявил он неожиданно беззаботно. – Продолжать в том же духе я не могу. Если этот ваш эксперимент даст хоть какую-то надежду, по-моему, стоит попробовать.

Глава 4

– Умница, – одобрительно улыбнулся Адам. – Все, что нам теперь нужно, – это несколько нехитрых инструментов.

Он встал со своего места, отодвинул небольшой столик розового дерева от дивана и поставил его прямо перед креслом Перегрина. Потом вернулся к бару и порывлся в нижнем отделении. Когда Адам вернулся к Перегрину, в его руках был круглый поплавок от рыбацких сетей, сделанный из прозрачного, чуть зеленоватого стекла. Он вручил поплавок Перегрину, которому пришлось поставить на стол свой стакан.

– Хрустальный шар? – спросил художник не без скепсиса.

– Можно сказать и так, – с улыбкой ответил Адам. – Я вам сейчас все объясню, а вы сами решите, хотите ли это продолжать.

Он снял с каминной полки один из двух серебряных подсвечников, стоявших по сторонам от небольшой картины со сценой охоты, наклонившись, зажег от огня длинную каминную спичку и уже от нее зажег свечу. Потом поставил подсвечник точно в центре столика перед Перегрином. Тот наблюдал за всеми этими действиями со смешанным чувством замороженного восторга и легкой неуверенности. Казалось, в мерцающем огне свечи замысловатая инкрустация на столешнице излучала внутреннее сияние.

– Ну вот, – произнес Адам, вернувшись на свое место, – как вам, возможно, известно, ключи к большинству психических отклонений лежат глубоко в подсознании человека. Для того чтобы добраться туда, нам надо сначала отключить активную часть сознания. Разумеется, этого можно достичь химическими средствами, однако все они имеют побочные эффекты. И потом, вы же сами сказали, что от лекарств ваша проблема лишь обостряется. Поэтому я предлагаю вам – я вообще предпочитаю этот метод – использовать способ медитации, который с успехом применяли в прошлом. Один из способов, которыми подсознание охраняет свои секреты, – это проецирование страха в активную часть сознания. Я хочу заставить вас расслабиться и посмотреть, сумеем ли мы обойти этот страх и добраться до того, что вас беспокоит.

– Но я и так знаю, что меня беспокоит, – проговорил Перегрин. – Я вижу то, что *не должен* видеть!

– Почему бы вам, хотя бы из уважения ко мне, не сделать вид, будто я знаю, что делаю?
– мягко сказал Адам. – Я понимаю, что вы сейчас – сплошной комок нервов, и я понимаю почему, но мы ничего не добьемся, если вы не позволите мне помочь вам.

Упрек возымел действие. Перегрин не без опаски покосился на Адама из-под очков и вздохнул.

– Простите меня, – пробормотал он. – Так что вы хотите делать?

– Во-первых, – так же спокойно продолжал Адам, – я хочу, чтобы вы взяли поплавок в руки так, чтобы видеть через него пламя свечи.

– Ладно. – Перегрин повертел шар в руках, глядя на него под разным углом. – Может, мне лучше снять очки? – спросил он.

– Можете, если так вам удобнее. Вы хорошо видите без них?

– Ну, на таком расстоянии достаточно. Это имеет какое-то значение для эксперимента?

– Не особенно.

– Тогда я лучше их оставляю. – Он вдруг подозрительно покосился на Адама. – Уж не гипнотизировать ли вы меня собрались?

– Вот видите, вы знаете все мои приемы, – улыбнулся Адам, откидываясь на спинку кресла. – Вам нечего бояться. Это совсем не то, что Свенгали или граф Дракула, лишавшие своих жертв воли к сопротивлению. Обещаю вам, что вы все время будете сохранять контроль за ситуацией.

Это обещание вызвало требуемую улыбку, пусть и слегка натянутую. Перегрин послушно устремил взгляд на поплавок, а через него – на огонь. Слегка искаженное кривизной стекла пламя, казалось, жило собственной жизнью, превращаясь в причудливые пляшущие фигуры.

Мало-помалу негромкий голос Адама заставил художника расслабиться. Вглядываясь в пляшущий огонь, Перегрин словно купался в его теплом, живом сиянии, заполнявшем все поле зрения. Нарастающий свет словно проникал во все поры его тела и делал его невесомым. Почему-то это казалось совсем не странным, а, напротив, неожиданно знакомым, даже приятным.

Перегрин зажмурился, пытаясь вспомнить, где и когда он так чувствовал себя прежде. Все время он продолжал слышать глубокий, звучный голос Адама Синклера. Слова были ясны, но доносились до него словно издалека.

– Вот так... Продолжайте так же, можете закрыть глаза. Расслабьтесь и плывите. Вам нечего бояться. Вы в полной безопасности. Просто расслабьтесь. Расслабьтесь...

Постепенно с лица молодого художника исчезли последние признаки напряжения. Дыхание его выровнялось, как у засыпающего. Адам на несколько секунд замолчал, но Перегрин только вздохнул и устроился в кресле поудобнее.

– Очень хорошо, – мягко заметил Адам. – Вы меня ясно слышите?

– Да, – ответил тот чуть слышно.

– Отлично. – Голос Адама оставался негромким, успокаивающим. – Вы сейчас полностью осознаете происходящее; вам просто не хочется обращать внимание на посторонние вещи. Вы расслаблены и умиротворены. Теперь я отойду взять одну вещь. Когда я вернусь, я попрошу вас сделать для меня нечто несложное – вы вполне в состоянии сделать это. Вы согласны?

– Да.

Адам отошел к столу в противоположном конце комнаты и вернулся, держа в руках карандаш и чистый блокнот. Перегрин сидел так же, как Адам его оставил: спокойно, неподвижно, зажмурившись.

– Вы все делаете замечательно, – заверил его Адам все тем же тихим голосом. – Поплавок уже помог нам, поэтому я выну его из ваших рук. – Он взял поплавок и положил его на стол. – Вместо него я дам вам карандаш и бумагу. Я хочу, чтобы вы несколько раз глубоко вздохнули, – это избавит вас от остатков напряжения. Потом, когда вы будете готовы, я хочу, чтобы вы открыли глаза и посмотрели на меня – и обычным, и своим внутренним

зрением – и нарисовали то, что вы увидели. Вы меня поняли?

Перегрин согласно кивнул и вздохнул несколько раз, его опущенные веки затрепетали. Адам тихо сел на место и принялся ждать, закинув ногу на ногу. Когда художник открыл глаза, взгляд его больше не был затравленным, но светился внутренним сиянием – так разгорается только что заправленная лампа.

Адам не двигался и не говорил ни слова, лишь смотрел на то, как быстро меняется выражение лица Перегрин. Пошарив руками по столу, художник взял карандаш и блокнот и начал набрасывать что-то на бумаге, почти не сводя взгляда с Адама. Порисовав с минуту, он нахмурился и принялся лихорадочно стирать нарисованное ластиком, потом начал рисовать снова. Когда он в смятении стер второй набросок и начал третий, Адам тихо поднялся и положил одну руку ему на плечо, а второй мягко останавливающе коснулся его лба.

– Закройте глаза и успокойтесь, Перегрин, – прошептал он. – Расслабьтесь и забудьте о рисунке. Похоже, задача оказалась сложнее, чем я предполагал. Расслабьтесь и отдохните несколько минут, а я пока посмотрю, что вы нарисовали.

К счастью, ластик не до конца уничтожил следы набросков. Последний из них изображал узкое, бородатое лицо с глубоко посаженными глазами и патрицианским носом над резко очерченным, чувственным ртом. Человек на наброске был одет в стальную кольчугу и остроконечный шлем, какие носили в конце тринадцатого века. На плаще, сброшенном поверх кольчуги, явственно различался восьмиконечный крест Ордена Тамплиеров.

Адам прикусил губу, осознав, что разглядел Перегрин, – эхо давнего прошлого, подробности которого доступны были только самому Адаму, да и то лишь в состоянии глубокого транса, когда их не заглушало бодрствующее сознание. Как психиатр, он предпочитал считать эту “глубокую память” порождением своей психики, трюками сознания, которое пытается справиться с действительностью, обращаясь к фантазиям на тему прошлого, а не к холодным, жестоким реалиям настоящего. Другая, мистически настроенная часть натуры Адама все же верила в то, что это не фантазии, но объяснить он это пока не мог.

В качестве компромисса он позволял себе действовать так, словно это действительно правда, просто принимая на веру и используя подсказки своих “прошлых я”, ибо это, как правило, помогало – даже если применяемые им методы не укладывались в рамки его медицинского образования или даже простой логики, не говоря уже о его принадлежности к религиозной общине, которой он всегда оказывал ощутимую поддержку.

Как бы то ни было, вполне заслуживающие уважения источники свидетельствовали, что род сэра Адама Синклера, баронета, был тесно связан с рыцарями Храма. Башня, ожидавшая восстановления на поле в северной части поместья, принадлежала роду Синклеров никак не меньше пятисот лет и находилась на месте монастыря тамплиеров. Именно Темплмору, в названии которого присутствует корень “темпл” – “храм”, а не Стратмурну род Синклеров был обязан своим титулом. Все это говорило о том, что кровь тамплиеров течет в жилах Синклеров с тех темных времен, когда орден подвергался гонениям почти везде – кроме Шотландии.

Впрочем, за давностью лет, достоверность некоторых источников могла быть подвергнута сомнениям – но это было не так уж важно. Некоторые истины просто *были*. И одной из истин о тамплиерах, подтвержденной даже книгами по истории – в которой Адам не сомневался ни на минуту, – было то, что рыцари Храма исповедовали слепую готовность защищать Святую Землю и сокровенные знания своего ордена. Многие из них приняли мученическую смерть на костре, но так и не выдали тайны. И хотя в четырнадцатом веке король Франции вознамерился уничтожить орден в надежде завладеть его легендарными сокровищами, он так и не понял, что величайшей ценностью храмовников было не золото, но знание...

Знание. Похоже, Перегрин Ловэт владел им – хотя было совершенно ясно, что сам он не понимал, чем владеет. Адам задумчиво взгляделся в работу молодого художника. Видневшийся из-под верхнего портрета второй набросок изображал такую же волевою

личность, но лицо было чисто выбритым, с ястребиным носом, обрамленное свисающими полосами ткани. Высокий головной убор, нарисованный Перегрином поверх ткани, представлял собой двойную корону Нижнего и Верхнего Египта.

Адам отвернулся от рисунка и уставился в огонь. Второй набросок потряс его еще больше, чем рыцарь-храмовник, ибо отражал самые невероятные из глубоких воспоминаний Адама. Интересно, мелькнула у него мысль, какие еще лица нарисовал бы Перегрин, не останови его Адам.

Этот парень, несомненно, обладал особым даром. Другое дело, кто такой этот Перегрин Ловэт, почему он способен проникать взглядом под маску материальности и *видеть* душу человека, особенно обладающего подготовкой и умением, как у Адама? Ответ на этот вопрос мог иметь далеко идущие последствия – не только для Перегрин, но и для Адама и его помощников. Он повернулся обратно и внимательно посмотрел на молодого художника, обдумывая свои следующие действия. Перегрин сидел неподвижно, сцепив руки на коленях. Глаза его под линзами очков были закрыты, но Адам сомневался, что транс достаточно глубок для того, что он намеревался сделать. Положив блокнот на каминную полку, он решил проверить, насколько Перегрин восприимчив к гипнозу.

– Перегрин, – негромко произнес он. – Мне по возможности бы хотелось продвинуться еще на шаг вперед. Вы верите, что все мои действия идут вам на благо?

Молодой человек сонно кивнул. Адам протянул руку и снял его очки, чтобы лучше видеть движения век.

– Не открывайте глаз, – продолжал Адам. – Я снял ваши очки только для того, чтобы вам было удобнее. Какое-то время зрение вам все равно не понадобится. Я хочу, чтобы вы сделали глубокий вдох и сосредоточились на биении вашего сердца. Я собираюсь проверить ваш пульс и хочу, чтобы вы считали вместе со мной. – Он взял Перегрин за запястье и пощупал его пульс – четкий и ровный.

– Сделайте еще глубокий вдох и сконцентрируйтесь на своем сердцебиении, – продолжал он. – Почувствуйте, как пульс и ритм вашей жизни медленно увлекают вас глубже и глубже, успокаивая по мере того, как мы считаем: десять... девять... восемь... семь...

Он видел, как шевелятся губы Перегрин, и ощущал, как тот погружается все глубже. Последнюю цифру “один” тот прошептал совсем чуть слышно.

– Хорошо, – отозвался Адам, сам произнесший это ненамного громче. – Вы спокойны, очень спокойны. А теперь, когда моя рука коснется вашего лба, я хочу, чтобы вы погрузились в еще более глубокий... сон.

При слове “сон” он подался вперед и легко прикоснулся ко лбу художника меж бровей. Глаза на мгновение затрепетали под опущенными веками, но потом Перегрин вздохнул еще глубже, и голова его склонилась вперед.

Отклик был именно таков, какого ждал Адам. Он взял Перегрин за безвольно обвисшую руку, поднял ее на уровень плеча и вытянул вперед, несколько раз проведя по ней свободной рукой от плеча к кисти.

– А теперь представьте себе, что ваша рука стала твердой, как железный прут, – произнес Адам, потрогав его для убедительности за локоть. – Она стала такой твердой, что ни вы, ни я не можем согнуть ее, а вы не можете ее опустить. Можете сами попробовать: согнуть ее вам не удастся.

Похоже, Перегрин все-таки попробовал, Адам заметил на его лице страх, но рука не пошевелилась. Поспешно, пока Перегрин не ударился в панику или не пошевелил рукой, Адам снова провел по ней пальцами.

– Все в порядке, Перегрин. Ваша рука снова стала обычной. Она больше не твердая. Можете не пытаться больше шевелить ею и расслабиться. Опустите ее. Она в абсолютном порядке, не осталось никаких последствий. А теперь спите, спите глубоко-глубоко.

Сам Адам тем временем обдумывал, что делать дальше. Он мог, конечно, просто вернуть Перегрин в прошлые жизни в надежде на то, что это подскажет ему, как справиться с проблемами нынешними. Имелся, однако, и более быстрый способ, к тому же гораздо более

надежный. Вряд ли его можно было назвать обычной психиатрической процедурой – большинство коллег Адама возмутила бы даже мысль об этом; впрочем, необычного в ней было не больше, чем в самой личности Перегрин Ловэта.

– Ну что ж, Перегрин, – сказал он наконец, – у вас все выходит просто замечательно. Вы достигли оптимального уровня транса, хотя через минуту я намерен попросить вас погрузиться еще глубже. Пока же послушайте мои следующие инструкции. По причинам, которые я объясню вам позже, проснувшись, вы не запомните ничего из того, что сейчас произойдет. Но если позже я попрошу вас вспомнить это, воспоминания вернутся к вам во всех подробностях. У меня имеются причины просить вас об этом, но знать их вам пока преждевременно. Поэтому у вас пока не останется никаких осознанных воспоминаний о том, что вы можете услышать или пережить в следующие минуты, – ради вашего же блага. Кивните, если вы поняли меня и не возражаете.

Когда Перегрин кивнул, Адам придвинул свое кресло ближе к столу.

– Спасибо. Я надеюсь оправдать ваше доверие. А теперь я хочу, чтобы вы погрузились глубоко, очень глубоко – вдвое глубже, чем теперь. Погружайтесь так глубоко, чтобы ничего из того, что вы услышите своим физическим слухом, не запечатлелось на осознанном уровне до тех пор, пока я не дотронусь до вашего запястья – вот так – и не велю вам возвращаться. – Он легко сжал запястье Перегрин двумя пальцами. – Только в случае, если вам будет грозить физическая опасность – пожар или что-то в этом роде, – вы сможете нарушить эти инструкции и выйти из транса. А теперь откиньте голову назад и спите. Спите глубоким сном, ничего не бойтесь и ничего не запоминайте. Спите спокойно.

Когда, к его удивлению, Перегрин полностью перестал реагировать на окружающее, Адам стал за спинкой кресла Перегрин и достал из кармана тяжелый золотой перстень с красивым сапфиром. Надев перстень на средний палец правой руки, он коснулся камня губами, потом положил руки ладонями вверх на спинку кресла по обе стороны от головы Перегрин. Сконцентрировав зрение на свече, продолжавшей гореть на столике перед Перегрином, Адам сделал глубокий вдох, задержал на мгновение дыхание и почти беззвучно выдохнул древнее заклинание, пришедшее от древних греков и римлян, которые жили в Александрии третьего века от Рождества Христова:

– *Ego prospiero epainon to proti...*

Остальное он продолжал уже про себя, возвысив свое сердце и воздев руки в мольбе.

– Воздаю хвалу Свету в воплощении Ра: Пантократора, бога богов... в воплощении Гора: Логоса, Познающего Истину... Изиды: Айя Софии, Царицы Небесной... Осириса: Смысла Смыслов, Света Светов... Тебе, о Господи, Вечному Свету, Альфе и Омеге, Началу и Концу. Защити нас ныне и во веки веков. Аминь.

На мгновение он сложил руки ладонью к ладони и коснулся кончиком пальцев губ в приветствии Тому, Кому служил. Потом, сделав глубокий вдох, он снова положил руки на спинку кресла по сторонам от головы Перегрин Ловэта и закрыл глаза.

– Что Наверху, то и Внизу, – прошептал он. – Что Вовне, то и Внутри...

Под его опущенными веками продолжало трепетать светлое пламя свечи: он сконцентрировал на нем все свое внимание, исключив все остальные мысленные образы. Пятно померкло, распавшись на две тонкие, как шелк, серебряные нити, уходящие параллельно друг другу в бесконечность. Одна из них была нитью его собственной жизни; другая, как он понял, принадлежала Перегрину Ловэту. Мысленно он устремился вдоль них в полет: нити начали завиваться двойной спиралью.

В кристально чистом безмолвии своего сознания Адам усилием воли сделался частью этой космической спирали. Свиваясь все быстрее, она проносилась между звездными скоплениями. Однако вблизи эти звезды оказывались другими такими же нитями, свивающимися и расходящимися, словно в танце, но все они были устремлены в одну далекую точку – сердце сияющего созвездия.

Все так же сконцентрированно Адам двигался вдоль серебряной нити Перегрин в самую середину этого танца. Как всегда внезапно, его охватило леденящее чувство потери

ориентации. Когда голова перестала кружиться, а Вселенная снова успокоилась, он обнаружил себя, стоящим во всем белом, перед дверями немыслимой высоты. Священная земля холодила босые ступни. Это место было ему знакомо: око циклона, затишье в центре урагана, ось колеса – однако каждый раз его, словно впервые, охватывал страх.

Адам владел Словом Верховного Адепта. Стоило ему произнести его вслух, как двери медленно, торжественно отворились. Взгляду его открылись вечные своды безмолвия: не нанесенные ни на один план залы Книги Акаши, не подающийся разумению архив личных данных всех живущих или живших ранее. Доступ в залы будущего был для него закрыт, но путеводная нить, связывавшая Перегрину с Сефирот, вела Адама в прошлое по изогнутым спиралью, переливающимся перламутром коридорам. И в самом сердце этого лабиринта лежала причудливая, искривленная, как морская раковина-наутилус, комната. В центре ее стоял алтарь, а на алтаре лежала тяжелая книга. Когда Адам приблизился к алтарю, книга раскрылась сама.

Почтительно сложив ладони, Адам склонился над книгой, складывая в уме беззвучный вопрос. Слово от дуновения волшебного ветра страницы начали переворачиваться, открывая его взгляду образ за образом: отрывки нити, связавшей воедино множество жизней того, кого звали теперь Перегрин Ловэт.

В поисках ключа к разгадке он проглядел ранний материал – начальный момент пробуждения, точку, в которой душа впервые встретила со своим духовным отражением в необъятной душе Божественного Света. У Перегрину Ловэта это произошло в Дельфах в эпоху Перикла. Полученный им тогда дар оракула и был тем, что он теперь называл способностью “видеть”. Немногие владели этим даром, да и владеть им нужно было лишь умеючи. Это и предстояло Перегрину Ловэту и Адаму – учиться.

Итак, душа, именуемая ныне Адамом Синклером, получила позволение превратить возможное проклятие в бесценный дар, в инструмент духовного развития и служения Свету, – ибо Перегрин в своих предыдущих воплощениях недвусмысленно выказал стремление к такой службе. Это стремление сохранилось, но в этой жизни его предстояло разбудить – впрочем, с такой задачей Адам, как целитель души и рассудка, справлялся уже не раз.

Однако когда он закрыл книгу и собрался выходить, воздух в помещении пронзили вспышки серебряного света, стремительные, словно молнии в летнюю грозу. Этот знак невозможно было спутать; он возвещал о прибытии одного из тех, перед кем Адам держал ответ о своих деяниях.

Подавив любопытство – аудиенции он не испрашивал, – Адам ждал Того, кто давно уже отбросил необходимость являться во плоти, почтительно склонив голову и разведя руки в стороны ладонями вверх. Тот, другой, появился в луче ослепительно белого света, залившего помост перед ногами у Адама, а потом объявшего его со всех сторон, заключив в огненный столп.

– *Тревожные силы собираются на краю Бездны, Старший Охотник* , – неожиданно послышалось предостережение. – *Нуждаешься ли ты в нашей помощи?*

Этот вопрос удивил Адама: он не ощущал угрозы, достойной внимания. Кроме того, этим вечером он действовал только как целитель душ, не как хранитель мира во Вселенной.

– *Нет, Господин. Я явился сюда как целитель душ, для оказания помощи.*

– *Объясни* .

– *Написано, что души всех пилигримов должны вступить в мир детьми, поэтому, хотя личность бессмертна, интеллект каждый раз развивается заново. Даже Адепта могут удерживать от реализации всего его потенциала. Один такой пришел ко мне. Я обнаружил, что он Адепт, обладающий редким даром; его искалечили и наполовину сломали в детстве, когда разум его еще не возмужал настолько, чтобы защитить обитающий в нем дух. Я полагаю, что судьба его тесно связана с моей миссией, но неоперившемуся соколу надо чуть подрезать крылья до поры, пока он не будет готов к участию в Охоте. Я помогу ему снова научиться летать, чтобы он вновь обрел способность использовать свой дар.*

– *Твое желание достойно* , – послышался ответ, – *но тебе нужно знать, что враги*

снова угрожают нам и что это будет связано с риском.

– Что за враги и каков риск?

– Завеса скрывает подробности даже от нас, но угроза реальна. Ты будешь главной целью, хотя некоторое время врагам это будет неизвестно.

– Я не боюсь угрозы, – отвечал Адам. – Но тогда стоит ли делать этого птенца союзником? Что, если мне удастся устранить терзающие его сомнения и высвободить его возможности – может ли он тогда занять причитающееся ему по праву место перед Светом?

– Может. Если птенец покажет себя стойким, ты вправе принять его; впрочем, это давно уже predetermined. Готов ли ты взять на себя задачу восстановить его душу?

Ответ на этот вопрос мог быть только один.

– Я не случайно выбрал свою работу врача во Внешнем мире, Господин. Точно так же я не бросаюсь клятвами во Внутреннем мире, как страж Света. Я вижу в Перегрине Ловэте искру – искру, слишком яркую, чтобы дать ей сгореть впустую, когда ее можно поставить на службу Свету. Я готов взять на себя эту задачу.

– Да будет так, Старший Охотник. Но действуй осторожно, иначе вы оба можете сорваться в Бездну.

– Да будет так, – ответил Адам с низким поклоном. И прежде чем сердце его успело ударить еще раз, он снова был один. Стены Архива покачнулись и исчезли, вернув его обратно в материальный мир. Адама вновь охватили смятение и потеря ориентации, завершившиеся легким шоком в момент, когда дух соединялся с материальной оболочкой. Когда Адам, все еще борясь с небольшим головокружением, открыл глаза, он снова стоял в знакомой библиотеке Стратмурна, положив руки на спинку кресла, в котором спал Перегрин Ловэт. Подробности только что пережитого с каждой секундой становились в памяти все менее четкими, зато план дальнейших действий лежал теперь перед ним совершенно отчетливо.

Почти механически он снова сложил ладони и воздавал хвалу Свету, потом, завершая только что проделанный ритуал, коснулся губ кончиками пальцев. Затем он обошел кресло Перегрин и остановился перед ним, возвращаясь в роль врача и учителя.

Молодой художник сидел так же, как Адам его оставил: голова склонена на спинку кресла, глаза закрыты. Задув свечу, Адам, склонившись, коснулся запястья Перегрин.

– Слушайте меня, Перегрин, – уверенно произнес он. – Вы слышите, что я вам говорю?

– Да, – едва слышно выдохнул тот.

– Отлично, – сказал Адам. – Еще минута – и я попрошу вас проснуться. Но прежде вам стоит узнать кое-что, пусть даже вы и не сразу полностью поймете то, что я вам скажу.

Он уселся в кресло и пристально посмотрел на сидевшего перед ним Перегрин.

– Хотя я и не могу доказать вам это объективными методами, остается фактом, что история личности часто не ограничена рамками ее нынешней жизни. У меня есть основания полагать, что те видения, которые вы так мучительно пытались подавить с самого детства, в действительности являются наследием более ранних этапов вашего развития. И нет никакого сомнения в том, что вы в состоянии управлять ими – при условии, что вы примете этот дар таким, как есть.

Слабая надежда забрезжила на лице Перегрин, губы его беззвучно шевельнулись:

– Как?

– Во-первых, – сказал Адам, – вам надо научиться различать виды информации, которая до сих пор поступала к вам стихийно. Другими словами, вам нужно научиться фокусировать свой необычный талант, включая и выключая его тогда, когда это нужно вам – а не тогда, когда он делает это сам собой. В вашем подсознании эта методика уже существует, но она спрятана глубоко. Впрочем, ее можно выявить в ваших снах. Мне хотелось бы и после гипноза оставить вам способность помнить сны. Вы не возражаете?

Перегрин согласно кивнул.

– Очень хорошо. Теперь, поскольку вы приняли мое предложение, вам ПРИСНИТСЯ

то, что освободит вас. Это приснится вам, когда вы будете готовы принять это знание, и вы запомните свой сон.

– Да, – прошептал Перегрин, едва заметно кивнув. Выждав еще немного, Адам тоже кивнул.

– А теперь через несколько минут вы сами проснетесь. У вас не останется осознанных воспоминаний о том, что было сейчас между нами. Однако смысл этого будет просачиваться к вам на протяжении нескольких следующих ночей, и эти сны вы запомните очень отчетливо. Мне хотелось бы, чтобы вы зафиксировали то, что вам запомнится – записали или, если вам удобнее, зарисовали, – и при первой возможности мы с вами это обсудим. Вы это сделаете для меня?

– Да, – послышался ответный шепот.

– Очень хорошо. И еще одно: поскольку ваше особое видение приводится в действие тем, как вы смотрите на людей, которых вы пишете, я предложил бы вам ничего несколько дней не рисовать и не писать – ничего, если только это не имеет отношение к вашим снам. Дайте себе небольшой отдых, пока ваше подсознание не разберется во всем. Я понимаю, смерть леди Лоры была для вас большим потрясением, но она же может стать и катализатором, который поставит все с головы на ноги. А потом, через несколько дней, я попрошу вас рисовать – и довольно много. Если вы сумеете связать свою способность видеть с умением нарисовать результат, это может стать первым шагом к овладению вашим даром... А теперь самое время проснуться. Вы отдохнули и запомнили мои инструкции.

Адам откинулся на спинку своего кресла и задумчиво побарабанил пальцами по подбородку. Через несколько минут, как ему и было сказано, Перегрин пошевелился, вздохнул и открыл глаза. Увидев, что Адам внимательно следит за ним, он выпрямился и сонно потянулся.

– Я думал, что я проснусь на диване в своей студии, – сказал он. – Я долго пробыл под гипнозом?

– Гм, почти час, – ответил Адам, бросив взгляд на богато украшенные часы на столике.

– Ничего страшного. Главное, мне кажется, мы неплохо начали. Как вы себя чувствуете?

Перегрин криво улыбнулся.

– Не так плохо. Скорее устал, чем что-то еще, – заметно лучше. – Он пошевелил затекшими плечами, потом посмотрел на часы. – Боже праведный, если часы не врут, мне нужно срочно забрать у вас свою одежду и отправляться домой, чтобы дать вам поспать хотя бы немного.

– Сон – роскошь, без которой я время от времени вполне могу обойтись, – возразил Адам. – И потом, мне кажется, вы сейчас не совсем в форме, чтобы садиться за руль. Можете остаться в комнате, в которой переодевались. Полагаю, Хэмфри снабдит вас всем необходимым.

– Но... мне не хотелось бы мешать... – начал было Перегрин.

– Вы мне вовсе не мешаете. Раз уж на то пошло, – невозмутимо продолжал он, поскольку живописец продолжал колебаться, – возможно, вам было бы разумнее всего остаться в Стратмурне на несколько дней. Судя по тому, что вы рассказали мне сегодня, вам стоит как следует покопаться в собственной душе. И мой опыт свидетельствует, что пускаться в путешествие по глубинам собственного “я” лучше всего, имея рядом кого-то, готового помочь, – особенно если вам необходим медиум.

Перегрин слегка покраснел:

– Это очень великодушно с вашей стороны, сэр Адам, и я очень признателен вам за это... но видите ли, я приехал к вам, как-то не рассчитывая задержаться надолго.

– Это не должно вас беспокоить, – усмехнулся Адам. – Вот вам и повод держать преданного и исполнительного слугу. Я дам ваши ключи Хэмфри, и утром он первым делом съездит в Эдинбург забрать из вашего дома все, что вам необходимо.

На усталом лице молодого художника мелькнула улыбка облегчения.

– Вы ведь все уже обдумали, верно? В таком случае мне ничего не остается, как

принять ваше предложение – по крайней мере на несколько дней. Похоже, у меня просто нет сил спорить с вами.

– Это вряд ли помогло бы вам, если уж я что-то решил, – беззаботно ответил Адам, поднимаясь из кресла. – Мы обсудим, на какое время вы задержитесь здесь после того, как немного отдохнете. А пока предлагаю перекусить. Я слышал, вернулся Хэмфри. Он делает замечательные сандвичи с ветчиной; что же касается какао, то подозреваю, одним из основных его ингредиентов является бренди.

Глава 5

Примерно через полчаса, относительно отдохнувший и блаженно сытый – похоже, впервые за несколько дней, – Перегрин сонно пожелал хозяину спокойной ночи и поднялся в отведенную ему комнату. Прежде он был не в состоянии оценить ее уют, однако она была просторна и элегантна, впрочем, как и все, что он успел увидеть в Стратмуре. Стены были оклеены светло-голубыми обоями, подоконники, оконные переплеты и карнизы – белые. Центральную часть кессонированного потолка занимала роспись, имитирующая ночное небо. Скинув шлепанцы, халат и сонно забравшись под теплое одеяло, он откинулся на пуховые подушки и, прежде чем погасить лампу, некоторое время разглядывал облака и созвездия на потолке. Именно этот спокойный образ остался с ним, когда он погрузился наконец в глубокий безмятежный сон.

Возможно, в результате гипноза, а может, и просто из-за усталости, ничего из того, что снилось ему в эту ночь, ему не запомнилось. Когда он наконец проснулся, комната была погружена в голубоватый подводный полумрак, а где-то вдалеке звонили церковные колокола. Выбравшись из постели, он босиком прошлепал к занавешенному эркеру и отодвинул темно-синие портьеры. В комнату хлынул яркий солнечный свет, а небо за окном оказалось ясным и безоблачным.

Колокола, впрочем, продолжали свой перезвон – похоже, было гораздо позже, чем он предполагал. Продолжая щуриться от яркого света, он вернулся к столу и взял с него свои часы. К его удивлению, было уже почти полдвенадцатого. Неужели он проспал так долго?

Он обнаружил свою вчерашнюю одежду, чистую и аккуратно выглаженную, на кресле рядом с дверью в ванную – несомненно, это постарался Хэмфри. На тумбочке рядом с ванной оказались его набор для бритья и прочие личные мелочи, явно привезенные из его эдинбургской квартиры. Беглый осмотр спальни показал, что Хэмфри привез также несколько смен одежды. Подивившись расторопности немногословного слуги Синклеров, Перегрин принял душ и наскоро оделся, размышляя, к чему может привести вся эта история.

Когда Перегрин спустился в гостиную, Хэмфри там не было видно. Впрочем, и никого другого тоже – на первый взгляд. Задержавшись в нерешительности на нижней ступеньке, он заметил, что дверь в библиотеку приоткрыта, набравшись духу, подошел к ней и осторожно постучал.

– Войдите, – послышался изнутри низкий голос Адама Синклера.

Пегррин толкнул дверь и не без опаски вошел. Адам сидел за своим столом, спиной к окну. В лучах утреннего солнца рукава его дорогой сорочки казались на фоне темных жилета и галстука белоснежными. Пиджак утреннего костюма висел на спинке другого кресла. Перегрин даже удивился, увидев хозяина столь официально одетым, но тут же вспомнил, что Адам обещал заглянуть утром в Кинтул-Хаус; судя по всему, он это уже сделал.

– Вы уже ездили в Кинтул-Хаус, так ведь? – сказал Перегрин, поежившись под пристальным взглядом Адама. – Я... я хотел сказать, я собирался съездить с вами. Вам стоило разбудить меня.

Адам с улыбкой отложил в сторону газетную вырезку, которую читал. На столе перед ним лежала папка со стопкой таких же вырезок.

– Мне показалось, что сон вам нужнее, чем семье Кинтул – еще один сочувствующий, – спокойно ответил он. – На неделе будет достаточно времени для более осмысленного визита.

И потом, – не без сочувствия добавил он, – полагаю, вы не усомнились бы в том, что леди Лора не согласилась бы лишить вас возможности выспаться как следует.

Перегрин открыл было рот, чтобы возразить, но тут же закрыл его, поняв, что Адам абсолютно прав. Он попытался найти предлог и удалиться, но Адам снова опередил его.

– Хэмфри накрыл нам небольшой завтрак в комнате напротив. Если вы окончательно проснулись, я позвоню ему, что мы готовы.

Перегрин не нашел возражений, так что Адам дернул за расшитый узорами шнур звонка, а потом вернулся к изучению газетных вырезок. Перегрин привлек заголовок лежавшей сверху заметки: “Старинная шпага”.

– Как видите, мои интересы отличаются значительным разнообразием, – заметил Адам, не обращая внимания на смущение Перегрин, который поспешно отвел взгляд от заголовка. – Время от времени полиция приглашает меня оказать содействие в расследовании дел, отличающихся, скажем так, необычными обстоятельствами. Поэтому я завел привычку сохранять все, что привлекло мое внимание в газетах. Любопытство уже не раз предупреждало меня о том, что мои услуги могут понадобиться.

Перегрин кивнул, однако на мгновение его охватило необъяснимое ощущение, что не уловил сути происходящего. Адам казался таким же спокойным и непринужденным, как всегда, но Перегрин не сомневался: простое и ясное на вид объяснение на деле скрывало что-то куда более серьезное. Что бы там ни было связано с этой загадочной шпагой, сэр Адам Синклер имел в этом деле собственный интерес.

– Прошу прощения, сэр Адам, – неловко промямлил Перегрин. – Я вовсе не хотел подглядывать.

Адам иронично склонил голову набок, глядя на Перегрин.

– Сэр Адам? – лукаво переспросил он. – Если мы собираемся работать вместе, Перегрин, мне кажется, вам лучше обходиться без “сэров”, по крайней мере в личной беседе. И вы вовсе не подглядываете. Думаете, стал бы я читать это при вас, если бы хотел сохранить тайну? И потом, все это в свое время печаталось в прессе. Можете почитать, если интересно.

Адам, продолжая улыбаться, протянул Перегрину папку, но тот мотнул головой, опасаясь глупо выглядеть. Впрочем, он ни на мгновение не сомневался, что Адам и не думает над ним потешаться.

– В этом совершенно нет необходимости, – пробормотал он. – Я... мне просто не хотелось, чтобы вы считали, что я злоупотребляю вашей добротой. И потом, если честно, даже если я прочитаю все это, – он мотнул подбородком в сторону папки, – сомневаюсь, что я стану умнее.

– Возможно, и не станете, – с улыбкой согласился Адам. Он выдвинул ящик из правой тумбы стола, убрал в него папку и потянулся за своим пиджаком. – Ну что, идем? Если мне не изменяет память, Хэмфри говорил что-то насчет семги...

Разделавшись с семгой, а заодно с омлетом, ликером и свежей спаржей, Адам устроил Перегрину продолжительную экскурсию по дому. Нынешний Стратмурн-Хаус был не слишком древним; его построили на месте предыдущего здания, уничтоженного пожаром в середине девятнадцатого века, а то, в свою очередь, было выстроено на месте старого монастыря. В своем теперешнем состоянии он представлял собой викторианское переосмысление местной шотландской архитектуры. Проектировал и строил его по наущению деда Адама талантливый местный архитектор по фамилии Форбс. Знатки из южных графств наклеивали на самобытный стиль Форбса ярлык неоготики; в моменты наименее почтительного отношения к родному крову Адаму дом напоминал любимые иллюстрации к “Ветру в ивах”, особенно дом Мистера Жаба.

Тем не менее успехи Форбса на архитектурном поприще позволили ему в конце концов даже получить рыцарский титул; повсеместно признавалось, что Стратмурн является одним из наиболее характерных примеров его работы. Дом произвел на Перегрин довольно сильное впечатление – не только своей планировкой, но и тем вниманием, которое Форбс уделял мельчайшим деталям. Резные фризy на стенах комнат первого этажа напоминали

лучшие образцы готического искусства, а витражное окно часовни, казалось, соединяло идеи эпохи короля Иакова с богатством красок средневековых соборов.

Особенно поразил Перегрин герб на центральном плафоне потолка большой залы: взмывающий из пылающего гнезда феникс, обрамленный традиционным шотландским орнаментом.

– Какой потрясающий герб, – заявил он, заслонив глаза ладонью от света, чтобы получше рассмотреть рисунок. – Это ваш фамильный?

– Да, один из нескольких, – улыбнулся Адам. – Если верить Александрийским мудрецам, феникс бессмертен. Когда он достигает преклонного возраста, он сам сооружает себе костер из благовоний и сгорает в нем, чтобы снова восстать из огня юным и возрожденным к новой жизни.

– Реинкарнация, – задумчиво пробормотал Перегрин. – Вы считаете, такое возможно?

Адам бросил на него пронизательный взгляд исподлобья.

– Возможно ли то, что мы рождаемся вновь и вновь в процессе исполнения предначертанной нашим душам судьбы? Не спрашивайте меня. Спросите себя самого.

Перегрин посмотрел на лицо своего собеседника, словно высеченное из камня, вздрогнул и не нашел, что сказать.

Они вышли из залы и поднялись вверх. Постепенно неловкость Перегрин прошла, и, проходя по комнатам северного крыла, он с любопытством оглядывался по сторонам. В двух смежных комнатах в дальнем конце коридора обнаружилась замечательная коллекция игрушек эдвардианской эпохи.

– Когда мои отец и дядя были маленькими, здесь находилась детская, – объяснил Адам Перегрину, склонившемуся над большим, в рост ребенка, заводным пони с тележкой. – Моя сестра говорила, что в детстве для нее было самой большой наградой, когда ее пускали сюда поиграть. А эта игрушка была ее любимой.

Заводной пони щеголял в настоящей упряжи, хвост и грива игрушки были сделаны из настоящего конского волоса. Склонив голову набок, Перегрин восхищенно дотронулся рукой до медного поручня за сиденьем повозки.

– Я не знал, что у вас есть сестра, – заметил он. Несмотря на блеск и несомненное обаяние, Адам Синклер почему-то казался ему странно одиноким, словно что-то держало его в стороне даже от друзей.

– Теодора старше меня, – ответил Адам. – Вообще-то она приходится мне сводной сестрой, хотя это ничего не меняет. Ее мать была первой женой моего отца. В комнате, соседней с вашей спальней, висит ее хороший портрет. Пойдемте, я вам его покажу.

На большом, в рост, портрете была изображена стройная темноволосая девушка со смеющимися глазами; поверх белого бального платья была накинута клетчатая шелковая шаль цветов клана.

– Портрет написан незадолго до ее совершеннолетия, – объяснил Адам. – Через год она вышла замуж за Томаса Макаллена, дипломата. Большую часть своей совместной жизни они провели на Дальнем Востоке, хотя сейчас они вернулись в Шотландию. Все трое их детей родились за границей. Мне не терпится увидеть их портрет вашей кисти.

– А где они сейчас живут? – поинтересовался Перегрин.

– В Аргайлшире, недалеко от Инверери, – ответил Адам. – Славное место, хотя, наверное, и немножко скучноватое после Востока. Впрочем, после стольких лет в чужих краях Тео, мне кажется, более чем созрела осесть на одном месте. Несколько лет назад Томас вышел на пенсию. Тео говорит, он просто наслаждается тем, что наконец-то принадлежит только самому себе и своей семье.

Благодаря дорожным анекдотам оставшаяся часть экскурсии прошла оживленно и завершилась все в той же библиотеке. Пока они ждали Хэмфри с чаем, Адам звонил куда-то по телефону, а Перегрин разгуливал вдоль книжных полок, вглядываясь в корешки. Его внимание привлек небольшой томик в сафьяновом переплете. Повинуясь неожиданному импульсу, он взял книгу с полки, повертел в руках, любуясь переплетом, перелистал и

обнаружил, что это первое издание “Психологии алхимии” Карла Юнга, вышедшее в 1944 году. Надпись по-немецки на титульном листе “Филиппе Синклер” была сделана самим Юнгом.

На правое плечо Перегрин легла тень.

– Моя мать училась у Юнга, – сказал Адам. – Она у меня тоже психиатр. Вскоре после того, как они с отцом поженились, он послал ей эту книгу в подарок.

С открытой книгой в руках Перегрин повернулся лицом к хозяину.

– Так она родом из Швейцарии?

– Нет, она американка, – сказал Адам. – Однако, когда началась Вторая мировая война, она училась у Юнга в Швейцарии. Когда Штаты в сорок втором вступили в войну, моя мать записалась в армейскую медицинскую службу. Там они и познакомились с отцом – в полевом госпитале. Все остальное, как говорится, уже история.

Перегрин закрыл книгу и осторожно поставил на место.

– Насколько я понял, она еще жива?

– О, еще как, – рассмеялся Адам. – В настоящее время она в Америке, руководит клиникой в Нью-Гемпшире. Пока отец был жив, это было постоянной причиной для ссор: он считал, что мать как владелица поместья должна постоянно находиться здесь. Однако после его смерти большую часть времени она проводит там. Моя мать утверждает, что работа помогает ей сохранить молодость.

Возможно, он рассказал бы и больше, но вежливый стук Хэмфри возвестил о прибытии чая с булочками. Следуя за Адамом обратно к камину, Перегрин отметил про себя, что члены семьи Синклеров, похоже, отличаются незаурядностью.

Вечер в Стратмурне прошел без приключений. Простой, но изысканный ужин завершился бренди в уже знакомой библиотеке.

– Предлагаю сегодня отправиться спать пораньше, – сказал Адам. – Мне кажется, вы согласитесь со мной, что вчерашний вечер был, как бы это сказать, несколько беспокойным, а завтра после утреннего обхода в Джорданберне мне предстоит ехать в Глениглз. Там состоится ежеквартальное собрание Фонда охраны шотландской старины, и я буду выступать. Возможно, вам хотелось бы поехать со мной?

– Да, но...

– Вы мне вовсе не мешаете, если вы этого боитесь, – с улыбкой перебил его Адам. – Мне кажется, вам будет интересно, а мне это даст возможность познакомить вас с некоторыми моими добрыми друзьями, членами Фонда, – друзьями, которые вполне могут дать вам новые заказы, – добавил он, с улыбкой поднимая свой бокал, – если перспектива моего общества в течение дня и двух-трех занудных докладов вас мало прельщают.

Разогретый бренди и несомненным дружеским расположением хозяина, Перегрин неожиданно для себя согласился. Только позже, в своей комнате, перед сном, он вдруг понял, что это первое общественное мероприятие за несколько месяцев, на которое он позволил себя пригласить. Более того, до него дошло, что за весь день он даже не вспомнил о том отчаянии, которое пригнало его сюда, в Стратмурн, всего сутки назад.

Утро следующего дня, понедельника, выдалось ясным и погожим. После раннего завтрака Адам съездил в Эдинбург к своим пациентам, оставив Перегрин на несколько часов, и вернулся вскоре после одиннадцати, чтобы забрать его.

– Движение было менее оживленным, чем я ожидал, – сказал Адам, перегнувшись через пассажирское кресло, чтобы открыть пассажирскую дверцу “ягуара”. – Возможно, мы даже успеем не торопясь перекусить. Я сказал нескольким своим друзьям, что мы попробуем присоединиться к ним, если успеем до часу дня.

Они приехали в отель “Глениглз” даже раньше условленного времени. Друзьями Адама оказались герцог Глендейрн, президент и главный попечитель Фонда, и другие титулованные лица, часть которых была уже знакома с работами Перегрин. Они приняли его очень тепло, что помогло ему справиться с обычной застенчивостью, и к концу ленча Перегрин уже чувствовал себя почти как дома.

По дороге в конференц-зал Перегрин заглянул в программу, которую дал ему Адам. Утренняя программа, как он обнаружил, включала в себя собрание общества и несколько докладов по различным аспектам шотландской истории. На вторую половину дня было запланировано еще несколько выступлений и дискуссий, которые не казались скучными, как того боялся Перегрин.

Вкладом Адама в это мероприятие был последний по списку доклад, озаглавленный им “Интуитивная археология”. Странное дело, но никто из участников не ушел до самого конца собрания. Более того, к удивлению Перегрин, люди, на протяжении всего мероприятия входившие и выходившие из зала, как один вернулись, когда герцог объявил имя Адама. Сэр Адам Синклер явно был одним из наиболее популярных выступавших.

– Мое выступление задумано как опыт творческого воображения, – предупредил Адам своих слушателей и улыбнулся, завоевав этим всеобщее внимание. – Я предлагаю вам на следующие пятьдесят минут отказаться от всей наработанной эмпирической методологии, чтобы исследовать интуицию в качестве непосредственного инструмента археологических изысканий.

– Интуиция, – повторил он, окинув помещение взглядом, – это такая штука, которой, по мнению многих, больше у женщин, чем у мужчин. – Это замечание вызвало смех аудитории. – Люди, занятые в так называемых фундаментальных науках, предпочитают не доверять ей, ибо ее невозможно “доказать” научной логикой. Люди, занятые в прикладных науках – к которым относится и психиатрия, – знают, что интуиция может стать очень и очень ценным инструментом, особенно если интуитивные выводы подтверждаются результатами. Во всяком случае, связь логики с интуицией не столь пряма и очевидна, как хотелось бы верить представителям фундаментальных наук.

Адам сделал паузу и перевернул страницу. Перегрин устроился в кресле поудобнее и приготовился внимательно слушать. Доклад обещал быть именно таким интересным, как он ожидал.

– Собственно, интуицию используют многие представители фундаментальных наук, – продолжил Адам, – хотя большинство весьма неохотно признается в этом. В конце концов, это лежит вне “логики”. Тем не менее не секрет, что многие исследователи более других способны рождать верные гипотезы на основе хрупких или сомнительных физических доказательств. Рассматривая проблему в исторической перспективе, мне хотелось бы предположить, что интуиция и в самом деле способна играть очень большую роль в реконструкции истории на основе артефактов...

Затем последовал ряд исторических анекдотов из жизни великих археологов. Перегрин слушал, и постепенно ему становилось ясно, что описываемые Адамом свойства на самом деле были разновидностью экстрасенсорного восприятия. Он огляделся по сторонам, пытаясь понять, заметили ли другие слушатели смену темы доклада. Однако прежде, чем он пришел к какому-то выводу, доклад принял еще более радикальный характер.

– Если мы допустим, что интуиция действительно играет жизненно важную роль в археологических исследованиях, – невозмутимо продолжал Адам, – мы окажемся перед необходимостью несколько изменить наше определение реальности. С этой целью я предлагаю временно отказаться от понятий Ньютонской физики и расширить концепцию природы, включив в нее то изменчивое поле, в котором действует интуиция.

Аудитория оживилась. Не глядя в записи, Адам, заговорщически подавшись вперед с кафедры, продолжил:

– Вся физическая реальность традиционно определяется тремя измерениями: высотой, шириной и глубиной. Однако подобная оценка не в состоянии учесть того, что объекты – и люди в том числе – существуют в таком измерении, как время. Временной фактор представляет собой нечто, что я за неимением более удачного термина назову “резонансом”.

Перегрин жадно подался вперед. Ему вдруг показалось, что он вот-вот услышит что-то, жизненно важное для него лично.

– Проведем аналогию, – спокойно продолжал тем временем Адам. – Резонанс можно

интерпретировать как некую разновидность экзистенциального эха, неуловимую тень того, какими бывают вещи. Как психолог-теоретик я должен признать, что способность воспринимать резонанс – редкая функция человеческой психики. В древние времена эта способность была профессиональным отличием жрецов, заклинателей и мистиков. В нынешние времена она жизненно важна для тех, чья профессиональная деятельность может зависеть от этого: археологов, психиатров, художников...

Художников? Перегрин потрясла неожиданно нахлынувшая волна догадок. Уж не за этим ли Адам пригласил его с собой? Он все еще пытался разобраться в своих изрядно запутанных мыслях, когда послышались аплодисменты. Художник поднял взгляд и увидел, что Адам спускается с кафедры к поджидавшей его с вопросами толпе.

Прошло не меньше получаса, прежде чем Адам смог к нему присоединиться. К этому времени Перегрин достаточно совладал со своими мыслями и чувствами, чтобы следовать за Адамом, который принимал поздравления и раскланивался. Когда они добрались до стоянки, уже вечерело. Пока они не выехали на ведущее в сторону Стратмурна шоссе, Перегрин сдерживался и только там задал вопрос, мучивший его больше часа:

– Этот резонанс, о котором вы говорите, – не значит ли это, что предметы способны порой генерировать образы из своего прошлого?

Губы Адама изогнулись в хитрой улыбке.

– Вы ведь внимательно слушали, не так ли? Да, суть именно в этом. Кстати, эти принципы действуют и в отношении людей. Эти резонансы иногда описываются в кругу психологов как “ауры”. И они могут резонировать как назад, так и вперед по времени.

– Ох, – только и сказал Перегрин. С минуту он молча смотрел на бегущую им навстречу полосу шоссе. – А проблема, с которой столкнулся я, – решил он наконец, – ну, способность видеть то, чего не видят другие, – может быть каким-то образом связана с этим резонансом?

– Пока это только теория, – сказал Адам. – Я не могу с уверенностью вам ответить. Я предлагаю вам самому найти ответ – во сне.

Больше он об этом не говорил. Перегрин предпринял еще несколько попыток выудить из него хоть какие-то детали, но в конце концов сдался и перевел разговор на другие темы, не менее захватывающие, но не имеющие непосредственного отношения к самому Перегрину. Позже, в Стратмурне, он так и отправился спать, несколько не просвященный. Он не надеялся заснуть быстро, не говоря уже о том, чтобы видеть сны.

Но в постели, под расписанным звездами потолком, он постепенно отключился от всего и даже не заметил, что засыпает, пока не погрузился в Сон.

Глава 6

Сон начался с того, что он задремал и проснулся. Он все еще лежал в Синей комнате Стратмурн-Хауса, но дверь была приоткрыта, и из нее лился какой-то неземной свет. Перегрин встал с кровати и подошел к двери. Заглянув в проем, он понял, что стоит на пороге иной реальности.

Ему полагалось видеть перед собой другую такую же дверь, которая выходила в коридор, оклеенный обоями по эскизам Уильяма Морриса – узоры из ивовой лозы. Вместо этого перед ним находилось квадратное помещение, совершенно пустое, со стенами, вся поверхность которых отсвечивала серебром зеркал. Стена справа прерывалась высоким арочным проемом, сквозь который виднелась анфилада других помещений. Свет, заливавший помещения, казалось, струился с той стороны, из какой-то удаленной точки.

Перегрин вдруг охватило острое желание найти источник света. Спящая часть его “я” вышла на середину квадратной комнаты, и с трех сторон на него прыгнули его отражения. Перегрин застыл: отражения были похожи на него не полностью.

Его спящее “я” было в современной одежде – в которую он был одет, отправившись к Адаму Синклеру за помощью. Но на том, кто смотрел на него из зеркала, не было ничего,

кроме сандалий и полосатой шерстяной хламиды, брошенной на левое плечо, как бывает на рисунках на древнегреческих амфорах. Впрочем, за исключением одежды и прически отражение во всем было схоже с Перегрином – и во внешности, и в манерах. Сквозь сон он понял: то, что он видит, возможно, и есть подлинная, хоть и глубоко спрятанная часть его самого.

Перегрин поспешно прошел через арку в соседнюю комнату. Она также была покрыта зеркалами, но здесь его отражение щеголяло в короткой тунике и кожаных доспехах римского центуриона. В следующей комнате его приветствовало длинноволосое отражение в богатых византийских одеждах из шелка. Одно отражение сменялось другим, не менее подробным, словно манекен в музее одежды. Только лицо всякий раз оставалось одним и тем же – его собственным.

Эта странная галерея зеркал в конце концов привела его к высокой двери. Украшенная резьбой, словно дверь храма, она плавно отворилась, стоило Перегрину нерешительно потянуть за ручку. Почему-то он не испытывал никакого страха, поэтому переступил порог и, оглядевшись, остановился.

Помещение, в котором он оказался, было сводчатым, словно православный храм где-нибудь в Греции, с куполом, богато украшенным золотом, мрамором и мозаикой. Из металлического светильника, свисавшего с потолка на золотых цепях, струился свет. Прямо под ним, на беломраморном возвышении, причудливый пьедестал поддерживал мерцающий шар размером с королевскую державу.

Перегрин, понимавший, что все это ему снится, с восхищением разглядывал державу. Она переливалась перламутром и напоминала огромную жемчужину. Ее великолепие притягивало взгляд как магнит. Не задумываясь о том, что делает, он пересек помещение, поднялся на возвышение и протянул к ней руки.

Он коснулся шара кончиками пальцев – и яркая вспышка ослепила его словно молния. Отшатнувшись, Перегрин заслонил глаза руками.

Когда он отнял ладони от лица, часовня исчезла, а сам он висел в море переливающегося света. Перегрин охватил страх высоты, и он отчаянно забился в попытках нащупать твердь. От беспорядочных движений по окружающей его полупрозрачной субстанции побежали волны цвета, разбившегося на калейдоскоп буйных красок.

Перегрин словно оказался в центре разноцветного урагана. Он бился в волнах этого неосязаемого прилива, словно пловец, борющийся за жизнь, с каждой секундой все сильнее теряя ориентацию. Он в панике завопил, призывая на помощь.

В ответ ему послышался хор ободряющих и успокаивающих голосов. Они говорили на разных языках, но он понимал их все. Он вдруг понял, что слышит многочисленные эха собственного голоса, и каждый голос говорил ему одно: *Успокойся. Успокойся и знай, что ты господин всего.*

Он прекратил дергаться. И сразу же дикие пульсации света начали успокаиваться. Перегрин не шевелился – и буря улеглась. Постепенно буйство красок сменилось ровным световым полем, напоминающим жемчужное озеро, – и он мог идти по его глади! Немного напуганный и изрядно пораженный, он двинулся через это безмолвие...

Вокруг него, постепенно поглотив все остальные цвета, разгорелся мягкий синий свет. Он попытался сконцентрировать взгляд и обнаружил, что глаза его закрыты. Он открыл их и уставился в знакомое уже нарисованное звездное небо. Он снова лежал в своей комнате в Стратмурне.

Озадаченный Перегрин в смятении сел в постели, вспоминая только что виденный сон. И тут же какой-то внутренний импульс мягко, но решительно заставил его изложить все это на бумаге. Тут же, на столике у изголовья, нашлись ручка с блокнотом. Он включил лампу и принялся записывать подробности своего сна.

Когда он закончил, было уже больше восьми. Вспомнив, что хозяин дома имеет привычку вставать рано, он поспешно завершил свой туалет и с блокнотом под мышкой спустился к завтраку. Слегка запыхавшись, он появился в утренней гостиной. Адам наливал

себе чай, с газетой у локтя. Судя по виду из окон эркера, день обещал быть туманным.

– С добрым утром, – выпалил Перегрин, одарив хозяина немного сконфуженной улыбкой. – Надеюсь, я не совсем уж осрамился, опоздав на завтрак?

– Ни в коем случае, – рассмеялся Адам, отодвигая газету. – Я и сам только сел. Присаживайтесь. – Он внимательно посмотрел на него. – Что-нибудь забыли?

– Нет, ничего. – Перегрин с готовностью уселся напротив Адама. – Мне приснился совершенно необычный сон. Ничего, если мы поговорим о нем?

– Разумеется, – ответил Адам. – Вы записали?

Перегрин кивнул, выложил блокнот на стол и подвинул его к Адаму.

– Вот – все, что я запомнил. Только вам не обязательно читать все это прямо сейчас, – вдруг усовестился он. – Лучше сначала позавтракать.

Адам взял блокнот и с улыбкой взвесил его в руке.

– Мне кажется, я справлюсь и с тем, и с другим, – весело ответил он. – И потом, мне кажется, с этим завтрак будет куда интереснее, чем с газетой. Кстати, не забудьте поесть сами...

Перегрин принялся за тосты с чаем, а Адам тем временем прочитал и снова перечитал исписанные убористым почерком страницы. Наконец он опустил блокнот. Перегрин тут же оторвался от своей тарелки, словно разом потерял аппетит.

– Ну? – беспокойно спросил он. – Что вы об этом думаете?

– Ответ азбучный, – улыбнулся Адам. – Что вы думаете об этом сами?

Перегрин поморщился.

– Так и боялся, что вы это скажете. – Он помолчал, размышляя, потом решился. – Исходя из того, что вы говорили вчера на лекции, полагаю, все это имеет отношение к истории и тем резонансам, которые она генерирует. Только я не понимаю, при чем здесь вся эта галерея автопортретов?

Он искоса посмотрел на Адама, словно приглашая его объясниться. Адам бросил на него пронзительный взгляд из-под бровей и осторожно положил блокнот на стол между ними.

– Не думаю, что вам нужна моя помощь, чтобы извлечь смысл. Верно?

Перегрин прикусил губу, подбирая слова.

– Нет. Нет, пожалуй, не нужна. Но... – Он раздраженно тряхнул головой. – Адам, – выпалил он. – Меня растили убежденным пресвитерианцем. Мне как-то сложно соотнести намеки на реинкарнацию с христианством.

– Однако христианство объединяет множество интерпретаций одной и той же исходной истории, – возразил Адам. – Иначе у нас не было бы стольких разновидностей христианства, каждая из которых убеждена в том, что ее способ общения с Господом – лучший.

– Значит, вы считаете эти два понятия совместимыми? – не без сомнения спросил Перегрин.

Адам пожал плечами:

– Это уже вам решать. По моему мнению – говорю это как убежденный христианин; всего неделю назад я обедал со своим епископом – христианство вполне способно включить в себя куда больше универсальных истин, чем принято разнообразными конфессиями.

Это наблюдение застало Перегриня несколько врасплох, некоторое время он молчал.

– Но это безумие, – медленно сказал он наконец. – Вы психиатр, и вы же говорите мне, что мои видения на деле не видения, а истинная правда.

– Я этого не говорил, – возразил Адам. – Но если вам от этого спокойнее, считайте, что *иллюзия* резонансов нашего прошлого – наших прошлых жизней, если хотите, – является удобной метафорой для использования некоего седьмого чувства, адекватного объяснения которого на сегодня нет. Другими словами, если это действует, грех этим не пользоваться.

С минуту Перегрин с выпученными глазами молча смотрел на него, переваривая услышанное. Потом он медленно кивнул.

– Мне кажется, я начинаю понимать, – пробормотал он. – Во всем этом даже есть какой-

то смысл.

– *Интуитивный* смысл? – с улыбкой спросил его Адам.

– Возможно. Но в одном вы правы *подлинная* это реальность или только *кажущаяся*, то, что я нахожу хоть какие-то объяснения происходящего со мной, – уже лучше, чем ничего. – Он побарабанил пальцами полежавшему на столе между ними блокноту и снова поднял взгляд – Ладно. За недостатком других теории давайте допустим, что до этой жизни я прожил несколько других. Но если то же самое верно и в отношении вас, – продолжал он все тем же рассудительным тоном, – значит, то, что я видел позавчера вечером, что я пытался зарисовать, было... резонансами *вашего* прошлого? – Он поднял взгляд на Адама, ожидая ответа.

– Немного упрощенно, – улыбнувшись, согласился Адам, – но в целом верно.

Перегрин подумал еще немного.

– А вы сами видели тени моих прошлых жизней? – спросил он.

– Непосредственно – нет, если вы это имели в виду.

– Почему?

– Во-первых, – ответил Адам, – подозреваю, потому, что научился ограничивать свое видение во времени, равно как и расширять его. Во-вторых, мои основные способности лежат в другой области.

Прежде чем Перегрин успел потребовать более подробных объяснений, Адам расправил плечи и отставил в сторону чашку с блюдцем.

– Кстати, вы не наездник?

Эта внезапная смена темы застала Перегрину врасплох.

– Прошу прощения?

– Вы ездите верхом?

– Когда учился в школе, вроде неплохо ездил, – ответил Перегрин – А что?

– Я не помню, говорил ли я вам об этом, – сказал Адам – Мои работники на прошлой неделе наконец-то начали расчищать башню Темпльмора. Сегодня днем приезжает один парень, археолог из Охраны Памятников. Прежде чем дать обследовать развалины ему, мне хотелось бы посмотреть самому, насколько продвинулась работа. Я собирался туда верхом после завтрака, и мне показалось, что вам тоже может быть интересно посмотреть, может, даже порисовать. Думаю, вам как раз подойдут сапоги и галифе моего племянника – он примерно одного с вами роста. Если вам интересно, конечно.

Перегрин смотрел на Адама взглядом, в котором любопытство смешалось с подозрительностью.

– Это что, тоже эксперимент? – поинтересовался он.

Адам со смехом тряхнул головой.

– Вот тебе и осторожный подход. Да, это будет еще один эксперимент. Надеюсь, блокнот для зарисовок у вас с собой? Отлично, значит, захватите его. По дороге я расскажу вам, что мне пришло в голову.

Ко времени, когда нашли дополнительные седло и сбрую, Джон, отставной кавалерист ее величества, ныне присматривающий за лошадьми Адама, уже оседлал его любимого мерина и выводил из денника гнедую кобылу для Перегрин. Увидев Адама, кобыла заржала, а мерин наострил уши и потянул повод, чтобы посмотреть. В полумраке конюшни из денников заинтересованно высунулись еще две лошадиные морды.

Конюх расплылся в ухмылке и по-военному отдал честь, потом привязал кобылу к коновязи и стал седлать ее.

– Доброе утро, сэр. Парень уже готов, а Поппи будет через минуту.

– Доброе утро, Джон. Спасибо, – откликнулся Адам. Он провел рукой в перчатке по шелковистой шее серого, тот мягко вздохнул и подставил ему морду, чтобы его погладили.

– Доброе утро и тебе, Халид, – прошептал Адам, похлопывая его. – Ага, так тебе нравится? Вы с Поппи готовы размяться немного?

– О, он подарит вам нынче славную прогулку, сэр, – усмехнулся Джон, застегнув на

кобыле уздечку и отходя за седлом. – Характер у обоих прямо золотой, – добавил он специально для Перегрину. – У вас не будет с ней хлопот, мистер Ловэт, если вы хоть раз в седло сядите.

– Ну, в школьные годы я охотился, – заверил его Перегрин.

– Раз так, вы с этой леди поладите. И уж от этого сивого верзилы она не отстанет, – сказал Джон, приятельски хлопнув Халида по крупу. – Вам понравится.

После того как Джон помог ему сесть в седло и подогнать стремя, Перегрин подождал Адама и следом за ним поехал со двора. Кобылка с готовностью слушалась всех его команд, явно готовая перейти на галоп, если это ей прикажут, но не раньше – образцовая леди, как и обещал Джон.

Первые десять минут они ехали шагом, давая лошадям разогреться, а Перегрину – заново освоиться в седле после долгого перерыва. Потом проскакали рысью вдоль длинной дренажной канавы, разделявшей два поля, свернули на пастбище и перешли на легкий галоп. Щадя отвыкшего от седла Перегрину, Адам выбрал самую спокойную дорогу. Добравшись до поросшего лесом Темпльморского холма, они снова перешли на шаг.

В намерения Адама входило показать Перегрину руины замка на случай, если тот сумеет разглядеть в них какие-то резонансы прошлого. Почву для этого он подготовил вчерашней лекцией, кроме того, ему показалось, что смотреть на постройку художнику, который пытается поставить на службу свой особый талант, будет не так опасно, как на человека. Впереди, сквозь кружево спутанных ветром ветвей, уже замаячила иззубренная стена Темпльмора, серо-золотистая в утреннем тумане – классический Z-образный в плане замок с двумя полуразрушенными лестничными башнями в противоположных углах.

Адам привстал в стремях, пытаясь представить себе, что увидит человек, едущий с ним рядом, когда его попросят заглянуть за физическую оболочку древних руин. Во всяком случае, он отвел себе роль гида и наставника Перегрину, овладевавшего своим даром, и не ждал для себя ничего особенного.

Поэтому он был совершенно потрясен, когда сквозь настоящее на мгновение проступили очертания прошлого. Словно по волшебству сквозь голые ветви над головой пробилось солнце, окрасило теплыми тонами стены и засияло золотой короной над башнями. Алхимия света смешала время и логику, и перед полуобвалившейся аркой ворот Темпльмора вдруг возник бородатый мужчина в белом плаще с алым восьмиконечным крестом рыцаря-храмовника. Руки в кожаных перчатках покоились на рукояти тяжелого двуручного меча, воткнутого в землю перед ним.

И тут же видение исчезло. Пытаясь вернуть его, Адам несколько раз моргнул, но на его месте всплывали воспоминания других видений, еще более древних времен: человек, сидящий в старинной библиотеке за заваленным свитками столом, стоящий на носу погребальной ладьи из папируса, медленно плывущей вдоль правого берега Нила...

Халид с хрустом наступил на ветку, и вокруг снова стал сегодня, а сам он вновь стал сэром Адамом Синклером из Темпльмора, и он снова ехал верхом к руинам древнего замка сквозь гуманное шотландское утро.

Надеясь, что испытанное им потрясение не слишком заметно, Адам покосился на едущего рядом молодого человека, но Перегрин, похоже, не сводил взгляда с залитых солнцем развалин. С облегчением вздохнув – меньше всего ему хотелось бы напугать Перегрину, – Адам задумался, что могло означать его видение.

Вряд ли это было предупреждением о близкой опасности, хотя образ вооруженного рыцаря мог символизировать бдительность, а возможно, и необходимость вершить правосудие. В более широком плане подобное неспровоцированное и неконтролируемое вторжение его прошлого в настоящее обычно означало близкие перемены – небольшое изменение баланса сил, правивших обращением Вселенной, что порой требовало его вмешательства. Предупреждение, которое он получил на Внутренних Равнинах, говорило о том же.

Однако источник угрозы пока оставался неясным. Адам еще не понял природы

надвигающегося изменения баланса, он мог только наблюдать за происходящим и ждать. Сейчас его основной заботой был Перегрин. Он начал подозревать, что их встреча и доверие молодого человека были далеко не случайны.

Он снова покосился на Перегрину. На мгновение Адам усомнился, правильно ли он поступает, вовлекая его в свои игры. До сих пор ясновидение молодого художника касалось его только как профессионала. Художник пришел к Адаму как пациент к психиатру, желая только “исцеления”, однако Адам, быстро разглядев корни “проблем” Перегрину, фактически под свою ответственность решил обратить проблему в преимущество – не удалять способности Перегрину к особому видению, но настроить их.

Это было вовсе не то, о чем просил Перегрин. Было еще не поздно пойти на попятный и просто “вылечить” его, как тот и хотел. Правда, до точки, за которой возврат был уже невозможен, оставалось не так уж и много, – если Перегрин и впрямь учился так быстро, как подозревал Адам. Сегодня Адам еще мог сдержать Перегрину и его своенравный талант, если вернется к роли обычного психиатра, признает, что его ясновидение – разновидность умственного расстройства, научит избавляться от этого свойства, как художник хотел с самого начала. А вопросы о профессионализме Адама, неизбежные в случае, если Перегрин расскажет о его методах кому-нибудь другому, можно будет отвести как видения – в конце концов, не сам ли Перегрин поначалу расценивал их так?

Конечно, вряд ли в случае с Перегрином возвращение в рамки обычной психиатрии можно было рассматривать в качестве выхода – хотя Адам всегда заставлял себя просчитывать все возможные последствия, прежде чем крепче связывать решение проблемы с силами Внутренних Равнин. Возможно, ему не стоило спешить, но возможная награда стоила риска: возрождение еще одного Адепта, готового занять свое место в рядах Служащих Свету – и, не исключено, ценного союзника самого Адама. Самым же существенным было то, что Адам Синклер – практикующий медик, целитель душ и рыцарь Света – просто не в состоянии был отказать в помощи тому, кому мог помочь.

Ладно. Теперь посмотрим, что Темпльмор может предложить мистеру Перегрину Ловэту. Адам был уже предупрежден, что от руин исходит энергия, иначе бы он не столкнулся с видениями при подъезде к древнему замку... Он тряхнул головой, отбрасывая собственные заботы, и направил серого по тропе к небольшой вырубке у основания старой башни. Из земли выступали фундаменты каких-то построек, а слева от них виднелся штабель тесаного стенового камня.

– Я вижу, ребята постарались на славу, – заметил он, останавливая серого и спешиваясь. – Вот это – фундаменты наружных пристроек. Этот штабель сложен из обломков, которые рабочие выбрали изнутри после того, как обрушились стены и крыша. Оставим лошадей здесь – пусть попасутся, пока мы посмотрим, что внутри.

Адам перестал тревожиться о Перегрине, как только увидел перемены, произошедшие за неделю со времени его предыдущего визита. Во-первых, исчез плющ, покрывавший стены, а выросшие на сводах первого этажа деревья были немилосердно выкорчеваны. Довольно улыбаясь, Адам первым вошел в дверь замка.

– Возможно, вон там, над дверью, находился фамильный герб, – сказал Адам, указывая на неправильной формы нишу в стене. – Мне всегда казалось, что это был такой же феникс, как тот, что вы видели в большой зале, но возможно, это был другой герб Синклеров или вообще что-то совсем другое. К несчастью, он исчез так давно, что мы этого никогда не узнаем.

Перегрин не ответил. Адам оглянулся через плечо. Художник с застывшим лицом стоял у подножия лестницы, ведущей ко входу, и судорожно сжимал в руке блокнот.

– Перегрин? Что случилось? – резко спросил его Адам.

Молодой художник чуть повернул голову на его голос, глянул на него из-под прищуренных век и торопливо отвел взгляд.

– Кажется, мне не следовало приходить сюда, – тихо произнес он.

Он пошатнулся и попятился. Адам подскочил к нему и помог сесть на большой камень

на краю вырубки.

– Почему? – спросил он.

– Это все мое чертово призрачное видение! – процедил Перегрин сквозь зубы. – Если бы я только мог вырвать его с корнем...

– Нет, это вам нужно меньше всего, – мягко, но решительно возразил Адам. – Не боритесь с ним. Даже не пытайтесь пока совладать с ним. Просто расслабьтесь и пустите все на самотек.

– Но...

– Я сказал, расслабьтесь, – повторил Адам, на этот раз повелительнее, положив руку Перегрину на сморщенный, словно от боли, лоб. – Успокойтесь, Перегрин, – повторил он чуть тише. – Я хочу, чтобы вы снова вошли в транс, как в тот раз. Борьба не поможет. Расслабьтесь. Вспомните свой сон. Вспомните...

Может, руки Адама, может, его голос, а может, и то, и другое вместе заставили молодого человека немного расслабиться. Глаза его оставались закрыты, и когда он успокоился настолько, чтобы перевести дух, Адам убрал руки и отступил на шаг.

– Так-то лучше, – сказал он, продолжая пристально следить за своим пациентом. – Именно за этим и привел я вас сюда: дать вам шанс проверить различные уровни вашего восприятия. Мне казалось, со зданием проще, чем с людьми. Прежде чем мы перейдем к исследованию способов избирательного управления вашими особыми способностями, нам надо знать, что происходит, когда вы и не пытаетесь управлять ими.

Перегрин сонно мотнул головой.

– Я понимаю, что вы говорите, но это все так... так запутанно. Я могу убрать часть этого запутанного, если просто смотрю на предмет, но образы по краям поля зрения... – Он помолчал и судорожно сглотнул. – Даже зажмурившись, я все равно вижу больше, чем нужно. Это все равно что смотреть сквозь несколько прозрачных изображений, наложенных друг на друга.

– Хорошее сравнение, – кивнул Адам. – Но поверьте, если вы прекратите сопротивляться, вихрь образов уляжется сам собой. Что там говорили вам во сне ваши другие “я”?

– Успокоиться, – прошептал Перегрин. – Успокоиться и знать, что я господин... Боже праведный! – Он широко раскрыл глаза. – Так вы считаете, что причина этого вихря – я сам?

– Существует только один способ проверить это, – сказал Адам, осторожно присаживаясь на соседний камень. – Сделать так, как вам советовали ваши другие “я”. Отдохните и отдышитесь. На минуту закройте глаза, пока не восстановите равновесие. Сосредоточьтесь на каждом вздохе: вдох... выдох...

Перегрин повиновался. Грудь его вздымалась и опускалась. Лицо понемногу расслаблялось. Спустя долгую минуту его пальцы ослабили мертвую хватку на блокноте.

– Хорошо, – сказал Адам. – А теперь откройте глаза и нарисуйте то, что вы видите – *что бы вы ни видели*, – как тогда, вечером, в библиотеке. Все в полном порядке.

Перегрин осторожно приоткрыл глаза. Краски – зеленые, серые, коричневые – закружились перед ним в хороводе. Он сделал еще один глубокий вздох и открыл глаза окончательно.

Открывшаяся ему картина мерцала и переливалась, переходя из одного состояния в другое, словно голографическая проекция. Только что он видел древние руины, открытые непогоде, – а через мгновение перед ним был уже средневековый замок с высокой крышей и целыми окнами.

– Не напрягайтесь, – доносился до него спокойный голос Адама. – Вы видите сейчас больше, чем физическую оболочку, и это хорошо. Просто позвольте образам сменять друг друга.

Перегрин даже сумел послушно кивнуть. Пока он продолжал смотреть на замок, даже чуть-чуть за него, постепенно, слой за слоем на глазах проступал и становился четче образ другого Темплмора. Две лестничные башни венчались выступающими квадратными в плане

надстройками с кровлями из сланцевых пластин. Геральдический знак над дверями представлял собой высеченный из камня и свежеокрашенный мальтийский крест в окружении семи звезд – вовсе не восстающий из огня феникс, как в доме Адама. Под гербом виднелся девиз “*Morte nunquam reget*” – “Смерть не властна”.

Перегрин медленно зажмурился и снова открыл глаза, но образ не растворился, а остался на месте. Уже увереннее, даже с удовольствием от того, что может сохранять объект в фокусе, он раскрыл блокнот и принялся рисовать.

Через несколько минут Адам осторожно подошел и заглянул ему через плечо. Под умелым и быстрым карандашом Перегрин руины превратились в высокую постройку, наполовину крепость, наполовину жилое здание. Слуховые окна были защищены тяжелыми деревянными ставнями, а бойницы в стенах позволяли прикрыть огнем почти весь дом. Короткие галереи по сторонам сторожевых площадок, венчавших башни, позволяли защитникам контролировать окрестности замка.

На протяжении следующего часа Перегрин продолжал рисовать, прерываясь только для того, чтобы заточить карандаш или сменить точку. К тому моменту, когда он, потянувшись, протянул блокнот Адаму и встал, было закончено не меньше дюжины набросков.

Адам внимательно просмотрел их, поражаясь точности изображения деталей. Особенно его заинтересовал воссозданный герб, ибо он представлял собой раннюю версию, восходящую к тем временам, когда фамилия Сен-Клер еще не превратилась в Синклер. Связь фамилии с орденом тамплиеров была несомненна – Адам, разумеется, знал об этом, но никак не ожидал встретить здесь, а уж Перегрин Ловэт узнать заранее просто не мог. Учитывая точность изображенной геральдической детали, Адам не сомневался в том, что Перегрин изобразил замок в точности таким, каким он был когда-то, снаружи и внутри.

Судя по рисункам, на первом этаже за входом размещались две сводчатые кладовые; кухня находилась в северо-восточной башне. Центральную часть второго этажа занимал главный зал, а две жилые комнаты по его углам вели оттуда в башни, на лестницы. Пространство на следующем уровне делилось на две спальни, оружейную и открытую площадку. Из сторожевых помещений на верху башен открывался доступ на галереи, где в беспокойные времена дежурили ратники из числа прислуги. Такая планировка была обычна для замков той эпохи, но о многих изображенных деталях по руинам догадаться было невозможно, тем более за то недолгое время, что Перегрин потратил на наброски.

– Перегрин, это просто потрясающе, – воскликнул Адам, отрываясь от рисунков. – Вы разрешите мне показать их археологу, когда он придет?

Молодой художник плюхнулся на нижнюю ступень крыльца, вытянув ноги перед собой. Он выглядел слегка усталым, но на его лице не осталось ни следа напряжения. В ответ он поднял глаза и неуверенно улыбнулся.

– Если вы считаете, что от них может быть какая-то польза – почему же нет?

– Если он хоть немного разбирается в своем предмете, – ответил Адам, – мне кажется, “какая-то польза” звучит явным преуменьшением. Как вы себя чувствуете?

Перегрин задумался.

– Странное дело, – сказал он. – Я устал, но знаете, чувствую себя отдохнувшим, словно сбросил с плеч какую-то тяжесть.

– А ваше восприятие?

– Вновь вернулось к обычному. Мне кажется, – усмехнулся Перегрин, – ваш эксперимент сработал. – Голос его звучал почти радостно.

Адам согласно кивнул. За прошедший час они миновали точку, за которой возврата уже не было.

– Мне кажется, да, – ответил он. – Как вы думаете, вы скоро сможете вновь смотреть на людей?

Глаза Перегрин удивленно расширились, но на этот раз в них не было страха, который неминуемо охватил бы его час назад.

– А вы правда считаете, что я смогу? – спросил он.

– Почему бы и нет? Неужели последний опыт был вам страшен, когда вы по-настоящему включились?

– Нет.

– Раз так, – улыбнулся Адам, – нашим следующим шагом станут люди. И вам необходимо сделать этот шаг, если вы действительно хотите прорваться через все это.

Перегрин сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

– Идет, – сказал он. – Если вы считаете, что я справлюсь с этим, я попробую. Скажите мне только, где и когда.

Адам кивнул и подумал немного.

– Как насчет завтра? Завтра утром мне нужно съездить в Эдинбург, чтобы выступить свидетелем на суде. Мне хотелось бы, чтобы вы пригляделись к одному из тех, кого тоже пригласили туда...

Глава 7

Утро следующего дня выдалось ветреным и переменчивым. Перегрин и Адам выехали из Стратмурна незадолго до девяти. За рулем надежного синего “рейнджровера” – рабочей лошадки из собрания Адама – на этот раз сидел Хэмфри. Ко времени, когда они миновали Форт-Роуд-Бридж, утренний поток машин уже ослабел, и они добрались до центра города почти без помех.

Хэмфри высадил своих пассажиров у главного входа в Дом Парламента, напротив собора Сент-Джайлза. Перегрин поправил на плече ремень небольшого этюдника, зябко поежился в своем плаще и поднялся по ступеням следом за Адамом.

– Вы никак не могли начать с чего-нибудь полегче? – вздохнул он. – Мне кажется, я понимаю, на что вы надеетесь, дело и впрямь захватывающее. Но все равно мне интересно, почему вы хотите, чтобы я делал эскизы офицера, совершившего арест, а не подсудимого или свидетелей.

Адам отворил дверь суда и посторонился, пропуская Перегрина вперед.

– Вы можете рисовать и других, если вам интересно... хотя рисовать подсудимого я пока бы вам не советовал – во всяком случае, на этом, раннем, этапе вашего обучения. Я не буду вдаваться в детали, поскольку не хочу, чтобы мои слова хоть как-то повлияли на ваше восприятие. Мне кажется, вы все и сами поймете, как только попробуете пустить свой дар в ход.

– Что ж, ладно, – не без сомнения в голосе отозвался Перегрин. – Сделаю все, что в моих силах, и приму ваши слова на веру.

Заседание суда проходило в зале на третьем этаже. Собственно, газеты кричали об этом деле уже несколько месяцев – оно начиналось с череды странных событий, сопровождавшихся угрозами мести с помощью черной магии, затем последовали жестокие убийства домашних животных, и завершилось все попыткой поджечь дом пожилой женщины, которая держала несколько десятков кошек. Поначалу Адама пригласили, чтобы тот помог составить психологический портрет злоумышленника. Когда полиция наконец арестовала сына влиятельного бизнесмена, Адама пригласили повторно – для проведения психологической экспертизы. Собственно, в качестве эксперта он и участвовал в сегодняшнем заседании. По дороге в Эдинбург он в последний раз перелистал свои записи, попутно ознакомив Перегрин с сутью дела. Теперь, стоя на площадке в ожидании лифта, Перегрин вопросительно смотрел на своего наставника.

– Ваш подсудимый и правда серьезно относился ко всей этой ерунде вроде черной магии?

– К этой ерунде вроде черной магии, как вы выразились, *нужно* относиться серьезно, – ответил Адам, хотя резкость замечания была несколько смягчена легкой улыбкой. – Не буду отрицать, кое-что из того, что непосвященные *называют* черной магией, можно отнести к психологическим отклонениям или галлюцинациям. Но как вы и сами могли убедиться,

грань между галлюцинациями, видениями и действительностью может быть почти неуловима.

Намек на положение самого Перегрин заставил того удивленно замолчать до тех пор, пока мелодичный звонок не возвестил о прибытии лифта. Отворились двери, выпустив троих барристеров в черных судебных мантиях. Адам занял место в пустой кабине, а Перегрин едва не остался на площадке.

– Позвольте, если я правильно понял, – выпалил он, едва двери лифта закрылись за ними, – вы хотите сказать, что подсудимый и впрямь *занимался* черной магией?

– О, нет никаких сомнений в том, что он *пытался* это сделать, – ответил Адам.

Перегрин потрясенно уставился на него.

– И как, успешно? – спросил он.

– Нет, – отрезал Адам, уставившись на кнопки лифта. – Этот испорченный юнец, не довольствуясь достатком, который у него уже имелся, обратился к силам, владеть которыми ему не полагалось. Он занялся тем, что представлялось ему разновидностью черной магии. К сожалению, от этого пострадали невинные животные, а невинная старая дама потеряла дом, любимых питомцев и едва не лишилась жизни. Если бы за этим стояло что-то, кроме отвратительных капризов избалованного подростка, его деятельность привлекла бы мое внимание гораздо быстрее. А так он только обманывал себя, что ему чего-то удалось достичь, – что, на мой взгляд, гораздо лучше, чем если бы он и впрямь добился результата. Вот только жертвам его до сих пор больно.

– Так вы намекаете на то, что черная магия существует на самом деле? – настаивал Перегрин, не веря своим ушам.

– Ну конечно же, она может существовать, – вздохнул Адам, пронзив его одним из своих спокойных, уверенных взглядов. – Нет числа Высшим Путям, и повороты в Тьму всегда манят к себе тех, кто обладает духовными силами, но использует их в недобрых целях. А те, кто избирает странствия по Темным Путям, часто занимаются делами куда страшнее, чем жертвоприношения животных.

Спокойствие, даже некоторая бесстрастность, с которой он произнес эти слова, делали их почему-то еще более угрожающими. В лифте было тепло, даже душно, но Перегрин все равно пробрала дрожь. Однако прежде, чем он успел задать следующий вопрос, кабина остановилась и двери раздвинулись, и выпуская их в коридор, полный ожидавших суда.

– Инспектор Маклеод будет сидеть рядом со мной, за обвинителем, – негромко предупредил Адам на ходу, словно они обсуждали результаты вчерашних скачек. – Если вы подниметесь на правую сторону галереи для зрителей, вам будет хорошо видно его лицо.

Галерея для зрителей разместились вдоль задней стены зала, а ее боковые крылья тянулись на половину длины помещения. Пробившись через толпу журналистов и простых зевак, Перегрин нашел в первом ряду свободное место, откуда открывался вид на скамью, где сидели Адам и седоволосый мужчина крепкого сложения в твидовом костюме. Усы и очки в золотой оправе соответствовали краткому описанию, данному Адамом. Удостоверившись, что он обнаружил намеченный объект, Перегрин достал из этюдника блокнот, карандаши и принялся за первый набросок.

Показания других свидетелей заняли почти два часа. Адам внимательно слушал их, изредка посматривая на галерею, потом пришла его очередь занять свидетельское место. Он был рад увидеть, что Перегрин поглощен работой. Принося присягу, он на мгновение попробовал представить себе, что скажет Маклеод, узнав, что его подвергли такому глубокому обследованию. После этого он полностью сосредоточился на вопросах обвинения и защиты.

Адам закончил давать показания прежде, чем суд удалился на перерыв. В целом утро прошло для обвинения неудачно. Двигаясь вместе с Маклеодом в потоке юристов, свидетелей и зрителей к выходу из зала, Адам слушал жалобы Маклеода – явление, обычно для того нехарактерное.

– Порой мне непонятно, на кой черт мы вообще бьемся, – процедил тот сквозь зубы так

тихо, что расслышать его мог только Адам. – Этот ухмыляющийся маленький хорек выйдет отсюда чистым и незапятнанным, тогда как по справедливости его надо запереть, пока он не сумел никого серьезно изувечить. Готов поспорить с вами на что угодно, что не пройдет и года, как он снова окажется у нас – и на следующий раз уже не за жестокое обращение с животными.

– Сомневаюсь, что даже на таких условиях вы найдете желающего поспорить, – ответил Адам. – Впрочем, нет смысла сетовать на несовершенство закона. Вы здесь на весь день? Почему бы нам вместе не перекусить? Здесь сидит один мой знакомый, с которым мне хотелось бы вас познакомить.

– Тот молодой человек на галерее, который рисовал? – спросил Маклеод. – Я так и думал, что он с вами. Как ни жаль, я здесь не на весь день. – Он посмотрел на часы и поморщился. – И если я сейчас не потороплюсь, моей шкуре не поздоровится.

– Как, неужели вас назначили охранять члена королевской семьи? – шутливо предположил Адам. – Ну да, вспоминаю, в городе с визитом сам герцог Эдинбургский.

Маклеод закатил глаза и зарычал. Он не отличался терпением, когда его считали королевской сиделкой.

– Не смейте даже в шутку желать мне такого, Адам. Пусть молодежь зарабатывает себе славу, чтобы старики вроде меня могли заняться настоящей полицейской работой. Нет, просто какой-то полковник читает нам лекции по использованию антитеррористической тактики для борьбы с городскими наркобаронами. Утреннюю лекцию я уже пропустил.

– Ну значит, в другой раз, – вздохнул Адам. – Вам просто необходимо познакомиться с моим молодым другом.

– Гм, ладно, постараюсь. Позвоните мне на неделе, ладно?

– Именно так я и поступлю, – заверил его Адам.

Они простились у выхода из зала. У лифта Адам нашел Перегрину и посмотрел вслед исчезавшему в толпе Маклеоду. Молодой художник стоял, прижав блокнот к груди, его глаза под линзами очков сияли от возбуждения. Почувствовав, что Перегрину не терпится показать ему рисунки, Адам улыбнулся и остановил его жестом руки.

– Нет, пока не показывайте, – сказал он. – Тут неподалеку есть отличный французский ресторанчик. Я попросил Хэмфри заказать нам отдельный кабинет, так что нам никто не будет мешать. Я надеялся, что инспектор составит нам компанию, но, увы, у него другие дела.

Ресторан располагался на крутой улочке недалеко от Грассмаркета. В паузе между блюдами Адам просмотрел наброски, сделанные Перегрином. Подсудимого тот не рисовал.

– Мне было трудно даже смотреть на него, Адам, – признался он. – Он был весь в черной пелене – словно кто-то взял кусок угля и его закрасил. И в то же время он казался... скользким, это определение точнее всего.

– Гм, да, – кивнул Адам, бросая на негр хитрый взгляд, словно говоря: “Предупреждал же я вас”. – Возможно, теперь вы понимаете, почему я не советовал вам пытаться его рисовать. На этой стадии игры очень важно правильно выбирать объекты.

Впрочем, наброски Ноэля Маклеода оказались именно такими, какими ожидал Адам. На первом инспектор, изображенный на свидетельском месте, по-бульдोजьи упрямо топорщил усы над выдвинутым подбородком. Очки придавали ему немного сердитый вид. Другой рисунок показывал их с Адамом за столом обвинителя, внимательно слушающих показания свидетелей. Оба выглядели именно так, какими их видели все остальные зрители.

Зато другие рисунки показались Адаму значительно интереснее. На одном из них светло-голубые глаза Маклеода решительно смотрели из-под шапочки горца с прищипленной к ленте белой кокардой. На втором он прятался под капюшоном средневекового монаха. На третьем полицейский инспектор принял облик бесшабашного капитана с густой бородой. Адам невольно усмехнулся.

– Мне всегда казалось, что в Маклеоде есть что-то пиратское, от Генри Мартина, – заметил он. – Вы только подтвердили мои подозрения.

Перегрин отвлекся от размешивания сливок в кофе.

– Между вами больше общего, чем кажется на первый взгляд, – повинуюсь импульсу, сказал он. – Инспектор – еще один вроде вас, верно?

Адам с легкой улыбкой кивнул.

– Хотя сам он вряд ли захочет подтвердить это так многословно, – осторожно сказал он, – Ноэль Маклеод обязан изрядной долей своего профессионального успеха своим скрытым способностям. Впрочем, в этом инспектор не одинок, – добавил Адам со значением.

Изумление Перегрина подсказало ему, что выстрел попал в цель.

– Если вы имеете в виду меня, – пробормотал художник, – не понимаю, как моя способность видеть разные штуки может быть полезной для остального человечества.

– Продолжайте совершенствовать ее – и результат может вас удивить, – посоветовал Адам, давая официанту знак принести счет.

Эти загадочные слова остались в памяти Перегрина, чтобы дать всходы тогда, когда он меньше всего этого ожидал. Он обдумывал их снова и снова, хотя умнее от этого вроде бы не становился. Впрочем, слишком много думать у него тоже не получалось, ибо Адам то и дело подбрасывал ему новые упражнения.

Погода после ленча прояснилась, так что они прошли пешком до Принсесс-стрит-гарденз, где Адам заставил его рисовать случайных прохожих, то прислушиваясь к своим глубинным впечатлениям, то сознательно ограничиваясь пределами физического зрения. На следующий день задачи усложнились: Адам взял его с собой на обход в Джорданберн, где двое пациентов дали согласие позировать.

На этот раз Перегрин получил указания отметить все физические резонансы, которые он мог бы уловить – будь то резонансы их прошлых жизней или нынешних физических отклонений, – и сосредоточиться только на внешности. Вопреки ожиданиям, задача оказалась не такой сложной. Вместо того чтобы пытаться изгнать уже привычные наслоения картин-призраков, Перегрин научился просто смотреть сквозь них, обостряя свой взгляд художника с помощью специальной дыхательной методики, которой научил его Адам. Тревожащие образы почти мгновенно растворились перед его взглядом, не мешая сосредоточиться на физических аспектах своих моделей.

Как следствие, выполненные им по этим требованиям портреты отличались четкостью изображения и выразительностью, которые так восхищали Адама в ранних работах Ловэта. И в то же время в них начисто отсутствовала избыточная мистика, которая доминировала в портрете леди Лоры.

– Отлично! – вскричал Адам, изучая портреты вечером того же дня. – Вот видите, вы можете заглушить особое видение, если вам этого хочется, и вам не нужно позволять ему командовать собой. Я верю, что вы на верном пути к овладению своими способностями.

Однако подлинное испытание вновь обретенного контроля над талантом Перегрин пережил в пятницу, когда он сопровождал Адама в Кинтул на похороны леди Лоры.

Служба состоялась в деревенской церкви. Хотя Хэмфри привез их раньше условленного времени, в церкви Адам с Перегрином обнаружили, что вся она заполнена теми, кто пришел отдать дань уважения покойной. К счастью, для них были зарезервированы места недалеко от алтаря, прямо за местами членов семьи Кинтул. Под меланхоличный аккомпанемент органа слуга провел их по центральному проходу и налево.

Адам преклонил колена в короткой молитве, и Перегрин повторил его движения, хотя это было ему непривычно: в церкви его детства на колени не становились. Впрочем, ему сделалось неудобно вовсе не из-за этого. Сам воздух словно был наэлектризован от сдерживаемых эмоций, церковь сразу показалась слишком маленькой, чтобы вместить всех присутствующих. И хотя здесь было тепло, Перегрин вдруг пробрал озноб.

Перегрин нервно теребил пальцами накрахмаленный воротничок, стараясь справиться с растущим комком в горле. Когда Адам наконец поднялся с колен, сел на свое место и бесшумно открыл программу службы, которую ему дал слуга, Перегрин с облегчением последовал его примеру. Правда, ему не стало легче. В попытках избавиться от гнетущего

ощущения молодой художник заставил себя перевести взгляд на высокие своды старой церкви, надеясь, что это поможет ему отвлечься от печального повода, по которому они здесь собрались.

Он не ожидал, что это поможет, и это не помогло. Взгляд его неизменно возвращался к алтарю. Гроб леди Лоры стоял перед алтарем в окружении шести высоких свечей и казался очень маленьким под укрывавшими его алыми и белыми хризантемами. Это зрелище волновало его, но он не мог отвести от него взгляд. Перегрин утешался лишь тем, что никаких призрачных видений у гроба не было.

Не понимая причины охватившего его страха, Перегрин зажмурился и несколько раз глубоко вздохнул, медленно выпуская воздух из легких, – так научил его Адам. Постепенно комок в горле начал рассасываться. Он все еще искал в памяти подходящую молитву, когда звуки органа и вторившего ему хора возвестили о начале службы. Показалась процессия: служба с крестом, еще несколько служек с высокими свечами в руках и викарий в белой мантии.

Знакомый ритуал и смена мелодий отвлекли Перегрин от мрачных мыслей, царившее у него в душе смятение мало-помалу улеглось. Сопрано, исполнившее входную песню Генделя, было великолепным, и Перегрину показалось, что певице вторит голос самой леди Лоры, утишая его скорбь словами одной из его любимых арий:

Тревожен ты? Тебя мелодия утешит...

Он оставил попытки сложить молитву в словах и позволил своей душе расслабиться.

Тема утешения сменилась гимном Вогана Уильямса на слова средневекового поэта Бьянко да Сиены:

Любовь, с небес снизойди,
Душой мою душу найди,
Душою ко мне приди
В сияньи зари рассветной ¹

Знакомые слова и мелодия успокоили Перегрин, и он нашел в себе силы присоединиться к хору прихожан. Рядом с ним вторил хору гулкий бас Адама, полный глубины и скрытой страсти. Смесь преклонения и гордости в его фигуре напомнила Перегрину изваяние воина-крестоносца, которое ему довелось как-то видеть в одной из часовен в Провансе. Темные глаза светились внутренним огнем, словно отражали свет скрытого зрения. Перегрину вдруг припомнился первый набросок, который он сделал с Адама, – неужели это было меньше недели назад?

Гимн закончился, но, к несказанному облегчению Перегрин, все последующие молитвы продолжали говорить лишь о свете и превосходстве.

– Говорю вам тайну, – вещал викарий словами святого Павла. – Не все мы умрем, но все изменимся...

Адам еще по пути сюда сказал ему, что леди Лора сама выбрала слова службы. Она знала, что скоро умрет – у нее было довольно времени подготовиться к этому, – и выбрала слова утешения с той же тщательностью, с какой прожила всю свою жизнь, щадя чувства тех, кого любила и кого оставила на этой земле. Адам был одним из немногих, кто знал, что она умирает. Интересно, подумал Перегрин, многим ли из того, что было ему известно, делился он с леди Лорой в ее последние дни?

Вперед вышел старший сын леди Лоры и кратко, но с чувством поведал о жизни своей матери, о том, что она любила, попрощавшись с ней от всей семьи. Потом, к удивлению Перегрин, на кафедру поднялся Адам Синклер и достал из кармана листок бумаги.

– Мне посчастливилось много лет быть знакомым с леди Лорой, ощущать на себе ее веру и душевную теплоту, – начал он. – Лорд Кинтул попросил меня поделиться с вами этими строками, одними из ее любимых. Они взяты из последней главы повести Томаса Вулфа под

¹ Здесь и далее перевод стихов Н.Эристави.

названием “Тебе не вернуться домой”.

Он опустил взгляд на листок и начал медленно читать, но Перегрину сразу стало ясно, что никакие подсказки из текста ему не нужны.

В ночи мне прозвучала чья-то речь,
Сжигая слабый свет во тьме беззвездной.
Мне сказано: ты должен умереть,
Но где, когда – покуда неизвестно!
О, мне говорили:
“Покинь родной свой край – для света знания,
Покинь и жизнь свою – для жизни высшей,
Покинь друзей – для дружбы-созиданья,
Чтоб землю обрести, что дома ближе —
Край мощи и силы!
Гробницы мира будут обретены, —
Вовне сознания муки обреченной”.
Так вихрь шептал, так реки мне твердили.

– Нам будет не хватать вас, Лора, – тихо договорил Адам в наступившей тишине. – Но мы желаем вам покоиться с миром и простимся с вами со всей нашей любовью и благословением.

Эти слова тронули Перегрину до глубины души, и он не сомневался в том, что не у него одного на глаза навернулись слезы. Но пока Адам возвращался на свое место, он вдруг понял, что боль его отступила, а вместе с ней отступило и чувство вины за то, что он, пусть и невольно, мог ускорить смерть леди Лоры. Напротив – теперь он знал это наверняка, хотя не испытывал от этого ни гордости, ни ложной скромности, – его работа над портретом леди Лоры в последние недели ее жизни доставила ей радость и удовольствие.

Осознав это, он понял и то, что может теперь сказать ей “прощай” от всего сердца. Теперь он был так же спокоен, как был возбужден совсем недавно. Он знал, что ему будет не хватать ее, но оставшаяся еще в его душе горечь относится к нему, но не к ней.

И все же, когда викарий попросил всех преклонить колени для благословения, Перегрин даже обрадовался тому, что прощания у могилы не будет. Он понимал, что леди Лоре это уже все равно, но ему все еще было не по себе при мысли о том, что кого-то близкого могут зарыть в землю. После службы ее должны были положить в фамильный склеп под центральным нефом церкви, где ей предстояло спать вечным сном в окружении предыдущих поколений Кинтулов и их жен. Она гордилась своей родословной; такое общество должно было ей понравиться.

Молитва закончилась, паства встала. Мелодию гимна, завершающего службу, написал Михаэль Преториус, слова принадлежали святому Амброзу:

Господнею Славою мы спасены —
Тобою, чей свет нам из Света мерцает.
Свет Света, сиянье предвечной весны,
Суть Дня, что нам дни озаряет...

Избавившись от чувства вины и смятения, сопровождавших его со времени работы над портретом и видений умирающей леди Лоры, Перегрин открыл свою душу словам епископа, жившего в тринадцатом веке. Одновременно с этим он начал различать в хоре прихожан отдельные голоса. Почти неосознанно он позволил взгляду пройтись по лицам поющих. То, что он увидел, произвело на него глубокое впечатление.

Пронзительный тенор, доносившийся откуда-то из передних рядов, как выяснилось, принадлежал худому юноше с хитрым лисьим личиком. Перегрин встречался с ним раньше.

Он приходился леди Лоре дальним родственником и присутствовал здесь, должно быть, только в надежде на небольшую долю наследства. Контрастировавший с ним резкий, немзыкальный баритон из задних рядов принадлежал пожилому шоферу леди Лоры, стоически принимавшему то, что он не в силах был изменить.

А потом для Перегрина словно исчезли все голоса, оставив только один: серебряное чистое сопрано, возносящееся к небу, словно песнь жаворонка. Голос был женский, но столь высокий и чистый, что напоминал голос ребенка, пронзительная ясность мешалась в нем с искренней скорбью. Певица находилась где-то слева и спереди Перегрина, среди родственников покойной. Он нетерпеливо всмотрелся в стоящих там людей. Спустя мгновение он увидел ее: крайнюю слева, почти у самой северной стены.

Она стояла в луче света от витража, расположенного чуть выше ее левого плеча. Зачесанные назад волосы были светло-золотыми, с рыжеватым оттенком. Четко очерченный профиль напоминал мадонну Боттичелли; на щеках под опущенными ресницами блестели дорожки слез.

Возможно, чувства Перегрина обострились от сострадания, ибо сердце его тотчас устремилось к ней. Он сомневался, что она находится в прямом родстве с леди Лорой, и все же скорбь ее была искренней и глубокой, как у дочери. Очарованный ее красотой, он присмотрелся к ней внимательнее – и был тронут, разглядев благородную мягкость ее духа.

“Кто это?” – гадал он.

Прощальный гимн завершился торжественным “Аминь”. Почтительно помедлив с минуту, прихожане начали группами выходить. Семья Кинтул направилась в боковую дверь: девушка с лицом скорбящей мадонны вышла с ними, но держась чуть в стороне. Перегрин следил за ней взглядом, пока она не скрылась за дверью; он опомнился только тогда, когда Адам тронул его за локоть.

– Ее зовут Джулия Барретт, – шепнул Адам ему на ухо, подтолкнув его к центральному проходу. – Она крестница леди Лоры.

Перегрин вздрогнул и повернулся к нему, пораженный тем, как легко Адам Синклер прочитал его мысли.

– Правда? – удивился он вслух. – Странно, что мы прежде не встречались.

– Ее отцом был сэр Альберт Барретт, – негромко продолжал Адам. – У него были поместья южнее, в Букингемшире.

Перегрин обратил внимание на то, что тот дважды упомянул ее отца в прошедшем времени. Он поднял взгляд на Адама.

– Ее отец умер? – прошептал он.

Адам кивнул и понизил голос еще сильнее, пробираясь сквозь толпу.

– Несколько лет назад он оказался вовлечен в финансовое предприятие, потерпевшее крах. Когда компания, в создании которой он участвовал, обанкротилась, он продал всю свою собственность, чтобы возместить убытки акционеров. С его стороны это было благородным жестом, и лично о нем никто дурного слова не говорил, однако ходили упорные слухи, что его партнеры по бизнесу были нечисты на руку. Это его сломило. Через несколько месяцев после банкротства его нашли мертвым. Согласно официальному заключению смерть сэра Альберта Барретта носила естественный характер, но некоторые считают, что он покончил с собой. Надо ли говорить, что вся эта история тяжело ударила по его семье. Мне кажется, Джулии и ее матери пришлось бы совсем плохо, не будь с ними леди Лоры.

Они добрались наконец до двери, и Перегрин еще раз на обидно короткое мгновение увидел Джулию, садившуюся в машину. Позже он тщетно искал ее среди гостей в Кинтул-Хаусе. От мыслей о ней его отвлек только сам граф Кинтул, который вежливо отвел его в сторону и осторожно осведомился о неоконченном портрете матери. К собственным удивлению и облегчению, Перегрин обнаружил, что мысль о возврате к работе больше не страшит его.

– Я могу возобновить работу в любое удобное для вас время, милорд, – заверил он графа. – В настоящий момент я выполняю одну работу для сэра Адама Синклера, но я знаю,

что ему тоже не терпится увидеть этот портрет законченным.

Когда граф отошел от него к другим гостям, Перегрин отправился на поиски Адама. Тот стоял у окна гостиной и оживленно беседовал со смешливой блондинкой, в которой Перегрин узнал леди Элисон Макбейрд, старшую дочь графа Килревана. Несколько лет назад он писал ее портрет. Не желая мешать беседе, явно приятной для обеих сторон, Перегрин уже собрался отойти, когда что-то в комнате вдруг изменилось.

Казалось, по залитой светом зале прошла тень – словно туча набежала на солнце. В углу, где находился Адам, соткалась тьма, обернувшись вокруг него дымной спиралью.

Перегрин поперхнулся и протер глаза, но тьма не исчезала, а колыхалась в воздухе, словно облако ядовитого газа. Забыв об осторожности, Перегрин ринулся в ту сторону.

– Адам! – резко выкрикнул он.

Его старший товарищ повернул голову; на лице его не было заметно ничего, кроме удивления. Уже на середине залы Перегрин остановился, поскольку тьма разом исчезла. Он стоял, ощущая себя дурак дураком.

– Что случилось, Перегрин? – спокойно спросил Адам.

Перегрин неловко переминался с ноги на ногу под любопытным взглядом голубых глаз леди Элисон.

– Прошу прощения, – сказал он ей. – Я искал сэра Адама, но дело может и подождать...

Позже, когда они с Адамом возвращались на машине в Стратмурн, он рассказал о виденном.

– Представления не имею, что это было, – признался он. – Раньше я ничего подобного не видел. Как бы сказать... почти разумная субстанция, возможно, какая-то разновидность стихийной силы. Словно энергия, сгущающаяся перед ураганом или торнадо. И это было определенно враждебным, а вы были в самом его центре.

Адам выслушал это не перебивая.

– Адам, вам грозит какая-то опасность? – спросил Перегрин, когда молчание затянулось.

Лицо Адама было сурово, рот крепко сжат.

– Если и грозит, ей предстоит обрести какой-то облик.

– У вас есть враги, о которых вы знаете? – настаивал Перегрин.

– Да. А у кого нет? – буркнул Адам. Потом лицо его смягчилось. – Послушайте, я ни на секунду не сомневаюсь, что вы видели проявления какой-то надвигающейся угрозы. Но я давно взял за правило не тревожиться до тех пор, пока не будет ясно, чего именно я должен опасаться. Иными словами, – сухо добавил он, – довлеет днесь злоба его.

– Ладно, – тяжело вздохнул Перегрин. – По крайней мере я вас предупредил. – *И я сделаю все*, добавил он про себя, *чтобы помочь вам, если от этого будет какой-то толк...*

Глава 8

Двадцать седьмого, в субботу, после заката, с вершин трех холмов Элидона на узкие улочки пограничного городка Мелроуз сполз холодный сырой туман. В сумерках туман густел, превратив уличные огни в призрачные кляксы. Очень скоро туман стал таким плотным, что ничего не было видно на расстоянии больше нескольких ярдов. Знаменитые руины аббатства Мелроуз совершенно пропали из виду.

Вскоре после восьми белая патрульная машина с гербом областного полицейского управления Лотиана на передней дверце с шумом спустилась по булыжной мостовой извилистой Эбби-стрит и притормозила у въезда в аббатство. Офицер за рулем заглушил мотор, опустил стекло и прислушался, а его спутник вышел из машины и посветил фонариком в сырую мглу за воротами. Казалось, туман в луче света только сгустился, но тишина успокаивала. Удостоверившись, что все в порядке, офицер вернулся в теплый салон, и патруль продолжил свой путь.

Красные огни машины растворились в тумане. Когда утих шум мотора, из-под деревьев

сада возле школы Святой Марии выскочили пять фигур в черном. Бесшумно, как призраки, они перебежали улицу и нырнули в Клойстерз-роуд, узкий переулок, который огибал земли аббатства с севера. В переулке первый из них включил карманный фонарик и направился к железной калитке в монастырской стене.

Калитка была заперта, но один из группы быстро справился с ней с помощью хитроумной отмычки.

Маленький отряд быстро втянулся в калитку и, обогнув с восточной стороны руины монастырских построек, через лужайку, укутанную пеленой тумана, устремился к сводчатым развалинам монастырской церкви. Они проскользнули в церковь через вход, некогда служивший для парадных процессий. Трое из пятерых тащили на плечах рюкзаки с инструментами, четвертый нес два мощных аккумуляторных фонаря. Главарь держал в руках объемистый кожаный саквояж и длинный узкий футляр, напоминающий сумки фехтовальщиков.

Оказавшись в церкви, все пятеро уверенно прошли в маленькую часовню, пристроенную в углу между северным трансептом и пресвитерией. Один из людей в черном прошел в южный трансепт, выглянул за дверь в южной стене и вернулся дежурить в центральный неф, усыпанный каменными обломками. Двое других осветили неярким голубоватым светом фонарей дверь часовни, а четвертый достал веник и расчистил под узким восточным окном на полу прямоугольник. Когда он закончил работу, главарь вышел вперед, опустился на колени и, сняв перчатки, ощупал каменный пол. В луче фонаря на среднем пальце его правой руки на мгновение вспыхнул алым светом перстень-печатка.

В конце концов он нашел то, что искал. Поднявшись на ноги, он кивнул остальным, отошел на несколько шагов и, присев на камень у двери в часовню, принялся рыться в своем саквояже. Один из помощников подошел посветить ему фонарем, двое других достали из рюкзаков лопаты, ломы и кирки.

– Мне все равно кажется, мистер Геддз, что мы можем начинать, не дожидаясь времени, – прошептал тот, что светил фонарем, когда их вожак достал из саквояжа свинцовую чашу и кусок кожаного ремня.

Глухо стукнув о камень, вожак поставил чашу на пол возле ног и лишь сердито покосился на своего помощника. Затем он закатал левый рукав кожаной куртки, а потом и черной водолазки.

– Мог бы подумать, прежде чем называть настоящим именем, – ответил он тоже шепотом, но тоном, исключавшим всякие возражения. – Ты же знаешь, что кровь для ритуала нужна сейчас свежая. Давай! Не трать времени зря.

Он прислонился спиной к древней романской колонне, подал помощнику ремень и вытянул левую руку, поставив правой чашу себе на колени. Помощник без лишних слов перетянул ремнем руку вожака, порылся в кармане и достал оттуда несколько предметов, запаянных в пластиковые пакеты.

В первую очередь помощник распаковал стерильный тампон, от которого резко пахло спиртом. Вожак напряг руку, сжимая и разжимая кулак, чтобы помощнику проще было найти вену в приглушенном свете фонаря. Во втором пакете оказалось кольцо пластиковой трубки с зажимом примерно посередине и с муфтой для соединения со стерильной иглой, которая находилась в третьем пакете.

– Не шевелите рукой, – проговорил помощник, в последний раз помассировав вену и сдернув зубами с иглы защитный колпачок.

Вожак не пошевелился и даже не поморщился, когда игла вонзилась в его вену. Сняв на мгновение зажим, помощник дал крови подняться по трубке, потом закрепил трубку с иглой на повязке, провел по ней рукой, ища свободный конец, и опустил его в свинцовую чашу.

– Все готово, – прошептал он, снимая ремень. – Я могу оставить вас на пару минут, когда пущу кровь?

Вожак молча кивнул. Помощник снял с трубки зажим, проследил, чтобы кровь стекала в чашу ровной струйкой, потом встал и отошел на несколько шагов. Вожак, зажмурившись,

откинул голову назад и принялся тихонько бормотать что-то, прижимая свинцовую чашу к груди. Его помощник зябко передернул плечами и отвернулся, чтобы помочь остальным, которые выворачивали из пола камни и оттаскивали их к стене.

Когда он через несколько минут вернулся, чаша наполнилась уже больше чем наполовину. Опустившись на колени, помощник достал из кармана рулон пластыря, ножницы и пакетик со стерильным ватным тампоном. Он отмотал несколько сантиметров пластыря, отрезал его и, пока открывал пакетик с ватой, прилепил одним концом к тыльной стороне ладони на время. Слабый звук заставил жожака пошевелиться и открыть глаза, которые на мгновение, казалось, засветились голубоватым светом. Он едва не остановил руку помощника с зажимом, перехватывающим трубку.

Однако это быстро прошло. Одной рукой он взял чашу, зажав свободный конец трубки, чтобы не капать на себя кровью, и протянул левую руку помощнику, чтобы тот вынул иглу. Когда это было сделано, а ранка зажата тампоном и пластырем, он опустил рукав. Тем временем его помощник сложил трубку, иглу и вату в еще один пластиковый пакет, который убрал в кожаный саквояж. Из того же саквояжа он достал кропило из черного конского волоса, которое и протянул жожаку, взяв у него чашу.

– Вставайте, только осторожно, – предупредил он, однако помочь даже не попытался. – У вас может слегка кружиться голова.

Жожек выпрямился, чуть пошатнулся и оперся о колонну, но перевел дыхание и протянул руку к чаше.

– Давай ее сюда, – приказал он, щелкнув пальцами двоим помощникам, заканчивавшим возиться с камнями. Оба сразу же бросили работу и вышли на середину расчищенного участка пола вместе с тем, кто помогал жожаку.

Жожек стал в северном углу расчищенного участка и окунул конец кропила в чашу. Он поднял пучок черного конского волоса, и капли крови упали на пол.

– *Кровь жизни!* – истово прошептал он.

Он повернулся лицом к востоку и стал обходить часовню по кругу, окропляя пол кровью. Зловещим шепотом он зачитывал строки ритуального заклинания. Стоявшие вне круга с опаской следили за его действиями. Они низко кланялись каждый раз, когда он останавливался, чтобы сделать ритуальный жест и обрызгать кровью пол и каменные стены. Жожек обошел часовню и жестом замкнул круг. Чаша к этому времени опустела, и он убрал ее в саквояж, предварительно завернув в отрез дорогой черной ткани и пластиковый пакет.

– Земля запечатана, – объявил он своим людям. – Можете начинать.

Трое помощников взяли за инструменты и принялись копать. Во все стороны полетели комья земли и мелкие камни. За дверью, где продолжал сторожить четвертый налетчик, все оставалось тихо, как в могиле.

Прошло два часа. Работа не прекращалась. К середине третьего часа они выкопали глубокую прямоугольную яму размером примерно с гроб, глубиной фута в три. Вскоре после этого одна из лопат стукнула обо что-то твердое, отозвавшееся глухим металлическим лязгом.

– Похоже, вот оно, – пробормотал один.

Теперь они копали осторожнее. Еще через четверть часа на дне раскопа обозначился массивный прямоугольник из серебристого гранита. Жожек бросил на камень щепотку соли, смешанной с серой, и негромко произнес заклинание.

В тусклом свете фонарей по гранитной поверхности побежала паутина блестящих линий, слившихся в замысловатую спираль иероглифов. Жожек позволил себе сухую улыбку.

– Воистину это место упокоения, – произнес он. – Снимаем плиту.

Объединенными усилиями всех четверых плита со скрежетом подалась и отодвинулась в сторону, открыв взглядам простой каменный саркофаг. Два человека сняли его крышку, под которой оказалась мумифицированная фигура, обернутая истлевшей до состояния паутины тканью.

Дрожащими от возбуждения руками старший из землекопов обшарил пространство

вокруг этой фигуры. Осторожно приподняв труп, он пошарил и под головой, спиной и ногами, потом повернул к вожаку застывшее от разочарования лицо.

– Его здесь нет! – с горечью объявил он. – Черт подери, его здесь нет!

Вожак только отмахнулся.

– Небольшая головоломка, только и всего. Я подготовился к такому варианту.

Он дал знак людям вылезти из ямы. Когда у саркофага никого не осталось, он снова раскрыл саквояж и достал из него десяток длинных красных свечей и кусок угля. Свечи он раздал своим помощникам, которых расставил по сторонам окропленного кровью круга, а сам начертил углем на полу севернее ямы равносторонний треугольник острием к телу в саркофаге. В центре треугольника вожак поставил глиняную курильницу благовоний.

Покончив со всеми этими приготовлениями, он в последний раз полез в саквояж и достал оттуда аккуратно сложенный сверток из черного шелка, оказавшийся короткой накидкой с капюшоном. Он набросил накидку на плечи, поднял капюшон и аккуратно расправил складки. Слева от застежки на шее поблескивала вышитая серебром звериная морда, свирепо оскалившая клыки. И, наконец, из внутреннего кармана кожаной куртки на свет появилась последняя деталь ритуального костюма: серебряный медальон на массивной серебряной цепи.

Тем временем трое помощников тоже облачались в похожие накидки с оскаленными мордами, только красного цвета. Пока они приводили себя в должный вид, вожак зажег в курильнице свечи и благовония. Дым тяжело перекачивался через край курильницы и медленно расползлся по полу, опускаясь в открытый гроб. Когда гроб почти скрылся под густой пеленой, главарь расстегнул длинный брезентовый чехол. В неяром свете аккумуляторных фонарей тускло блеснули позолота и отделанная серебром рукоять великолепной шпаги с эфесом, изогнутым в стиле, излюбленном итальянскими оружейниками конца шестнадцатого века.

Главарь осторожно вынул шпагу из украшенных самоцветами ножен. Встав между своими помощниками, он повернулся лицом к могиле, касаясь носками основания начерченного треугольника, вытянул руку со шпагой вперед и начертил клинком в воздухе над могилой магический символ. Потом он опустил шпагу так, чтобы острие ее находилось точно над вершиной треугольника. Мгновение он молчал, собирая воедино разум, дух и плоть. Потом, собравшись, прошептал начало сильного, но опасного заклинания.

Тяжелые, как камень, непривычные для уха древние латинские фразы выстраивались в невидимых границах магического круга. И в ответ на них из воздуха и теней соткались темные силы. Трое послушников, стоявших у могилы, дрожали от с трудом сдерживаемых страха и возбуждения, а их главарь напрягал всю свою волю, чтобы обуздать им же разбуженные силы. Однако энергия помощников на время усилила его мощь, и в конце концов этой мощи хватило, чтобы вызвать другую душу.

Магический круг пульсировал от борьбы столкнувшихся внутри него энергий, но сковывающая сила заклания оказалась сильнее и удержала его. Главарь решительно произнес последние слова заклания и призвал свою жертву по имени. Долгое мгновение ничего не менялось, только потрескивала над могилой сгустившаяся энергия. Потом воздух над треугольником наполнился серебристым туманом, не похожим на дым, который продолжал еще клубиться в могиле.

Туман сгущался, медленно обретая форму. На мгновение там, где полагалось находиться лицу, вспыхнули два бледных светящихся пятна. Тряхнув головой, главарь переместил острие шпаги к краю ямы и произнес следующее слово заклинания.

Завертевшись воронкой, туман втянулся в могилу и смешался с дымом. Постепенно и туман, и дым начали рассеиваться, снова открывая взгляду тело в гробу. Однако эта зловещая пелена не просто таяла – она втягивалась в труп. И по мере того, как воздух очищался, тело начинало судорожно дергаться.

Густой туман, который окутал Мелроуз в тот субботний вечер, протянулся на север от Ферт-оф-Форта до реки Тэй. В файвширском городке Данфермлайн, однако, туману так и не удалось испортить настроение тем гуляющим, кто пришел на сейлидх – костюмированный праздник с танцами, организованный несколькими приходскими церквями в поддержку нового благотворительного центра. Несколько полосатых матерчатых шатров было разбито на лужайках меж оранжерей ботанического сада, примыкавшего к Данфермлайнскому аббатству. Павильоны, сверкавшие огнями бесчисленных китайских фонариков, наполнились звуками музыки и смеха.

Адам с Перегрином вошли в список гостей, приглашенных Дженет и Мэттью Фрейзерами. В предвкушении приятного вечера почти все вырядились в парадные одежды шотландских горцев. Адам, никогда не упускавший возможности напомнить о своем происхождении, нарядился в красный килт с тартаном клана Синклеров, *панаш*, кружевное жабо и жилет, некогда принадлежавший его отцу. Сапфировая брошь, которой были заколоты кружева, была подарена прабабке Адама самой королевой Викторией.

Он как раз здоровался с хозяйкой, неотразимой в синем бальном платье с шелковым шарфом расцветки клана Фрейзеров, заколотым на правом плече, и голубыми лентами, вплетенными в распущенные волосы. Перегрин отстал, ища взглядом среди собравшихся одно-единственное лицо.

– Боже праведный, Адам! Глядя на тебя, ни за что не скажешь, что романтики вымерли! – вскричала Дженет, выводя его за обе руки на свет, чтобы рассмотреть получше. – Ты вылитый персонаж из романа Роберта Льюиса Стивенсона.

Адам рассмеялся и наклонил свою темную голову, чтобы галантно поцеловать ее руку.

– В таком случае *ты* – вылитая героиня сэра Вальтера Скотта! – ответил он, отпустил одну из ее рук, чтобы приложить свою к сердцу.

Будь счастлива, краса, чей верный рыцарь
На поле бранной славы отличится,
Та леди, что не будет позабыта
Средь дам роскошных венценосной свиты!..

– У него вышло очень мило, верно, Мэттью? – с улыбкой повернулась она к стоявшему рядом мужу. – Это из “Возвращения Крестоносца”, да? Только тебе не стоит растрачивать свои запасы поэтических цитат на меня. Побереги их лучше для дамы твоей мечты.

Дама твоей мечты... Дженет опять оседлала любимого конька. Вечер обещал превратиться в очередную ее попытку устроить личную жизнь Адама. Здороваясь с гостями Фрейзеров, он успел увидеть Перегрин, пораженного любовным недугом. Как знать, он вполне может сегодня столкнуться с хорошенькой Джулией Барретт. Возможно, когда-нибудь так повезет и ему самому, хотя если он и дальше будет так же строг в своем выборе, этот день настанет очень и очень не скоро.

Веселые аккорды старой, доброй шотландской джиги вернули его из забытья – к нынешней собеседнице, также достаточно очаровательной, чтобы не обделить ее учтивостью. Улыбаясь, он протянул Дженет руку.

– Я слышу, музыка становится веселее, – заметил он. – Самое время показать другим пример, а также дать знать оркестру, что его старание не остается незамеченным. Если, конечно, Мэттью не против, я почел бы за честь пригласить тебя на следующий танец.

– Пригласить? Дженет? Почему бы и нет? – отозвался сэр Мэттью, глядя на жену и друга с наигранно ревнивым видом. – Увы, надо же кому-то и делом заниматься. Ступайте, развлекайтесь. Я догоню вас, вот только договорюсь с викарием, когда вручать призы.

Большая часть собравшихся была в павильоне, где танцующие пары уже завершали “Сбор Лозы”. Музыка стихла, стали слышны лишь слегка задыхающийся смех и аплодисменты танцоров. Когда людей на площадке поубавилось, коренастый, в зеленом

килте руководитель оркестра взял свой аккордеон на изготовку и придвинул к себе микрофон.

– Леди и джентльмены, благодарю вас. Следующим номером будет “Удалой белый сержант”.

Дженет потащила Адама к своему деверю и его жене; к ним быстро присоединилась сестра Дженет, леди Элоиза Маккендрик.

– Нам не хватает еще одного! – воскликнула Дженет. – Адам, куда делся твой славный мистер Ловэт?

Так вышло, что Адам был на дюйм или два выше большинства мужчин в помещении. Пользуясь этим, он оглядел павильон и засек худощавую фигуру в килте Хантинг-Фрейзеров, которая одиноко переминалась с ноги на ногу на границе танцевальной площадки.

– Перегрин! – окликнул он, махнув ему рукой. – Нам нужен еще один мужчина.

Смущенно улыбаясь, Перегрин подошел к ним. Дженет, хихикнув, схватила его за руку и поставила слева от себя.

– Боюсь, мы пока не можем оставить вас простым зрителем, – заявила Дженет, когда они выстроились в два ряда по трое, друг против друга.

Почти сразу оркестр грянул вступительные аккорды “Черного хоровода”, сопровождавшиеся поклонами и реверансами танцоров. Перегрин вообще был неплохим танцором, поэтому ему было нетрудно следить за Адамом и Дженет и не сбиваться с ритма, кружа сначала против часовой стрелки, потом обратно, прежде чем шестерки танцоров разбились на тройки. Дженет сделала несколько оборотов с Адамом, потом с Перегрином, потом повела их замысловатой восьмеркой. Они снова взялись за руки, встретились с противоположной тройкой и, смеясь, нырнули под их поднятыми руками навстречу следующей тройке.

Хороводы возникали и распадались, тройки танцоров двигались по кругу навстречу друг другу. Одна мелодия сменяла другую в оживленном попури. Перегрин начал получать от этого живейшее удовольствие. Он со смехом наклонил голову, чтобы нырнуть в очередную арку сцепленных рук, и, распрямившись, оказался лицом к лицу с Джулией Барретт.

От неожиданности он едва не застыл на месте. Это была вовсе не та полная скорби девушка, которую он видел на похоронах леди Лоры. Под чарующие звуки веселой мелодии скорбящая мадонна Боттичелли превратилась во Флору с картины “Весна”. Вместо горского наряда она была одета в прозрачное платье, покрытое узором из цветов и виноградных листьев, а ее рыжевато-золотистые волосы были распущены и перехвачены гирляндой зеленых шелковых лент, обрамлявших лицо. Он оступился; на мгновение их взгляды встретились, словно электрические импульсы.

Они выстроились в круг, и Перегрин взял ее за руку. Глаза ее были ослепительно синего цвета, что придавало девушке вид простодушного олененка. Он крепче сжал ее руку, пытаясь придумать, что бы такого сказать, но прежде чем нашел хоть слово, танец заставил его отпустить ее. Два ее партнера утащили ее дальше, и она мгновенно затерялась в толпе танцующих.

Они совершили еще четыре круга, прежде чем смена мелодии возвестила об окончании танца. Когда музыка стихла, Перегрин торопливо повернулся к Дженет.

– Ради Бога, извините меня, леди Фрейзер, – выпалил он. – Я только что встретил человека, с которым мне ужасно хочется поговорить.

Он устремился прочь прежде, чем она успела сказать ему хоть слово, и протискивался сквозь пары, пока не увидел стройную девичью фигуру с золотисто-рыжими волосами. Она стояла у входа, застегивая зеленую бархатную куртку, надетую поверх бального платья. Перегрин ускорил шаг, перехватив ее за мгновение до того, как она вышла в туман.

– Здравствуйте, – задыхаясь, выпалил он. – Надеюсь, вы еще не устали от танцев. Вечер только-только начинается.

Она легко улыбнулась и обратила на него взгляд своих синих глаз.

– О, я знаю. Просто до моего выступления осталось всего четверть часа, а в такую

сырую погоду моя арфа наверняка нуждается в настройке.

– Ваша арфа! – восхитился Перегрин. – Неужели вы профессиональный музыкант?

Она рассмеялась:

– Вряд ли. В лучшем случае любитель-энтузиаст. Обыкновенно я не выступаю перед публикой, – добавила она, – но я прихожанка церкви Святой Маргариты, что через дорогу, и когда викарий попросил меня принять участие в благотворительном концерте, я не могла отказаться.

– Подозреваю, что вы скромничаете, – искренне заявил Перегрин. – Если вы играете хотя бы вполтину так, как поете, это будет кульминацией вечера.

Она не без любопытства взглянула на него:

– Мы ведь с вами незнакомы. Я не ошибаюсь?

– Да, незнакомы, – виновато тряхнул головой Перегрин. – Простите. Мне с самого начала надо было представиться. Меня зовут Перегрин Ловэт.

– А меня – Джулия Барретт, – ответила она. – Если мы с вами незнакомы, где вы слышали, как я пою?

– Я... в церкви, – неловко пробормотал Перегрин, испугавшись вдруг, что его вмешательство пришлось некстати. – Я... я был вчера на похоронах леди Лоры Кинтул.

Он боялся, что лицо ее снова опечалится, но, к его облегчению, она только задумчиво кивнула:

– О, это все объясняет. – Она с легкой улыбкой протянула ему тонкую руку. – Я рада познакомиться с еще одним ее другом. Она была особенным человеком.

– Да, особенным, – промямлил Перегрин. Ее пальцы были теплыми, полными жизни. Мгновение оба молчали. Потом Перегрин решился.

– Может, вас ждет сегодня кто-то еще?

Тон, каким он задал вопрос, зажег в глазах Джулии озорные искорки.

– Ну, не сомневаюсь, моему дядюшке хотелось бы считать, что он самый любимый из всех родственников, – с улыбкой ответила она. – Пойдемте, я познакомлю вас, пока у меня есть время до выступления.

Их уход не остался незамеченным.

– Право же, Адам, – с мягкой укоризной заметила Дженет, – ты мог бы и предупредить меня, что твой застенчивый спутник, оказывается, уже положил глаз на племянницу Альберта Барретта.

Адам воспринял замечание со смирением.

– Прошу меня простить. Я просто не был уверен, что она сегодня будет.

Мэттью Фрейзер довольно улыбнулся жене.

– Ну как, досадно, что не можешь поупражняться в любимом занятии – устройстве чужих браков? Ничего, у тебя всегда есть под руками Адам, можешь попрактиковаться на нем.

– О, Мэттью, у меня нет в настоящий момент *никакого* желания хлопотать за Адама, – заявила Дженет, напустив на себя вид оскорбленной добродетели. – Разве что представить его какой-нибудь болтливой старой вдове с шеей, как у индюшки, – пусть выворачивается сам.

– Пошады! – вскричал Адам. – Как я могу замолить свой грех?

– Можешь начать с того, – ответила Дженет, – чтобы принести нам всем что-нибудь выпить.

Танцы и музыка продолжались. Примерно через час появились Перегрин под руку с Джулией. Мгновенно включившись во многообещающую интригу, Дженет немедленно пригласила Джулию и ее дядю за стол Фрейзеров на небольшом фуршете для гостей после танцев. Не без содействия Перегрина (развившего совершенно необычную для него активность) ей удалось уговорить Джулию принять приглашение. Оставшаяся часть вечера превратилась для Перегрина, пожалуй, в самые счастливые часы за довольно долгое время.

К двум часам ночи праздник начал постепенно стихать. Благотворительный центр

сделался на несколько тысяч фунтов богаче, и никто не смог бы пожаловаться на то, что его плохо развлекали и кормили. Перегрин проводил Джулию до машины дядюшки, остро сожалея, что не может отвезти ее домой сам. Он стоял и с тоской смотрел вслед красным огням машины Альберта Барретта, таявшим в тумане.

– Она сказала, что не возражает встретиться со мной еще, – признался он Адаму, когда Хэмфри открыл для них дверцу “бентли”. – Право же, совершенно замечательная девушка.

Погруженный в свои счастливые воспоминания, он даже не заметил в темных глазах Адама Синклера нечто похожее на зависть.

Хэмфри довез их до дома всего за полчаса. Блаженно уставший Перегрин пожелал хозяину доброй ночи и поднялся в свою комнату. Он быстро стянул одежду и нырнул в кровать, ожидая, что уснет, как только голова его коснется подушки. Но хотя тело его ждало отдыха, голова оставалась на удивление ясной.

Поначалу все мысли его были заняты Джулией Барретт и тем, что произошло в Данфермлайне. Но со временем его воспоминания приняли другой, менее приятный характер. Он вновь мысленно прошел по павильонам и оранжереям и увидел, что, хотя внутри царили свет, жизнь и веселье, окутанные туманом окрестности кишели темными фигурами, протянувшими свои длинные, цепкие пальцы...

На картину, стоявшую перед его мысленным взором, накатила волна тумана и закрыла ее как занавесом. Когда туман рассеялся, Перегрин уже не видел перед собой ботанический сад. Поросший травой церковный двор был усеян покосившимися могильными камнями, между которыми к пролому в высокой каменной стене неловко ковыляла призрачная, похожая на скелет фигура...

Перегрин вздрогнул, сел и потянулся к часам. К его удивлению, было уже десять минут седьмого. Он тряхнул головой, сообразив, что он, должно быть, все-таки уснул. Он совсем уже собрался спать дальше, когда услышал, как где-то далеко в доме настойчиво зазвонил телефон.

Когда Хэмфри постучал в дверь его спальни, Адам уже выскочил из кровати, завязывая пояс бордового халата. Одного взгляда на лицо слуги было достаточно, чтобы понять, что случилось что-то серьезное.

– Прошу прощения за то, что поднимаю вас так рано, сэр, – произнес Хэмфри. Он тоже был в халате, накинутом поверх полосатой пижамы. – Это инспектор Маклеод, звонит из Мелроуза.

– Мелроуза? – переспросил Адам, ощущая, как по спине бегут неприятные мурашки. – Я возьму трубку здесь, – сказал он, направляясь к телефону на столике в изголовье.

Хэмфри задержался в дверях.

– Мне подождать, сэр?

– Пожалуй, стоит. – Адам поднял трубку. – Я слушаю, Ноэль. Что случилось?

– Извините, что беспокою вас в такой неурочный час, Адам, – донесся сквозь шорох помех голос полицейского инспектора. – У нас тут в Мелроузе довольно странное происшествие. Не хочу по телефону вдаваться в детали, но полагаю, вы согласитесь, что это случай, который требует вашего особого внимания.

Требуется? Эти слова и тон, каким он их произнес, говорили сами за себя.

– Правда? – Адам старался сохранять спокойный тон. – В таком случае я немедленно приеду. Вы хотите, чтобы я подъехал к какому-то определенному месту?

Последовала недолгая пауза.

– Поезжайте к развалинам аббатства, – пророкотал голос в трубке. – Увидите полицейский пикет. Если в момент вашего приезда меня не будет там, мои люди помогут вам со мной связаться.

Маклеод явно принимал предосторожности на случай, что их разговор прослушивает кто-то, кому это не положено. Это тоже говорило о том, что дело не вписывается в рамки обычной полицейской практики.

– Хорошо, начну с аббатства, – ответил Адам. – Сейчас... четверть седьмого, да? –

продолжал он, бросив взгляд на стоявшие на каминной полке часы. – Дорога займет... часа два, не больше. Слава Богу, сегодня суббота, значит, движение на шоссе небольшое. Впрочем, постараюсь побыстрее.

– О большем и не прошу. – В голосе Маклеода явственно слышалось облегчение. – Спасибо, Адам.

– Не за что.

Маклеод повесил трубку. Прищурившись, как охотничий сокол, Адам повернулся к Хэмфри.

– Пожалуй, я возьму “ягуар”, – сказал он. – Мне хотелось бы выехать не позже, чем через полчаса. Судя по тону Маклеода, чем раньше я буду в Мелроузе, тем лучше.

Хэмфри кивнул.

– В таком случае вам лучше поднять верх, сэр. Сегодня дождливо. Мне проследить?

– Будьте так добры, – сказал Адам, направляясь в гардеробную. – И еще, если успеете, я не отказался бы от чая и тоста. Буду очень вам обязан, если вы подниметесь и разбудите мистера Ловэта. Объясните ему, в чем дело, и скажите, что я буду рад, если он поедет со мной – если хочет, конечно. Мне почему-то кажется, что он поехал бы и сам.

Глава 10

Не прошло и намеченных Адамом полчаса, как Перегрин уже сидел на пассажирском месте синего “ягуара”. Руки лорда Стратмурна в кожаных шоферских перчатках уверенно держали руль, направляя мощную машину в сторону Эдинбурга. Перегрин, который еще не пришел в себя после спешных сборов, опустил свой этюдник с колен на пол салона. Адам попросил захватить его с собой, но что-то в его голосе удержало Перегрин от расспросов.

Было уже почти семь, но из-за тумана и низко нависших облаков казалось, что час более ранний. От фар “ягуара” светлее не становилось, да и огни встречных машин растворялись в тумане. Как и предполагал Адам, утреннее шоссе оставалось почти пустым. Хотя он надеялся добраться до места быстрее, туман и мелкий дождь, то начинавшийся, то прекращавшийся, вынуждали его полностью сконцентрироваться на вождении. Тем не менее часть сознания Адама продолжала строить догадки, хотя то, что он узнал из звонка Ноэля Маклеода, не позволяло пока пользоваться только интуицией. И все время его не оставляло слабое, но настойчивое подозрение, что эта загадка приведет его и его друзей в самое сердце другой, куда более опасной, чем первая.

Все водительское мастерство Адама не помогло им прибыть на место, в Мелроуз, раньше девяти. Воскресное движение оставалось редким, тем более в такую погоду, но из-за ремонта дороги им пришлось сделать несколько объездов, что удлинит путь на много миль. Когда они миновали Галашилс, туман сменился холодным дождем со снегом, и Адаму пришлось включить противотуманные фары и дворники. Они въехали в Мелроуз по Уэверли-стрит, миновали помпезный фасад отеля “Уэверли” и свернули на Хай-стрит.

Справа от них остался полицейский участок – похоже, в это воскресное утро он был самым оживленным местом в городе, – затем свернули еще раз, налево, на ведущую к аббатству Букклейч-стрит. Адам ничуть не удивился, увидев на стоянке, расположенной прямо напротив ворот аббатства, две белые полицейские машины, микроавтобус и еще несколько машин, возможно, также принадлежащих полиции. Перед самими воротами красовался барьер, за которым дежурил угрюмый молодой констебль в желтом плаще с большой черной надписью “Полиция” на спине. Рядом с ним стоял мужчина в штатском.

Синий “ягуар”, заруливший на стоянку, не остался незамеченным. У барьера собралась небольшая толпа любопытных горожан под зонтиками, и их внимание немедленно переключилось на Адама, поставившего машину рядом с одной из полицейских. За барьером и черной железной оградой аббатства желтели пластиковые ленты, словно паутиной опутавшие вход в церковь. Между развалинами бродили незнакомые фигуры в блестящих под дождем макинтошах.

– Бурная деятельность, – заметил Перегрин, выглядывая через ветровое стекло – Как вы считаете, это убийство?

– Подозреваю, что вряд ли что-то настолько заурядное, – мрачно отозвался Адам, выключая зажигание. – Впрочем, наверняка не менее серьезное.

Вытащив из-под переднего сиденья твидовую кепку, он открыл дверь и выбрался из машины под дождь. Перегрин неохотно распахнул левую дверцу и поплотнее запахнул воротник своей замшевой куртки, хмуро вглядываясь в небо.

– И как это я не сообразил захватить шапку? – пробурчал он.

Адам сунул руки в карманы и кивнул в сторону машины.

– Там под передним сиденьем зонтик, – сказал он Перегрину. – И не забудьте блокнот.

Они заперли машину и, обходя лужи, направились ко входу в аббатство. По мере того как они удалялись от машины, зеваки проявляли к ним все меньше интереса. При их приближении молодой констебль встрепенулся и сделал движение, преграждая дорогу, но человек в штатском положил руку ему на плечо и шепнул что-то на ухо, и констебль замер.

– Проходите, сэр Адам, – произнес человек в штатском с мрачной улыбкой. – Я мог бы догадаться по машине, а вот надо же – едва узнал. Ваша кепка с толку сбила.

– Ну, в Мелроузе я редкий гость, – с улыбкой отвечал Адам, обмениваясь с ним рукопожатием. – Рад вас видеть, Хэмиш. Кстати, – добавил он, проходя следом за ним за барьер, – это мой помощник, мистер Ловэт. Перегрин, это сержант-детектив Хэмиш Керр, один из лучших людей инспектора Маклеода.

– Рад познакомиться, – сказал Керр, протянув руку Перегрину.

– Что, инспектор где-то здесь? – продолжал Адам, проходя мимо констебля.

– Не здесь, сэр. Он скоро полчаса как ушел в “Энглер” – это у них здесь гостиница такая. Послать за ним кого-нибудь из ребят?

Адам мотнул головой.

– Уверен, он хотел бы, чтобы я прежде осмотрел место. Вы мне расскажете вкратце, что здесь случилось?

Лицо детектива приобрело странное, осторожное выражение.

– Тут дело странное, сэр. Парни оцепили участок внутри развалин, прямо перед входом. Все к тому, что эти типы пробыли здесь больше часа. С позволения сказать, сэр, грязнее дела я еще не встречал.

Адам позволил себе слегка улыбнуться.

– Право же, Хэмиш, не верится, чтобы оно так потрясло даже вас – с вашим-то опытом!

– Тут... тут пахнет нечистью, сэр, – пробормотал Керр. – Видит Бог, не нравится мне все это.

– Мне тоже так показалось, – заверил его Адам, оглядываясь по сторонам. От него не укрылось напряжение, которое испытывал Перегрин. – Ладно, почему бы нам для начала не почитать официальный рапорт о происшествии, а потом мы с мистером Ловэтом осмотрим место. Мы ведь с вами, Хэмиш, уже работали над странными делами.

– Что верно, то верно, сэр, – вздохнул сержант, проводя их в будку сторожа за оградой. Сам сторож сидел за стойкой и объяснялся с констеблем в форме.

– После такого честный, богобоязненный народ призадумается, куда катится мир, – говорил он. – В жизни ничего подобного не видывал!

Констебль только пожал плечами. Сержант Керр обошел своего подчиненного и взял со стойки листок бумаги.

– Вот рапорт, сэр Адам, – сказал он, протягивая ему листок. – Если вас интересует мое мнение, какой-то псих насмотрелся ужасиков по видео. Ну кто бы мог подумать, что он займется осквернением могил в таком тихом месте?

Осквернением могил? Стараясь не обращать внимание на усиливающееся покалывание в шее у основания черепа, Адам пробежался взглядом по тексту, держа его так, чтобы Перегрин тоже мог читать через плечо. Рапорт был выдержан в обычной для полицейского документа сухой манере. Согласно ему, неизвестный или группа неизвестных под покровом

тумана проникли на территорию Мелроузского аббатства, либо перебравшись через южную ограду, отделяющую кладбище от переулка, либо через северные ворота со стороны главной дороги. Внутри они раскопали часть пола северо-восточной часовни, вскрыв каменный саркофаг двенадцатого века. Согласно рапорту, гроб был оставлен ими пустым и разбитым.

– Тело объявилось в баре “Энглера”, – сообщил им сержант – Оно здорово истлело за время, что пролежало в гробу, один, можно сказать, скелет остался. Мы все пытаемся понять, как это убудки, что его выкопали, ухитрились допереть туда тело, не развалив по косточке – Он помолчал, сокрушенно качая головой – Очень мне интересно, кто это горазд на такие шулки. И зачем.

– Да, конечно – Адам вернул рапорт. Лицо его оставалось бесстрастным – Большое спасибо, Хэмиш. А теперь посмотрим на саму могилу.

Сержант повел их через руины, вдоль центрального нефа и в сторону, к дверям оскверненной часовни, пристроенной к трансепту в его северо-восточной части. Когда они приблизились к запретной зоне, огороженной желтыми лентами, Адам вдруг ощутил пронизывающий, леденящий холод, не имевший никакого отношения к погоде.

Черная Защитная Пелена, тающая, но все же сильная! Именем всех богов всех времен, неужели у кого-то достало глупости оборвать магический ритуал, предварительно его не обезвредив?

Сунув руки в карманы, Адам сделал глубокий вдох и сделал невидимый охранительный жест. Потом как бы невзначай повернулся к Перегрину.

– Погодите минуту, Перегрин. Видите вон тот фриз? Да-да, этот, над боковым алтарем. Мне хотелось бы, чтобы вы сделали мне его набросок прежде, чем возьметесь за саму могилу.

Он постарался, чтобы просьба казалась, насколько возможно, естественной. Это сработало: Перегрин послушно повернулся и отправился выполнять ее. Благополучно заняв внимание художника чем-то другим – по крайней мере на время, – Адам проследовал за Керром в огороженную зону. Как он и заметил еще при приближении, пространство вблизи открытой могилы было буквально насыщено зловещей психической энергией.

Что ж, предосторожность оказалась нелишней. Силы, которые использовали осквернители могилы в своем замысле, уже рассеивались и все же ощущались настолько, что вполне могли повлиять на психику неподготовленного, но чувствительного к подобным вещам человека, например, Перегрина. К счастью, Керр либо был невосприимчив к ним, либо обладал крепкой природной защитой. Интересно, подумал Адам, какова была первая реакция Маклеода?

– С вашего позволения, сэр, я подожду здесь, – сказал Керр, приподнимая ленту так, чтобы Адам мог поднырнуть под нее. – Мне проводить сюда мистера Ловэта, когда он закончит?

– Да, спасибо, – откликнулся Адам. С этими словами он сунул правую руку глубже в карман и сжал в пальцах кусок железяка, размерами и формой напоминавший волчий клык. Осторожно приблизившись к колышущейся невидимой защитной пелене, оставленной грабителями, он как бы невзначай вынул руки из карманов, держа камень в ладони так, чтобы Керру он был не виден. Подойдя к могиле вплотную, он задержался и пробормотал заклинание, которое было древним уже в те времена, когда сгорела библиотека Птолемея.

Слова эти сообщили железяку энергию, сравнимую с силой притяжения магнита. Адам подождал, пока не почувствовал в ладони теплую вибрацию, потом взял камень по-другому. Держа как рукоять шпаги, он протянул его вперед до тех пор, пока камень не пронзил призрачную пелену перед собой.

Поле лопнуло как мыльный пузырь, только абсолютно беззвучно. Камень завибрировал сильнее и чуть нагрелся, впитывая энергию. Мгновение спустя все опасные следы исчезли. Не обращая внимания на удивленный взгляд Керра, Адам с мрачной улыбкой убрал камень в карман и подошел к могиле.

Его не удивило, что зияющая яма была забрызгана чем-то, что могло быть только

кровью. Расположение прогоревших свечей и начерченный на полу углем треугольник также наглядно свидетельствовали о характере проходившего здесь ритуала.

Все с тем же застывшим выражением на патрицианском лице Адам опустил на колени и заглянул в могилу. Он без труда поднял сдвинутую набок гранитную плиту и поставил ее на попа, прислонив к откосу. Каменный саркофаг, который она прикрывала, имел в плане трапецевидную форму, со скруглением в изголовье; длинная трещина делила его на две части. Внешне он ничем не отличался от сотен других виденных Адамом; многие он видел на этом же церковном кладбище. Единственное, в чем Адам был совершенно уверен, – в том, что обитатель этого саркофага сильно отличался от обычных людей.

В его мысли вторгся шорох шагов по гравию. Он обернулся и увидел Перегрину, поднырнувшего под ленту ограждения.

– Вот зарисовка того фриза, о котором вы говорили, – начал молодой художник, протягивая ему блокнот. – Я только не понял, зачем он вам. Он не слишком древний, так что я...

Он осекся и замолчал. Адам стремительно вскочил. Перегрин словно окаменел, потом пальцы его зашарили по карману в поисках карандаша, глаза под очками расширились. Через мгновение он выудил-таки свой карандаш, раскрыл блокнот и принялся лихорадочно рисовать.

Адам побродил немного вокруг него, потом осторожно заглянул ему через плечо. Из-под карандаша начала проступать сцена: несколько безликих еще фигур, собравшихся у вскрытой могилы.

Адам понял, что происходит, и отошел на несколько шагов. Чтобы не мешать Перегрину, он, пригнувшись, выбрался обратно за пределы ограждения и вышел в неф, где их ждал сержант Керр.

– Мне кажется, я увидел все, что хотел, – сообщил он подчиненному Маклеода. – Как только мистер Ловэт закончит свою работу, мы можем идти. Вы сказали, инспектора Маклеода можно найти сейчас в отеле “Энглер”?

– Так точно, сэр, – кивнул Керр. – Отсюда пять минут ходу. На вашем месте я бы оставил машину здесь. Ступайте прямо по Эбби-стрит, пока не дойдете до большой площади, “Энглер” – здоровая белая махина справа, аккуратно напротив Меркат-Кросс.

Краем глаза Адам увидел, что Перегрин убрал карандаш и прячет рисунок в блокнот.

– Большое спасибо за помощь, Хэмиш, – сказал он сержанту. – Мы с мистером Ловэтом найдем дорогу...

Найти отель “Энглер” оказалось несложно. Это было уютное процветающее заведение, на первом этаже которого имелись ресторан, кафе и ночной бар. Кинув взгляд на стоянку у входа, Адам узнал белый “рейнджровер” с полицейскими номерами, которым Маклеод обычно пользовался, когда ему нужно было выезжать по делу из Эдинбурга. Они нашли инспектора в гостиничном вестибюле, где он с одной стороны отбивался от делегации городского совета, а с другой – от пары местных журналистов, вооруженных записными книжками.

– Согласен, это возмутительное хулиганство, – мрачно говорил он, – но заверяю вас, мы приложим все усилия, чтобы подобных инцидентов не повторялось. Именно с этой целью я прибыл из Эдинбурга для помощи следствию.

Он бросил взгляд в сторону Адама и снова повернулся к собеседникам.

– Мы рассматриваем возможность того, что лица, совершившие этот акт вандализма, могут принадлежать к какой-либо... банде. Впрочем, это все, что я могу вам сказать в настоящий момент. Новые факты вы получите тогда, когда и если их получим мы.

Он решительно отмахнулся от дальнейших расспросов и, протиснувшись между репортерами, подошел к стоявшим у двери Адаму с Перегрином.

– Адам, рад вас видеть! – сказал Маклеод. – Надеюсь, мои умники не заставили вас ждать?

Адам мотнул головой:

– Ни минуты. Ноэль, позвольте познакомить вас с Перегрином Ловэтом, весьма многообещающим молодым художником. Надеюсь, вы не в обиде на меня за то, что я захватил его с собой?

– Подозреваю, у вас были на то веские основания. – Маклеод смерил Перегрин внимательным, оценивающим взглядом, после чего протянул ему руку. – Я вас помню, мистер Ловэт. Вы сидели на галерее для зрителей в суде неделю назад, когда слушалось дело Шербурна. Нам тогда так и не удалось пообедать вместе.

Перегрин был несколько удивлен.

– Совершенно верно, сэр. – Он осторожно покосился на Адама. – Я там делал кое-какие наброски для портретов.

– Надеюсь, то, что вы могли услышать в тот день в зале суда, не помешало вам в работе. Особенно если вы намерены помочь нам в этом деле.

Прежде чем Перегрин успел ответить на это зловещее замечание, в их разговор вмешался Адам.

– Мы уже были в аббатстве, – коротко сказал он. – Здесь есть какое-нибудь место, где мы могли бы поговорить без помех?

– Есть здесь один зал. – Маклеод кивнул в сторону одной из выходящих в вестибюль дверей. – В связи с событиями минувшей ночи вход туда запрещен всем смертным, пока я не скажу иначе.

Адам невольно улыбнулся.

– На мой взгляд, это вполне серьезная гарантия, – сказал он Маклеоду – Ведите.

Зал оказался просторным, прямоугольным, с красными портьерами и большим каменным камином в дальнем конце. В нескольких футах слева от порога какой-то незнакомый Адаму полицейский офицер дорисовывал мелом на ковре силуэт лежащего человека.

– Это место, где покойник решил прилечь, – объяснил Маклеод. Он исподлобья покосился на Адама и нахмурился еще сильнее – Я уже говорил вам, что нам недолго придется ждать чего-то такого, что будет непросто объяснить прессе. Я и так уже угробил чертовски много времени, убеждая местных в том, что весь этот инцидент не такой уж сверхъестественный, каким кажется на первый взгляд.

Адам подвинул стул и уселся, жестом предложив другим последовать его примеру.

– Так что все-таки произошло на самом деле? – спросил он.

– Вам это не понравится – Маклеод выбрал себе тумбу у бара и угнезвился на ней, облокотившись о стойку – Не больше, чем мне.

– Это заведение открыто до двух, – пояснил инспектор – Если верить бармену, примерно за полчаса до закрытия они с клиентами слышали, как в дверь кто-то скребется. Один из припозднившихся завсегдатаев встал и подошел к двери, чтобы открыть. На пороге стоял покойник. Он сделал несколько шагов вперед и упал в обозначенном месте.

Он замолчал и поиграл желваками на скулах.

– Надо ли говорить, что свидетели из числа посетителей бара были несколько огорчены этим инцидентом. Бармен вызвал менеджера, а она – полицию. К счастью, об этом почти сразу же стало известно одному из моих людей, и он позвонил ко мне домой. Дело было около трех. Тогда они еще не знали, откуда взялось тело.

– И вы решили лично выяснить обстоятельства, – сказал Адам.

Маклеод кивнул.

– Я забил тревогу, еще когда слушал первый доклад моего сотрудника. Ну, вам же знакомо это чувство. В общем, когда я сюда добрался, один из местных констеблей уже распорядился, чтобы кадавра отвезли в морг при центральной областной больнице, а остальные ночные патрули начали осмотр местных кладбищ. Посмотреть в аббатстве догадались не сразу, так как там уже много лет никого не хоронят. Но как только рассвело, им не составило большого труда обнаружить раскоп в часовне, откуда тело начало свое путешествие.

Он замолчал, переводя дух. Перегрин не в силах был больше сдерживаться.

– Но не хотите же вы сказать, что этот труп и на самом деле пришел сюда сам? – заметил он.

Маклеод одарил его хмурым взглядом исподлобья.

– Спорим на последний пенни, что не хотим. По официальной версии все это – дело рук зlostных хулиганов, которые только устроили все именно таким образом – Он пожал плечами. – Если это все время повторять, то в такую версию могут даже поверить, особенно если наши оппоненты – это горстка забулдыг-полуночников, которым под винными парами еще и не то могло привидеться.

– Да, разгуливающий труп явно не в местных традициях, – согласился Адам. – Даже при том, что по меньшей мере двое из находящихся в этой комнате знают, что это могло быть и правдой.

Перегрин поперхнулся. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

– Это дело далеко еще не кончено, – как ни в чем не бывало продолжил Адам. – Мне кажется, нам стоит посмотреть на тело, и чем быстрее, тем лучше.

Маклеод согласно кивнул и встал, задев за ножки барной тумбы.

– Правда ваша. Возьмем мою машину – так официальнее.

Глава 11

Спустя двадцать минут патологоанатом центральной больницы пригласил инспектора Маклеода и его спутников в ледяное царство больничного морга. Перегрин, сжимавший в руках свой блокнот, держался поближе к Адаму. Он все еще не осмеливался смотреть на свои последние наброски, настолько они выводили его из равновесия, так что Адам, бегло просмотрев их, неохотно позволил ему закрыть блокнот. От царивших в морге запахов Перегрин слегка мутило, особенно когда он думал о новом обороте дела.

– Инспектор Маклеод желает осмотреть тело, доставленное сегодня утром из “Энглера”, – сообщил их провожатый дежурному. – С ним его помощники, сэр Адам Синклер и мистер Ловэт.

Дежурный приподнял бровь, но промолчал и ткнул пальцем в сторону одного из залов для вскрытия, открывавшихся в помещение хранилища.

– Он там, док, – сказал он, включив свет. – Я, конечно, не знаю истории его болезни, но сказал бы, что он мертв уже довольно давно.

Резкий свет операционного плафона высветил накрытое простыней тело на столе из нержавеющей стали. Дежурный вошел вместе с ними и протянул руку, чтобы отдернуть простыню, однако Маклеод тронул его за плечо и покачал головой.

– С вашего позволения, нам хотелось бы самостоятельно осмотреть тело. Не беспокойтесь, сэр Адам – врач. Все в порядке.

Патологоанатом и дежурный переглянулись и пожали плечами. Стоило им выйти, как Адам подошел к столу и осторожно откинул покрывало. Маклеод не выказал никакого удивления – он уже видел труп в гостинице, – но Адам тихонько присвистнул сквозь зубы. Перегрин бросил взгляд на стол и поспешно отвернулся.

Истлевшие клочки савана и черной монашеской рясы бесформенным узором покрывали тело – даже не тело, а скорее скелет, обтянутый тонкой сморщенной кожей. Кое-где кости прорвали кожный покров и торчали наружу. Ростом покойник был примерно с Перегрин, но крупнее, если исходить из того, что при жизни он был мускулист. Сцепленные, похожие на птичьи, пальцы покоились на ребристой, как стиральная доска, грудной клетке. Пустые глазницы зияли черными дырами над безгубой, полной желтых зубов ухмылкой.

Несколько минут Адам молча, сосредоточенно изучал тело – неподвижно, стараясь увидеть признаки, не видимые обычным глазом. Когда он наконец заговорил, голос его звучал совсем тихо и горько.

– Плохо уже то, что совершившие это преступление обладали достаточной силой,

чтобы призвать душу мертвого человека к месту его последнего упокоения, – произнес он почти шепотом. – Но неизмеримо хуже то, что они сумели заставить эту душу вернуться в несчастную груду костей.

Переполюнявившая его ненависть наполнила помещение грозовой тучей, хотя он ни разу не повысил голос. Маклеод сохранял бесстрастный вид, но Перегрин, не осмеливавшегося сказать ни слова, пробрала дрожь.

– Это самое зловещее из всех деяний, с которыми мне доводилось иметь дело за последние годы, – продолжал Адам тем же ледяным тоном. – Более того, это дело рук очень опасных неофитов. Только тот, кто по высокомерию не боится достичь предела своих возможностей, мог решиться на этот ритуал призывания духа – особенно учитывая, кого он пытался подчинить своей воле.

Перегрин наконец набрался храбрости бросить на мумифицированное тело более внимательный взгляд, хотя дрожь не унималась, словно его спины касались ледяные пальцы.

– Кто... – выдал он из себя шепот, – кто это тогда?

Адам не ответил. Лицо его оставалось сосредоточенным и замкнутым, словно он проигрывал в уме возможные решения сложной задачи. Губы Маклеода кривились в улыбке, начисто лишенной веселья.

– Надо было лучше учиться в школе, парень. Мелроузское аббатство славится как место погребения чародея Майкла Скотта.

Перегрин зажмурился.

– Майкла Скотта?

Подобное невежество возмутило даже Адама.

– Вот именно. Самого знаменитого мага Шотландии, – объяснил он Перегрину. – Это был человек многих талантов: философ, алхимик, врач, демонолог – не говоря уже о том, что он одно время служил придворным астрологом императора Священной Римской империи Фридриха Второго. Уже благодаря одному образованию его можно считать едва ли не самым ярким адептом двенадцатого века.

– Двенадцатого века! – Перегрин не верил своим ушам. – Но ведь это было семь... нет, восемь веков назад! От него не могло остаться ничего, кроме горстки праха!

– Не обязательно. – Адам снова перевел взгляд своих темных глаз на предмет спора. – Не говоря уже о том, что местные условия захоронения порой приводят к необычайной сохранности и даже к мумифицированию тел, вы могли бы и вспомнить из истории христианства, что тела святых и столпов церкви часто сопротивлялись разложению. Собственно, этот факт давно уже признан как посмертное проявление духовного потенциала личности. Скотт был чародеем, обладавшим чрезвычайно высоким духовным потенциалом, – это вполне может объяснить такую сохранность его останков.

Пока Перегрин переваривал эту неожиданную информацию, взгляд Адама сделался рассеянным и переместился куда-то вправо.

– Более всего остального вот что меня беспокоит, – негромко продолжал он. – Все, что мне известно, говорит о том, что Майкл Скотт был не из тех людей, которыми можно... Кем бы ни был тот, кто призвал его, ему пришлось одолеть нешуточное сопротивление. Вот я и пытаюсь понять, как им это вообще удалось!

– Должно быть, им понадобилось какое-то устройство, фокусирующее энергию, – пробормотал Маклеод. – Камень или что-то в этом роде – возможно, предмет, принадлежавший самому Скотту.

Адам задумчиво кивнул:

– Фокусирующий энергию? Да, пожалуй. Это многое объясняет. Не помню, правда, чтобы у кого-нибудь оставалось что-то из принадлежавшего Скотту, но... Иисусе Христе – вот оно что! Шпага Хепбернов! Вот зачем они украли шпагу Хепбернов!

Он встретился взглядом с Маклеодом.

– Черт подери, – только и сказал инспектор. Некоторое время все молчали. Перегрин первым подал голос:

– Шпага Хепбернов? Не та ли, о которой вы читали в газете на прошлой неделе?

– Та самая.

– Но она... Ее же изготовили в шестнадцатом веке, – неуверенно покосился он на Адама. – А вы сами только что сказали, что Скотт жил в двенадцатом.

– Сказал, – согласился Адам. – Но мне кажется, вы не до конца поняли, что я говорил насчет инструмента для фокусировки энергии. Совершенно не обязательно, чтобы предмет, имеющий какое-то отношение к Скотту, находился прежде в его собственности. Вспомните личность владельца шпаги Хепбернов.

– Граф Босуэлл? – спросил Перегрин. Адам кивнул.

– Вот именно. При жизни Фрэнсис Хепберн – граф Босуэлл – был известен как адепт черной магии. Люди верили, что он регулярно общается с мертвыми. Он был одним из самых видных чародеев своего времени. В конце концов государство и церковь совместными усилиями набрали достаточно доказательств его деятельности, чтобы обосновать арест. В самый последний момент он успел бежать во Францию, бросив все свое имущество – включая шпагу.

Он вдруг встрепенулся и повернул голову к художнику.

– Перегрин, я только что понял одну вещь. Позвольте мне лучше посмотреть на те наброски, что вы сделали в аббатстве.

Перегрин удивленно протянул ему блокнот, неугодно поежившись, когда Адам раскрыл его. Первый же рисунок – Адам уже видел его мельком в часовне, но теперь он стал значительно проработаннее – изображал группу мужчин в коротких накидках с капюшонами, стоящих у открытой могилы. Предводитель стоял с одной стороны ямы – там, где на полу был начертан треугольник. На шее его висел медальон, на правой руке красовался перстень. Этой же рукой он держал узкую шпагу, острие которой было нацелено на могилу.

Адам пригляделся к шпаге, потом полистал блокнот, всматриваясь в следующие зарисовки – более детальные изображения той же сцены. Среди них обнаружился довольно подробный рисунок самой шпаги, элегантного клинка с изогнутым эфесом, богато украшенным во флорентийском стиле. Насколько было известно Адаму, Перегрин никогда не видел ни самой шпаги Хепбернов, ни ее изображений; тем не менее изображение было совершенно точным. На всякий случай Адам протянул рисунок Маклеоду.

– Что скажете, Ноэль? Не это ли оружие пропало из музея?

Маклеод кивнул.

– Оно самое. – Он перевел взгляд на Перегрин. – Лихо работаешь, парень. Я начинаю понимать, зачем Адам взял тебя с собой.

Под пристальным взглядом инспектора художник слегка покраснел.

– Там была еще одна деталь, – сказал он. – Если я не ошибся со шпагой, там был еще символ. Голова какого-то зверя или что-то в этом роде – на медальоне и на перстне. Я пытался разглядеть получше, но у меня ничего не получилось. Мне очень жаль.

– Вам не за что извиняться, – возразил Адам, еще раз посмотрев на рисунки. – То, что вы не смогли разглядеть его, возможно, зависело вовсе не от вас. Они поставили вокруг всей зоны раскопок мощную защиту. Однако использованная ими шпага, вне всякого сомнения, принадлежала Фрэнсису Хепберну. А это убедительно подтверждает нашу теорию.

– Верно, надо отдать должное их чертовской изобретательности, – заметил Маклеод, свирепо глядя на рисунки. – Что лучше поможет управлять одним мертвым магом, как не шпага другого мертвого мага?

Адам кивнул.

– Вы в точности прочитали мои мысли. Почти любой предмет, имевший отношение к магу, набирается от него определенной энергии – во всяком случае, шпага Фрэнсиса Хепберна не могла не превратиться в весьма грозное оружие. Те, кто похитил эту шпагу, должно быть, делали ставку именно на эту энергию.

– Но зачем? – спросил Перегрин, борясь с дрожью. – Как вы считаете, что им было нужно?

– Скотт посвятил свою жизнь поискам всех зловещих средств и заклинаний, существовавших в его время, – ответил Адам. – У меня нет доказательств этого, но мне кажется, грабители охотились за книгой заклинаний Скотта. По ряду легенд, она была похоронена вместе с ним. Правда, некоторые легенды утверждают, что он похоронен не в Мелроузе, а в аббатстве Гленлюс, – добавил он, – из чего следует, что полностью доверять легендам нельзя.

Маклеод кивнул.

– В большинстве случаев это верно. В то же время я склонен считать, что им была нужна именно книга заклинаний. Вопрос только в том, получили ли они ее?

– Не думаю, – сказал Адам. – Если она была захоронена вместе с ним, этим типам не нужно было бы призывать его дух. Они бы просто забрали книгу и скрылись. Я предполагаю, что они, не обнаружив книги в гробу, использовали шпату для того, чтобы призвать дух Скотта обратно в его тело в надежде, что заставят его открыть им местонахождение книги.

– Мне кажется, – продолжил Адам, сурово прищурившись, – что ему пришлось выдать тайну. Те, кто его допрашивал, в спешке удалились – им слишком не терпелось добраться до цели, и они даже не позаботились о том, чтобы замести следы.

– Что и объясняет ходячий труп Скотта, – договорил за него Маклеод, сокрушенно покачав головой. – Неужели они не понимали, что может случиться такое?

– Не думаю, чтобы это их волновало, – заметил Адам. В глазах его появился недобрый стальной блеск, – Это преступное небрежение дорого им обойдется, если вас интересует мое мнение.

– Ч-что вы собираетесь делать? – прошептал Перегрин.

– Ну, в первую очередь мы должны доделать то, о чем не позаботились они, – освободить душу Скотта.

Маклеод испустил носом звук, явно маскирующий энергичное выражение.

– Боже праведный, Адам, – выдавил он из себя. – Уж не хотите ли вы сказать, что душа Скотта до сих пор привязана к *этому* ? – Он ткнул пальцем в иссушенный труп на столе. – Даже сейчас, когда мы стоим вот здесь?

Адам сунул руки в карманы брюк и мрачно кивнул.

– Должен признаться, я ехал сюда, не подготовившись к чему-либо в этом роде. Нам придется импровизировать в надежде на то, что удастся уничтожить следы совершенного чародейства. И если нам повезет, Скотт, возможно, расскажет, кто его призвал и куда они направились отсюда. Если нет...

Он не договорил, обдумывая стоящую перед ним задачу. Глаза Перегрина за стеклами очков расширились от страха, но Адам не думал, чтобы тот дрогнул. Маклеод, по обыкновению, выглядел невозмутимым и надежным как скала. Подумав еще немного, Адам расправил плечи и выпрямился во весь рост. У него окончательно сложился план действий.

– Ладно, – сказал он своим спутникам. – Посмотрим, какого рода связь мне удастся установить со Скоттом. Перегрин, я хочу, чтобы вы стояли наготове со своим блокнотом. У вас уже достаточно опыта, чтобы понять, когда включается ваше особое видение. Рисуйте все четкие образы, которые появятся у вас в голове, – как можно детальнее. Вполне возможно, это будет жизненно важно.

Перегрин нервно кивнул. Адам повернулся к Маклеоду.

– Ноэль, возможно, позже мне понадобится ваша помощь, но пока я буду весьма вам благодарен, если вы просто посторожите дверь. Дело предстоит достаточно серьезное, нельзя допустить, чтобы нам помешали.

Инспектор кивнул:

– Правда ваша, Адам. Обещаю вам, что ни одна душа не войдет в эту комнату, если только не протаранит дверь бульдозером.

Адам коротко улыбнулся в ответ на это заверение, подождал, пока двое помощников не займут свои места, и только тогда достал из кармана брюк свой перстень с сапфиром. Несколько мгновений он бесцельно вертел его в руках, потом надел на средний палец правой

руки. Касаясь большим и указательным пальцами той же руки края стола, обшитого нержавеющей сталью, он обошел тело по часовой стрелке, начиная с головы, а затем возложил на блестящую металлическую поверхность обе руки, как на алтарь.

С минуту он стоял так, не шевелясь, закрыв глаза и откинув голову назад, потом задержал дыхание и заставил свой разум скользнуть за пределы окружающей реальности. Из островка безмолвия в центре собственного “я” вознес он слова короткой молитвы-заклинания.

– О Звезда Морей, Могуущественнейший Разум, стань светом передо мной и позади меня, – прошептал он. – Стань маяком во мгле, путеводной звездой, что защитит меня...

Поначалу он не ощущал ничего, кроме шума далекого прибоя – собственного сердцебиения. Потом тишину разом разрезало дыхание ветра, коснувшееся его лица ободряющим поцелуем. И стоило ему назвать себя, как забрезжил рассвет.

Сначала это было всего лишь неяркое свечение. По мере того как оно усиливалось, он обнаружил, что стоит в центре пустого помещения с голыми каменными стенами. Прямо перед ним в стене была массивная, окованная железом дверь, напоминающая тюремную. На вбитом слева от двери железном крюке висел тяжелый, покрытый ржавчиной ключ.

Воздух в помещении был напитан злобой. Адам ощущал ее нервными окончаниями – это напоминало потрескивание ионизированного воздуха в грозу. Источник злобы находился по ту сторону тюремной двери. У Адама не возникало сомнений в том, что источник этот некогда откликнулся на имя Майкл Скотт.

Долгую минуту Адам изучал обстановку: пытался оценить кроющуюся за визуальным образом психическую основу. Логика символа диктовала ему единственно возможные действия: взять ключ, отпереть дверь и освободить заключенный за ней дух Скотта. Это казалось подозрительно простым, но и альтернативы этому он не видел. В конце концов, прекрасно понимая, что идет на риск, он взял себя в руки и потянулся к ключу. Тот снялся с крюка без малейшего сопротивления.

Адам мысленно облегченно вздохнул и пристальнее присмотрелся к ключу. Он был тяжелый, из-под ржавчины проглядывала замысловатая гравировка, но точная его форма почему-то ускользала от взгляда. Стараясь не обращать внимания на тревожное покалывание в затылке, он вставил ключ в скважину и с усилием повернул по часовой стрелке.

Замок щелкнул, и дверь распахнулась. В то же самое мгновение Адама охватило пламя.

Огонь окружал его со всех сторон. Он попытался вырваться из него и обнаружил, что привязан к высокому столбу. Высоко над головой уперлись в небо две башни готического собора, окутанные клубами жирного дыма. Площадь перед ним была заполнена толпой зевак, осыпавших его проклятиями на каком-то древнем наречии.

Невыносимый жар пронизывал его ноги, обугливая плоть. За какие-то несколько секунд вся нижняя половина его тела скрылась в огне. Рев пламени заглушил крик, готовый вырваться из его горла. Спасения не было... не было...

НЕТ!

В самый разгар муки он заставил себя мыслить внятно. *Это не Париж!* – кричала современная часть его рассудка. – *Париж был тогда. Это – теперь!*

НУ ЖЕ!

Ты не Жоффруа де Сен-Клер! Ты – Адам! Сэр Адам Синклер – лорд Стратмурна – барон Темпльмора – Повелитель Охоты!

Цепляясь как за соломинку за эти слова – ниточку, связывающую его с его нынешним “я”, – он словно молитву повторял свои имя и титулы: пусть прошлое останется в прошлом. Языки пламени дрогнули под напором его убежденности, в это краткое мгновение передышки он собрался и призвал спасительные силы, что были дарованы ему Светом. Новая энергия забурилась в нем весенним ручьем. Узы, связывавшие его, порвались и рассыпались в прах; огонь, злобно шипя, погас. Подобно фениксу с фамильного герба Синклеров, его освобожденный дух взмыл из золы прежних воплощений. Когда обычные чувства вернулись к нему, он снова стоял в смотровой морга центральной больницы Бордерз.

Перегрин смотрел на него с нескрываемой тревогой. Стоило Адаму открыть глаза, как он бросился к нему.

– С вами все в порядке? – спросил он.

Адам осторожно кивнул – голова его слегка кружилась. Из-за плеча Перегрина вынырнуло лицо Маклеода.

– Черт возьми, что случилось? Вы кричали. Я уж испугался, как бы кто из официантов не прибежал на шум.

Адам сделал глубокий вдох, приходя в себя.

– Какое-то мгновение мне казалось, что прошлое повторяется снова, – хрипло ответил он.

– Вы имеете в виду ваше прошлое, – констатировал Маклеод. – Что это было, какая-то ловушка?

– Не совсем, – нахмурился Адам, вспоминая, – не столько ловушка, сколько... скажем так, побочный эффект заклинания, которое наши надменные приятели использовали, чтобы обуздать Скотта.

Маклеод продолжал вопросительно смотреть на него, так что ему пришлось объяснить подробнее.

– Попробуем по-другому, – вздохнул он. – Скажем так: заклинание нацелено на то, чтобы... активировать резонансы прошлого. Всякий, попадающий в это поле, рискует пережить эпизод из собственной истории.

– Значит, вы считаете, они ожидали какого-то вмешательства? – спросил Маклеод.

Адам задумчиво покачал головой.

– На этом уровне – нет. Я сомневаюсь в том, что они вообще ожидали, что следствие пойдет по правильному пути. Если бы они думали об этом, им бы не составило особого труда привести все у могилы в порядок – на это ушло бы гораздо меньше времени, чем на расстановку ловушек. Я сомневаюсь даже, что они сделали это намеренно. Это просто осталось от их действий по возвращении Скотта. Зато это хорошо характеризует их действия как плохо предсказуемые и опасные. Нам лучше быть теперь начеку.

Перегрин кивнул – в его лице страх мешался с неуверенностью. Маклеод согласно буркнул что-то под нос.

– А что тогда делать со Скоттом?

– Я уничтожил только часть заклития, – ответил Адам. – Нам предстоит завершить его физическое снятие. Правда, эта часть должна быть не такой сложной, как первая. И кстати, если это у меня выйдет, мне хотелось бы узнать, что он им сказал.

Маклеод с уважением посмотрел на него, потом успокоенно вздохнул.

– Ну раз так, я снова возьму на себя дверь.

Он вернулся на свой пост. Перегрин все тем же перепуганным взглядом следил за тем, как Адам, глубоко вздохнув, проделывает серию ритуальных пассов, завершившихся начертанием пентаграммы и креста в воздухе над телом. После этого он начертил пальцем на лбу Скотта еще один знак, а потом коснулся висков Скотта большим и безымянным пальцами правой руки, зажмурился и произнес еще одно, последнее заклинание так тихо, что Перегрин не смог расслышать.

Тело на столе дрогнуло. Безгубый рот приоткрылся, показав желтые зубы. Дрожь превратилась в конвульсии, несколько секунд сотрясавшие тело. Потом они стихли, только кончики пальцев продолжали подрагивать.

Пару секунд Адам не шевелился, потом открыл глаза. Он убрал руку со лба Скотта и повернулся к Маклеоду.

– Прошу прощения, но мне нужна ваша помощь, Ноэль, – мягко произнес он. – Скотт не против – даже хочет – общаться с нами, но тело его слишком разложилось для этого. Не согласитесь ли вы стать на время его голосом?

Маклеод поморщился и вздохнул.

– Я боялся чего-то в этом роде, – буркнул он, жестом подзывая Перегриня занять его

место. Он наклонился, проверяя замок, и подошел к Адаму. – Хорошо еще, настоятель сейчас меня не видит, а то бы он добился моего отлучения от церкви.

Подойдя к столу, ставшему на время их алтарем, он тоже сделал рукой ритуальный знак, что вызвало на лице отозвавшегося ему таким же жестом Адама легкую улыбку.

– Забудем о настоятеле, – легко ответил тот. – Скажите лучше, как на это посмотрит ваше полицейское начальство?

– Ну, эти-то просто дуба дадут! Ладно, начнем.

Обойдя стол, он остановился лицом к Адаму так, чтобы тело находилось как раз между ними. Маклеод снял очки и сунул их в нагрудный карман пиджака, потом положил руки на стол так же, как это сделал Адам, и зажмурился. Дыхание его почти сразу же замедлилось, что Перегрин научился уже распознавать как начальную стадию транса. Лицо Адама тоже расслабилось, приняв отрешенное выражение.

В комнате воцарилось молчание. После долгой паузы Адам протянул руку и коснулся Маклеода между глаз, потом вернул руки на стол и пристально посмотрел на лежащий между ними труп.

– Дверь открыта для тебя, – произнес он. – Взойди без опаски.

Последовала короткая пауза, потом по массивной фигуре Маклеода пробежала дрожь. Он сделал глубокий вдох и открыл глаза. Стоявший у двери Перегрин едва не поперхнулся, ибо живой разум, засветившийся в голубых глазах, явно не принадлежал полицейскому инспектору.

– Говори, брат, – мягко настаивал голос Адама. Маклеод открыл рот. Мгновение он не издавал ни звука, потом послышался незнакомый, взволнованный голос.

– Что это за место? – спросило существо, которое управляло теперь телом Маклеода. – Где я, в каком пространстве и времени?

– Ты в Мелроузе, – ответил Адам, голос которого оставался спокойным и ровным. – Но восемь столетий миновало с тех пор, как ты упокоился.

– А сколько прошло со времени, как меня призвали обратно?

– Точно не известно, – сказал Адам. – По меньшей мере двенадцать или четырнадцать часов, возможно, даже восемнадцать.

– Восемнадцать часов! – В голубых глазах мелькнуло нечто похожее на страх. Потом взгляд скользнул в сторону, уставившись куда-то между Адамом и Перегрином, словно он пытался разглядеть что-то вдалеке.

– Нить... Серебряная нить рвется! – прошептал голос Майкла Скотта. – Сердце останавливается...

– Сердце! – Лицо Адама застыло, и в голосе его зазвучала нескрываемая тревога. – Значит, у тебя есть воплощение в наши дни?

– Да! – То, что олицетворяло теперь Майкла Скотта, заставило тело инспектора содрогнуться, а в голосе зазвучало отчаяние. – Это ребенок... еще дитя. И смерть опасно близка!

От этой новости по спине Перегрин пробежал неприятный холодок. В глазах его вдруг потемнело, и он представил себе девочку-подростка, лежавшую без движения на больничной койке в глубокой коме. Лицо ее было белым как мел, в веснушках...

– Время уходит, – прошептал голос Майкла Скотта. – Я должен скорее вернуться, иначе пропущу оборот Колеса. – Голос дрогнул в отчаянной мольбе. – Ради всего святого, если ты и впрямь брат, как говоришь, молю: освободи меня! Освободи, пока у меня еще есть живое тело, куда я могу вернуться!

– Так и будет, – заверил его Адам. – Но прежде прошу тебя: ответь нам – если это известно тебе, – кто тебя призвал и зачем?

– Злодеи с Темной Дороги... – Голос Скотта зазвучал рассеянно. – Им нужна была моя книга, мое золото – философское золото, тайна которого откроет все другие тайны! Они связали меня чарами, заставив открыть им место, где спрятано сокровище.

Голос Скотта прервался глухим всхлипом, и Маклеод зажмурился, словно от острой

боли.

– Книга и золото охраняются, – торопливо продолжал Скотт, – но злодеи могут одолеть защиту, ибо велики силы, ими присвоенные. – Взгляд его снова обратился к Адаму. – Обещай мне, чтопустишься в погоню за ними, и я отдам тебе то, что они отняли у меня силой!

– Клянусь! – произнес Адам. – Дарованной мне властью как Повелителю Охоты клянусь тебе, я сделаю все, что в моих силах, дабы восстановить справедливость.

Скотт угрюмо кивнул, принимая клятву, потом перевел взгляд на Перегрину. Пылающий взор обжег молодого художника, но он не в силах был отвести от него своих глаз. Обжигающий жар пробудил у него в голове рой видений, и он поспешно взялся за карандаш. Забыв обо всем, даже о необычном окружении, он принялся лихорадочно наносить на бумагу все, что вставало перед его мысленным взором.

Замок на невысоком утесе... пена прибоя... полукруглый галечный пляж... прикрытый камнем вход в пещеру...

Карандаш Перегрину торопливо порхал по бумаге, заполнив несколько блокнотных листов. Когда Скотт наконец освободил его, рука болела от напряжения, а пальцы невольно сжались, пытаясь унять судорогу. Карандаш выскользнул из них и с деревянным стуком упал на пол.

Адам испепелил его взглядом и повернулся обратно к Скотту. На мгновение глаза их встретились. Потом Адам начертил в воздухе между ними знак.

– Именем Семи я освобождаю тебя, брат, – возгласил он голосом, звонким, как колокол. – Ступай с миром и исполняй начертанный путь.

Маклеод сразу сник, словно из него вышел весь воздух. Он судорожно вздохнул и, пошатнувшись, привалился к столу. Труп перед ним тоже осел, превратившись на глазах у Перегрину в серый прах.

В то же мгновение Маклеод потерял равновесие и рухнул на колени; дыхание его сделалось частым и хриплым. Адам стремительно обежал стол и успел подхватить его под руку, прежде чем тот лишился сознания. Прислонив его к своим коленям, он достал из кармана ампулу нашатырного спирта, щелчком отбил ей головку и сунул ее под нос Маклеоду.

– Спокойно, дружище, – прошептал Адам, когда Маклеод дернулся, пытаясь отвернуться от резкого, бьющего в нос запаха, и снова поднес ампулу ближе. На этот раз инспектор мотнул головой, но открыл глаза, хотя взгляд его оставался мутным.

– Вот и молодец, – улыбнулся Адам, сжимая его запястье в поисках пульса. – Вы все сделали наилучшим образом. Только не делайте пока резких движений. Мне кажется, он покинул ваше тело быстрее, чем вы ожидали.

– Ох, еще как быстрее, – пробормотал Маклеод, осторожно принимая с помощью Адама сидячее положение и жадно глотая воздух. – Бог мой, терпеть не могу, когда они делают это! Голова раскалывается на части.

– Потерпите несколько минут, и все пройдет, – заверил его Адам. – Хотите попробовать встать?

– Угу.

С помощью Адама Маклеод подобрал ноги под себя, пошатываясь, встал и снова схватился за край стола; то, что тело, лежавшее на нем, превратилось в горстку праха, его, казалось, не волновало. Удостоверившись, что инспектор пришел в себя, Адам отступил назад и сделал над столом несколько быстрых пассив. Только после этого, похоже, он вспомнил о существовании Перегрину.

– Надеюсь, это вас не напугало, – сказал он. – Ну, что вам удалось?

Художник прижимал блокнот к груди как спасительный щит. До него не сразу дошло, что Адам обращается к нему. Он моргнул и выдавил из себя неуверенную улыбку.

– Что-то я уловил – *что-то* и *откуда-то*, – ответил он, переводя взгляд с одного на другого. – Знаете, инспектор, когда вы уставились на меня, в голове у меня возникли всякие картины, и я не мог от них отделаться. Ну а потом... моя рука сама начала рисовать, а я и

этого не мог остановить.

Маклеод мрачно усмехнулся.

– Это был не я, парень, – буркнул он.

– То есть вы хотите сказать, это был Майкл Скотт, – вздохнул Перегрин. – Что ж, может, так оно и спокойнее – не сам же я все это выдумал. – Он сильнее сжал руками блокнот, чтобы скрыть предательскую дрожь в пальцах.

– Ладно, что бы это ни было и откуда бы это ни взялось, это все здесь, – заявил он, тряхнув головой. – Не угодно ли взглянуть?

Адам с облегчением перевел дух.

– Прогресс налицо, – одобрительно заявил он. – Вы уже не думаете о том, *как* и *почему*, только о том, *что*. Но мне кажется, нам лучше подождать, пока мы не покончим с делами в аббатстве. Там еще остались кое-какие следы; будет обидно, если кто-то пострадает только из-за того, что мы не подчистили все до конца. – Он повернулся к Маклеоду. – Вы в состоянии идти?

Инспектор поправил сбившийся набок галстук и надел на нос очки.

– Угу, я в порядке. Спасибо. Все, чего мне не хватало, – это перевести дух. – Он покосился на горстку праха на столе и задумчиво прикусил губу. – Пожалуй, это не могло не случиться – особенно после того, как тело попало на свежий воздух. Это вам любой археолог подтвердит.

Они с Адамом обменялись понимающими взглядами.

– Буду рад подтвердить это кому угодно, – заявил Адам. – А пока нам лучше поспешить в аббатство.

– Верно, – кивнул Маклеод. – Как только мы с вами закончим все дела в часовне, я распоряжусь, чтобы прах Скотта вернули на место его упокоения...

Глава 12

Когда они вернулись в аббатство, Перегрину пришлось довольствоваться ролью зрителя по меньшей мере необычных действий Адама и Маклеода. Они обходили могилу Скотта, ритуальными жестами методично уничтожая следы заклятий, оставленные осквернителями его праха. Большая часть их движений была почти неуловима для глаза, но постепенно Перегрин начал ощущать, что атмосфера в оскверненной часовне становится легче. Ко времени, когда Адам с инспектором закончили свою работу, все следы деятельности их противников были уничтожены, а хрупкое равновесие восстановлено.

Когда они вернулись на автостоянку, был уже второй час. По предложению Адама все трое отправились в отель “Уэверли” на долгожданный обед. Маклеод заказал отдельный кабинет, и когда официант, приняв заказ, оставил их одних, Адам разрешил наконец Перегрину достать свой блокнот.

– Даже несмотря на то, что официанты будут время от времени беспокоить нас, мне кажется, мы можем говорить здесь без опаски, – сказал он, открывая блокнот. – Ладно, посмотрим, что тут у нас.

Пегррин успел сделать пять набросков. Изображенный на первом замок представлял собой нехитрое сооружение, скорее форт, чем крепость: приземистое здание, окруженное стеной из сложенных всухую камней. Второй рисунок показывал тот же замок с более высокой точки, поэтому видно было, что он расположен на возвышенности, на полуострове, напоминающем в плане растопыренную пятерню над темной водой. На третьем рисунке тот же полуостров был показан с воды. Выше воды светлел полумесяц галечного пляжа, ограниченный сверху густыми кустами, сквозь которые кое-где проглядывали валуны. Четвертый представлял собой более детальное изображение этих камней, а пятый – внутренности подковообразной пещеры. Именно пятый рисунок вызвал наибольший интерес Адама.

– Это не простая пещера, – заметил он, оставив блокнот открытым на этой странице и

постукивая по листу пальцем. – Теперь мне ясно, что имел в виду Скотт, говоря, что книга и золото хорошо охраняются. Гляньте-ка сюда.

Он указал на точку у входа в пещеру. Карандашные штрихи как бы случайно сошлись, образовав причудливый иероглиф. Маклеод поправил свои очки и пристальнее взгляделся в рисунок, потом покачал головой.

– Если это и какой-то символ, мне он ничего не говорит, – признался он Адаму. – А что это?

Глаза Адама снова засияли знакомым внутренним светом.

– Это “симраг” – знак Сидхе, – с легкой улыбкой объявил он. – Похоже, джентльмены, что книга заклинаний и золото Скотта находятся под охраной “народца с холмов” – местных фейри.

– Фейри? – Перегрин потрясение уставился на Адама, пытаясь понять, шутит тот или нет. Он перевел взгляд на Маклеода, но инспектор сохранял свой обычный бесстрастный вид, так что он снова повернулся к Адаму.

– Вы, конечно, шутите, – сдавленно сказал Перегрин.

– Напротив, я говорю совершенно серьезно. – Взгляд Адама сделался холодным, как сталь. – Впрочем, если вам на ум приходят славные создания с прозрачными крылышками за спиной, порхающие с цветка на цветок, настоятельно советую выкинуть их из головы. Сидхе – как назывались они в старину на гэльском языке – суть создания элементарных сил творения. Их крошечный рост не мешает им повелевать могущественными энергиями. Все они весьма капризны, а большинство – опасны. И кое-кто из них не прочь отведать людской плоти и крови.

Перегрин неуютно поерзал на стуле; смеяться ему почему-то расхотелось.

– Они обеспечат серьезную охрану любого ценного предмета, – продолжал Адам. – Преимущественно потому, что они фанатично – любой ценой – защищают свою территорию. Их не подкупишь; с таким же успехом можно попробовать подкупить лесной пожар, – вздохнул он. – Впрочем, их можно отвлечь и даже одолеть, если вы обладаете соответствующими знаниями и силой. Судя по тому, что нашим налетчикам удалось добиться здесь, в Мелроузе, их главарь, возможно, имеет в своем распоряжении все необходимое. Несомненно, именно этого опасался Скотт. Мы будем исходить из этого – у нас нет другого выбора.

– Я был бы рад отправиться за ними, куда и когда вы скажете, – пробормотал Маклеод. – Особенно если вы скажете мне *куда*.

– *Куда* – это в тот замок, – ответил Адам, перелистывая наброски. – Самое сложное – определить его местонахождение в настоящее время.

Похоже, Маклеода это заявление ничуть не удивило, однако Перегрин окончательно потерялся.

– С этим не ко мне, – простонал он. – Я все больше специализируюсь на резонансах прошлого, не на настоящем.

Адам задумчиво пожал плечами:

– В этом нет вашей вины. Образы, полученные вами от Скотта, основаны на его воспоминаниях об этом месте, каким оно было почти восемьсот лет назад. Замок, который запомнил Скотт, за это время наверняка изменился – если вообще стоит. Найти его или даже место, где он находился, – задача не из легких.

Перегрин хмуро уставился на свои зарисовки.

– Ну почему Скотт просто не сказал нам, где это?

– Вы исходите из того, что у этого места есть название или что оно сохранилось до наших дней, – ответил Адам. – Обыкновенно в то время такие места назывались просто “форт” или “замок”.

Он подождал, пока Перегрин усвоит эту информацию.

– Как бы то ни было, названия у нас нет – и мы не можем упрекать в этом Скотта. В своем состоянии он сделал все, что мог. Будь ситуация не столь критической, если бы его

состояние позволило ему без труда говорить с нами, он мог бы сказать нам и больше, возможно, даже в подробностях. Однако вышло так, что он был призван и связан мучительным заклинанием, так что ко времени, когда мы с ним встретились, он был слишком истерзан. Если бы мы и дальше удерживали его, это продлило бы его мучения. Честь обязывала меня освободить его, что я и сделал.

Перегрин погрузился в мрачные размышления. Маклеод взял блокнот и задумчиво перелистал его.

– Похоже, придется нам проделывать все это самым сложным путем, – вздохнул он. – То есть пользуясь лупой и частым гребешком. По крайней мере мы уже можем исключить все средневековые замки, расположенные вдалеке от воды. Я вот думаю, не стоит ли мне сравнить все эти рисунки с аэрофотосъемкой исторических мест Шотландии.

– Если не удастся найти другим путем, обязательно попробуем, – согласился Адам, когда Маклеод положил блокнот обратно на стол между ними. – Впрочем, возможно, короткий путь все-таки найдется.

Его собеседники удивленно повернулись к нему.

– К счастью, нам известно, что дух Скотта имеет воплощение в наше время, и это ребенок, – сказал Адам. – Если мы найдем его, я, возможно, смогу извлечь из его подсознания нужную нам информацию, которая направит нас по нужному пути.

– Это маленькая девочка, – вдруг выпалил Перегрин прежде, чем успел обдумать свои слова.

Оба изумленно посмотрели на него. Перегрин смущенно замолк, стараясь воскресить в памяти образ, мелькнувший на мгновение и не всплывавший на поверхности до самой этой минуты.

– Я... прежде, чем Скотт заставил меня рисовать... – пробормотал он, тщетно пытаясь ухватить ускользающее видение. – Я увидел... на мгновение... кажется, маленькую девочку.

Он умоляюще посмотрел на Адама и в полнейшей досаде тряхнул головой: картина не возвращалась. Адам огляделся, удостоверился, что к ним никто не входит, потом протянул руку и положил на лоб Перегрину.

– Закройте глаза, Перегрин, и расслабьтесь. Сделайте глубокий вдох и медленно выдохните. – Адам убрал руку, взял со стола блокнот, открыл чистую страницу и придвинул его к Перегрину.

– А теперь вернитесь в мыслях в ту больничную палату, к тому образу, что показал вам Скотт: к той девочке, которая является теперь воплощением Скотта. Кивните, когда увидите ее.

Прикрытые веки Перегрин дрогнули, потом он чуть заметно кивнул.

– Отлично. – Не отрывая взгляда от медиума, Адам протянул руку к Маклеоду за ручкой и сунул ее в пальцы Перегрину. – А теперь откройте глаза и нарисуйте то, что видите. Я сделаю так, чтобы вас ничто не отвлекало.

Перегрин сонно открыл глаза – а ручка тем временем уже порхала по листу. Почти не моргая, он полностью сосредоточился на своей задаче. Он не поднял взгляд, даже когда официантка принесла графин с водой. Когда он закончил рисунок и отложил ручку, Адам дотронулся до его руки.

– Замечательно. А теперь проснитесь и возвращайтесь к нам.

Перегрин несколько раз глубоко вздохнул, приходя в себя. Адам взял блокнот и повернул его так, чтобы и Маклеоду было видно. Инспектор только покачал головой; Перегрин тоже наклонился посмотреть на результат своей работы.

На стерильно-белой больничной койке лежала с закрытыми глазами девочка от силы четырнадцати– пятнадцати лет, а то и меньше. Чуть вьющиеся волосы обрамляли веснушчатое лицо, что придавало девочке задорный вид, однако болезненно сжатый рот и поза ее хрупкого тела под больничной простыней говорили о мучениях. По обе стороны от койки легкими штрихами были намечены стоящие люди, но условность изображения не позволяла сказать, родители это или медики – шариковым стержнем Перегрин не смог

добиться той же передачи деталей, что и карандашом.

– Очень интересно, Перегрин, – сказал Адам, повернувшись к нему. – Именно это вы и видели в морге?

Перегрин кивнул.

– Да, только я сразу же забыл об этом и не вспоминал до последней минуты. Наверное, образы замка вытеснили все остальное. От этого может быть какой-нибудь толк?

– Гм, возможно. Ноэль, вам это что-нибудь говорит?

Инспектор со вздохом покачал головой:

– Боюсь, что нет. Это может быть любая больница и любая девочка.

– Да, но это *современная* больница, и уж никак не любая девочка, – настаивал Адам. – Судя по внешности, она принадлежит к европейской расе, ее возраст около двенадцати лет, по обе стороны от койки, похоже, стоят ее родители, и еще... что это там, в ногах кровати, Перегрин? Уж не карта ли?

Перегрин вздрогнул и, наклонив голову, взгляделся в набросок. В таком положении он, казалось, почти мог различить медицинскую карту на спинке кровати, удержать ее в фокусе.

– Адам, введите меня обратно в транс, – прошептал он, роясь в кармане в поисках карандаша.

Маклеод удивленно приподнял бровь. Адам с опаской покосился на дверь за спиной Перегрина, но тут же положил руку ему на запястье.

– Перегрин, что вы такого увидели?

– Пока не увидел, – свирепо прошептал Перегрин. – Вы только введите меня в транс, быстро! *Ну же!*

Маклеоду стоило некоторых усилий подавить улыбку, так как никто и никогда еще не приказывал ничего Адаму Синклеру, но сам Адам, еще раз покосившись на дверь, поднял руку и положил на лоб Перегрину. Карие глаза сразу же закрылись, и лицо приняло умиротворенное выражение, словно художник был марионеткой, которой внезапно отпустили все нити.

– Очень хорошо, – прошептал Адам. – Погружайтесь в транс. Вы и сами уже научились делать это, но на этот раз я помогу вам. Расслабьтесь, сделайте глубокий вдох и погружайтесь вдвое глубже, чем в прошлый раз. Вы видите нечто, чего не видели прежде. Нечто очень важное. Сделайте еще один вдох и погружайтесь глубже. Теперь вы можете разглядеть это лучше. Погружайтесь до тех пор, пока не разглядите этого настолько, чтобы зарисовать.

Несколько долгих секунд ничего не происходило. Все так же зажмурившись, Перегрин опустил голову, опершись лбом о левую руку. Не меньше минуты – Маклеод проверял это по своим часам, тревожно переглядываясь с Адамом, – Перегрин не делал ничего, только дышал. Движения глаз под опущенными веками свидетельствовали о какой-то внутренней работе, что никак не сказывалось на неподвижно застывшем в руке карандаше.

Потом карандаш вдруг дернулся, веки затрепетали и приоткрылись, а рука Перегрина лихорадочно принялась набрасывать что-то на листе. На белой поверхности проявилась, четче, чем на прошлом рисунке, спинка больничной кровати, на ней – доска для карты и прикрепленный к ней куском скотча листок бумаги, на котором можно было прочитывать имя: *Толбэт Джиллиан* .

Когда Перегрин замер, Адам вновь дотронулся до его руки.

– Вы закончили? – мягко спросил он. Перегрин вяло кивнул. Адам покосился на Маклеода.

– Очень хорошо. Когда вы будете готовы, возвращайтесь в сознание. Не спешите, потому что на этот раз вы погрузились очень глубоко.

Адам повернул блокнот так, чтобы в ожидании, пока Перегрин выйдет из транса, Маклеод мог посмотреть на результат. Спустя несколько секунд художник тяжело вздохнул и открыл глаза.

– Вы в этом уверены? – спросил Адам, показывая на блокнот.

Перегрин провел рукой по лицу, посмотрел на блокнот и кивнул.

– Уверен, насколько это возможно в таких обстоятельствах. Если все остальное верно, то и это тоже. Ощущения были теми же самыми.

Маклеод кивнул и со вздохом покачался в кресле.

– Ладно. Что ж, по крайней мере Джиллиан Толбэт – нормальное английское имя. Как вы считаете, можем мы хотя бы надеяться на то, что она живет где-то в пределах Соединенного Королевства?

– Можно попробовать, – ответил Адам. – Я не смогу сделать этого, пока не выплусь, но сузить круг поисков мы определенно сможем.

Перегрин только зажмурился: до него дошло, что предлагает Адам.

– Уж не хотите ли вы сказать, что намерены отыскать ее прямо отсюда? – потрясенно спросил он и тряхнул головой. – Но ведь это бессмыслица какая-то. Как может Майкл Скотт быть маленькой *девочкой* ?

Легкая улыбка Адама позволила ему предположить, что это лишь очередная позиция, по которой Перегрину предстоит сменить точку зрения.

– Мы обсудим психологически-сексуальные аспекты реинкарнации по дороге домой, – сухо ответил тот. – А пока наконец примемся за еду, которую вы, мой друг, несомненно, заработали сегодняшними стараниями.

С этими словами он закрыл блокнот и переключил внимание на принесенный обед, продолжая беседу с Маклеодом о том, как представить дело, не имеющее рационального объяснения, в случае, если о нем станет известно полиции и прессе. Перегрин, отчаявшись немедленно получить ответ на интересовавшие его вопросы, молча слушал – что говорило о его неплохой выдержке.

Когда Адам с Перегрином собрались обратно в Стратмурн, было уже около трех. Почти десять минут “ягуар” пожирал милю за милей, когда Перегрин снова набрался храбрости спросить Адама, как это нынешнее воплощение Майкла Скотта оказалось женского пола.

– У меня просто не укладывается в голове, – признайся он. – Может, я что-то не так понял? Тот Майкл Скотт, с которым мы имели дело, определенно был мужского пола. Как он мог воплотиться в женском теле? Разве пол не является важной составляющей личности?

– С психиатрической точки зрения, конечно, – кивнул Адам. – Однако когда мы имеем дело с духом, нам, возможно, требуются иные правила. Скажем так: в отличие от личности дух по определению не может быть ни мужским, ни женским. Скорее он сохраняет потенциальную возможность стать любым из них. Надеюсь, вы согласитесь, что духовное воплощение стремится достичь предельно полного воплощения, целью которого является воссоединение с Божественным Светом?

Этот вопрос застал Перегрин врасплох.

– Пожалуй... возможно, и так, – неуверенно пробормотал он.

– Ну что же, в таком случае, – сказал Адам, – предельно полное воплощение духа подразумевает, помимо всего прочего, всесторонность и уравновешенность. А теперь еще один вопрос: как душе отдельно взятой личности достичь этого воплощения, если она не испытала жизнь во всех ее проявлениях, включая естественную сексуальность обоего рода?

Быстрый взгляд в сторону Перегрин убедил Адама, что тот счел эти аргументы не лишенными убедительности. Однако молодой художник только тряхнул головой, не найдя подходящего ответа.

– Ладно, зайдем с другой стороны, – сделал еще одну попытку Адам. – Я вижу, для вас все это пока слишком сложно. Возможно, вам еще предстоит дойти до этого своим умом, но согласитесь, некоторые аспекты Света лучше постигает мужчина, а некоторые – женщина. В последних случаях женское естество – все равно что маска, которую надевают, чтобы проникнуть в сокровенные глубины святилища.

Он снова покосился на Перегрин. Вместо ответа художник только вздохнул.

– Давайте-ка отступим на несколько шагов и обратимся к основам, – произнес тот наконец. – Вот вы лично – вы воплощались когда-либо в женском облике?

– Разумеется.

– А я?

– Несомненно.

– Тогда почему же я, глядя на вас, не видел ни одного женского воплощения? Ни на одном из портретов? – торжествующе спросил Перегрин.

– Подозреваю, – невозмутимо отвечал Адам, – потому что тогда вы были просто не готовы иметь дело с моими женскими инкарнациями. Подобная мысль просто не приходила вам в голову. Спешу добавить, что на вашей нынешней сексуальности это никак не сказывается – говорю вам это как психиатр. Во всяком случае, с учетом вашего ограниченного опыта, не скажется в вашей нынешней инкарнации. В конце концов, вы занимаетесь этим совсем недавно. Всему свое время.

Перегрин неуверенно пожал плечами, но промолчал.

– Если... если то, что вы говорите, верно, – вымолвил он наконец после довольно длительного размышления, – похоже, мне придется радикально поменять свои взгляды на природу вещей.

Адам с легкой улыбкой кивнул. Перегрин вздохнул и пригладил свой “ежик”

– Ладно, идет. Не буду притворяться, будто что-то понял, но пока приму все на веру. Раз вы это утверждаете, я поверю в то, что чародей Майкл Скотт воплотился в теле девочки по имени Джиллиан Толбэт, тем более что я видел это сам. Но если, как вы говорите, душа возрождается, почему она тогда говорила с нами в Мелроузе как Скотт, а не как Джиллиан? Кто она теперь – он или она?

– Оба, разумеется, – ответил Адам. – Поймите же, личность не сводится просто к мозгу, или разуму, или духу – это сложное сочетание всех трех этих функций, вместе взятых. Мозг, разумеется, физическая составляющая, часть физического тела. Можно сказать, это компьютер, управляющий физическим телом, однако информация, которую он хранит и обрабатывает – память и то, что с этой памятью делают, – составляет разум, аспект личности, и *это* напрямую влияет на чисто духовную сущность. Ибо только через личный опыт данной конкретной личности душа жизнь за жизнью приближается к Свету.

– Только что я упоминал о душе, примеряющей на себя ту или иную маску, – продолжил Адам. – Так вот, мы думаем о личности как о маске, которую душа носит в данной инкарнации и которая в наибольшей степени подходит для данных времени и обстоятельств – по маске на жизнь. Адепт уровня Майкла Скотта умеет выбирать эти маски и менять их по своему усмотрению, чтобы использовать полезные для него аспекты предыдущих воплощений. Вы тоже научитесь этому. Вы уже овладеваете умением видеть маски других; отчасти именно это делает вас таким хорошим художником. Вы, например, сумели увидеть некоторые *мои* маски.

Перегрин кивнул. По выражению его лица Адам понимал, что художник лихорадочно размышляет.

– Некоторые могут иметь дело с чистым духом, – подытожил Адам. – Порой мы называем их святыми или даже богами. Однако большинству требуются более конкретные образы. Находясь в своих телах, все мы носим маски, поэтому нам привычнее общаться с другими, когда те тоже в масках. Если душу на время можно отделить от ее нынешнего физического воплощения – как вышло со Скоттом, – то искать помощи в теле своих предыдущих инкарнаций куда эффективнее, чем в бестелесном виде. Собственно, именно это он и сделал, и именно по этой причине.

– Мне надо хорошенько над этим подумать, – с сомнением в голосе заметил Перегрин. – Вы уж не удивляйтесь, если это дойдет до меня не сразу.

После этого он некоторое время молчал. Они ехали теперь по объездному кольцу вокруг Эдинбурга в сторону Форт-Роуд-Бридж. Чуть позже художник задремал – день выдался все-таки хлопотный, – и Адам смог наконец поразмыслить о других событиях дня, кроме борьбы с логикой Перегрина. В истории с Майклом Скоттом не все складывалось.

Не говоря уже о бесцеремонном нарушении покоя души Майкла Скотта и о том, какие последствия это имело для маленькой Джиллиан, оставался еще один вопрос: личность и

статус того, кто за все это должен ответить. Поскольку они явно намеревались заполучить в свои руки книгу заклинаний Скотта, Адам продолжал держаться своего первоначального предположения, что кражу осуществили неофиты. Небрежность, с которой они обращались со Скоттом, достаточно наглядно свидетельствовала об их сравнительной неопытности.

С другой стороны, в прошлом ему достаточно часто доводилось скрещивать шпаги с представителями различных лож черной магии, и он знал, что их руководители вполне способны предоставлять своим предприимчивым подчиненным относительную свободу действий – до тех пор, пока эта свобода не вступает в противоречие с интересами руководителей. Так, может, это обращение к духу Майкла Скотта – именно то, чем оно и выглядело на первый взгляд: не очень умелые действия слишком амбициозных подмастерьев? Или это все-таки гамбит в какой-то куда более замысловатой шахматной партии?

Как бы то ни было, Адаму пришлось признать, что при нынешнем объеме имеющейся информации он не может сделать никакого определенного вывода. Более того, изменить ситуацию он тоже не в состоянии, пока хоть немного не отдохнет. Сворачивая с шоссе к Стратмурну, он вдруг ощутил навалившуюся на него свинцовую усталость, на которую до поры ухитрялся не обращать внимания. Помимо чисто физического изнеможения к этому добавилась реакция на психические усилия, затраченные в процессе освобождения Скотта и очистки его могилы. Вид Перегрин, встревоженно вздрогнувшего, когда Адам остановил “ягуар” и заглушил мотор, подтвердил, что молодой художник утомлен не меньше, хотя бороться с усталостью ему удастся куда хуже.

– Спасибо, Хэмфри, – кивнул Адам дворецкому, который распахнул входную дверь и приготовился помочь им снять пальто. – День сегодня выдался на редкость тяжелый. Я буду премного обязан, если вы подадите нам чай в библиотеку, и еще больше – если вам удастся присовокупить к нему пару сандвичей.

– Уверен, что-нибудь найдется, сэр, – отвечал Хэмфри. – Я растопил камин в библиотеке уже с час назад. В общем, там уже уютно.

Когда он, проводив Адама до дверей библиотеки, повернул назад, Перегрин не удержался и оглянулся ему вслед.

– Он ведь всегда знает наверняка, что вам нужно в данный момент, верно? – задумчиво заметил он. – Надеюсь, вы не станете утверждать, что он читает мысли. Но если не это, то что?

Каким бы усталым ни чувствовал себя Адам, он не удержался от улыбки.

– Мысли он, пожалуй, не читает – просто сказывается многолетний опыт, – ответил он, жестом приглашая Перегрин занять место у огня. – Насколько я знаю Хэмфри, он мигом принесет поднос. Так что садитесь и устраивайтесь поудобнее, хорошо?

Полчаса спустя Перегрин поймал себя на том, что отчаянно зевает над чашкой чая.

– Мне ужасно неловко, – извиняющимся тоном пробормотал он. – Право же, никуда не годится засыпать в каких-то пять вечера. Даже с учетом того, что мы вчера припозднились, а сегодня были чуть свет уже на ногах, это не может служить оправданием зевоты во время беседы. К тому же со времени обеда прошло всего несколько часов, а я голоден как волк! Можно подумать, я целый день только и делал, что рыл ямы!

Адам потянулся за еще одной булочкой; напряжение мало-помалу отпускало его.

– Еще одно широко распространенное заблуждение. Большинство людей наивно полагает, что психическая работа не может выматывать сильнее, чем физическая в самых своих утомительных формах.

– Психическая работа? – Перегрин с усилием подавил очередной зевок. – Но я же вообще ничего не делал, ни психически, ни еще как-нибудь.

– Еще как делали, – ответил Адам. – Как по-вашему, чем вы занимались, когда делали свои наброски?

Вместо ответа Перегрин осторожно покосился на него.

– Кстати, если вы не заметили этого сами, – продолжал Адам, – сегодня вам пришлось

играть далеко не последнюю роль в том, что обернулось серьезным психическим событием. Усталость, которую вы сейчас чувствуете, является прямым следствием этого. Вам еще предстоит привыкнуть к этому – если, конечно, вы намерены и дальше участвовать в таких делах.

Перегрин резко поднял голову.

– А мне *позволят* участвовать в них и дальше? – удивленно спросил он.

– Да, позволят – точнее сказать, будут поощрять ваше участие. При нынешнем обороте событий я не берусь обещать, что смогу объяснить все происходящее – возможно, даже до тех пор, пока все не окажется позади. Однако мне хотелось бы, чтобы вы понимали природу по крайней мере части того, свидетелями чего стали сегодня – и что вы еще увидите в будущем.

Перегрин задумчиво прикусил губу и уставился в огонь, словно ожидал найти ответ там.

– Не знаю, готов ли я к этому, Адам. И все-таки расскажите, что вы делали на самом деле – только правда делали. Подозреваю только, что это меня немного пугает.

Адам вздохнул, откинулся в кресле и принялся терпеливо, осторожно подбирая слова, объяснять. Сегодняшними поступками Перегрин выказал готовность быть более полно посвященным в тайны, которые составляли суть и смысл жизни Адама. И все-таки то, что Адам собирался сказать ему, следовало очень тщательно взвесить, подобрать верное соотношение таинственного и знакомого, чтобы не отпугнуть Перегрин от открывающейся перед ним судьбы.

– Как вы, возможно, уже догадались сами, – начал Адам, – порой мне приходится лечить не только рассудок, но и душу. Иными словами, подобно Ноэлю Маклеоду, я выполняю дополнительные обязанности хранителя мира. Не буду пока даже пытаться обосновать вам свои полномочия, однако они распространяются на ту часть бытия, которую мы с Ноэлем, равно как и другие подобные нам, называем Внутренними Мирами. Они представляют собой... иную реальность, если угодно, лежащую вне времени и материального мира, однако доступную человеческому разуму посредством духовных усилий. Внутренние Миры – родник, из которого проистекают сны, источник вдохновения пророческих видений. Обычные люди могут попасть во Внутренние Миры только естественным путем – во сне или в бессознательном состоянии – и вынести оттуда лишь случайные обрывки воспоминаний о пережитом. Однако посвященные способны странствовать по Внутренним Мирам по своему усмотрению, полностью осознавая, что они делают; оттуда они выносят знание.

Перегрин слушал молча, не поднимая взгляда на Адама, однако понемногу начал приобретать вид человека, услышавшего зов далекой трубы.

– Вы говорите о том, что я делаю, когда пишу, – тихо произнес он наконец. – Не как посвященный... как-то по-другому. Вот, значит, откуда я все это вижу, да? Это пытались объяснить мне вы, мои портреты во сне. “Не беспокойся, просто пойми...”

Адам улыбнулся:

– Похоже, мне с самого начала стоило говорить с вами на языке художника. Возможно, дальнейшие откровения могут прийти к вам тогда, когда вы будете меньше всего ожидать их. Но вы ведь больше не боитесь, правда?

Перегрин на мгновение напрягся, словно пробуя больной зуб. Потом вздохнул, словно с плеч его свалился тяжелый груз, повернулся и посмотрел в глаза Адаму:

– Нет. Не боюсь.

Адам кивнул:

– Я так и думал. Что ж, раз так, продолжим этот разговор завтра утром. Признаюсь, мне очень интересно узнать, что вам приснится сегодня.

Глава 13

Адам попросил Хэмфри накрыть завтрак к девяти. Сам он заснул, наказав себе проснуться в шесть утра. Спустя пятнадцать минут после пробуждения он принял душ, побрился и оделся – старая привычка не подвела его и на этот раз. В полной тишине он спустился в библиотеку, стараясь не мешать своему слуге и молодому соратнику еще немного поспать.

Перегрин оставил свой блокнот в библиотеке, на столе у камина. Адам забрал его к себе на стол и открыл на втором наброске с Джиллиан Толбэт. Порывшись в ящичке стола, он достал оттуда замысловато украшенную ювелирную лупу явно старинного происхождения, которую положил на стол рядом с блокнотом. Потом развернул кресло и, оттолкнувшись, проехал на нем к ближайшему книжному шкафу.

На нижней полке выстроились карты и географические атласы. Адам выбрал большую карту автомобильных дорог Британии и атлас мира – надеясь, впрочем, что последний ему не понадобится. Подъехав обратно к столу, он отодвинул в сторону атлас, лупу и развернул карту. В разложенном виде она занимала почти всю поверхность стола, так что Адам достал из-под нее блокнот и некоторое время сидел, похлопывал им по руке и рассеянно шарил взглядом по карте. Потом сделал глубокий вдох, перевел взгляд на рисунок Джиллиан Толбэт, старательно запечатлел его в памяти и только тогда сунул блокнот обратно под карту.

– Ладно, Джиллиан, девочка моя, – прошептал он, кладя руку на карту в том месте, где под ней угадывался прямоугольник блокнота. – Придется тебе немного помочь мне в этом деле. Посмотрим-ка, находишься ли ты сейчас на Британских островах...

Зажмурившись, он усилием воли заставил себя погрузиться в транс, сосредоточившись на лежавшем под картой блокноте и на резонансах, исходивших от сделанных Перегрином рисунков. Сначала он попробовал установить контакт с Майклом Скоттом, так как уже имел опыт общения с ним, однако никаких следов его души во Внутренних Мирах не обнаружил.

На время отбросив эту мысль, он сосредоточился на матрице Джиллиан Толбэт. Полагаться на собственный опыт Адам в этом случае не мог, поскольку знал Джиллиан только по наброскам Перегрин; зато личность Джиллиан обладала одним несомненным преимуществом: в настоящий момент она имела телесное воплощение и находилась где-то на этой планете. Обнаружить ее астральные следы было, по идее, легче, чем следы Скотта, – если Адаму только удастся узнать ее.

Не открывая глаз, он стал осторожно водить рукой по карте. Ладонь его перемещалась кругообразными движениями так, чтобы ни один квадратный дюйм карты не остался неохваченным. Освоившись, он постарался абстрагироваться от визуального образа географической карты и сосредоточился на чистых энергиях так, словно это были осязаемые рукой завихрения в каком-то потоке, где могло играть свою роль любое изменение температуры или силы течения.

Он позволил себе течь вместе с ними; рука его словно отделилась от него, перемещалась самостоятельно, служила только посредником в поиске интересующей его личности. Постепенно описываемые ладонью восьмерки начали сужаться, и в конце концов рука замерла в одной точке. Адам открыл глаза. Ладонь застыла точно над большим пятном Лондона.

– Неужели?

Он смотрел на нагромождение серых кубиков городских кварталов, веря и не веря своим глазам. Слишком просто все выходило. На всякий случай он встал, взял со стола карту, зажавшись, произвольно повертел ее в воздухе и только потом положил обратно на стол.

Его ладонь снова принялась описывать восьмерки по поверхности карты и опять застыла точно над Лондоном.

– Ну-ну, – пробормотал он. – Что ж, это упрощает дело. Посмотрим, не удастся ли нам сузить зону.

Адам переложил карту на пол в эркере и снова подъехал к полке с атласами. На этот раз он выбрал крупномасштабную карту лондонского Сити, а также последнее издание атласа улиц Лондона от “А” до “Z”. Отложив атлас до поры до времени в сторону, он расстелил на

столе карту, разгладил ее ладонью и внимательно рассмотрел. Да, на этот раз требовалась более тонкая технология.

Он выпрямился в кресле и закрыл глаза, расслабленно положив руки на подлокотники. Глубокий вдох позволил ему отрешиться от посторонних мыслей. Слегка сменив позу, Адам тверже оперся ногами на пол. Добившись идеального равновесия, он сделал еще один долгий глубокий вдох, потом выдох, вознося беззвучную молитву Пантократору, дарующему спокойствие и просветление.

Почти мгновенно перед Адамом возник мысленный образ незавершенной пирамиды. Удерживая его в сознании, он сосредоточился, достраивая ее до вершины, укладывая камень за камнем. Стоило ему уложить на место последний каменный блок, как обращенная к нему грань пирамиды раскололась надвое, открыв парящее в центре пирамиды Всевидящее Око.

Из зрачка его вырвался тонкий язык пламени, слившийся с собственным духом Адама, а пирамида куда-то исчезла. В голове Адама разлилось пульсирующее тепло, его центр располагался в месте мистического третьего глаза эзотерического зрения. Жар усиливался; Адам отбросил видение и открыл глаза.

На короткое мгновение комнату озарили яркие радужные сполохи. Адам видел не только предметы, но и их ауры, меняющиеся от инфракрасного до ультрафиолетового. Во всей комнате оставались только два белых предмета: расстеленная перед ним на столе карта Лондона и блокнот с рисунками, связанными с душой, что занимала Адама.

Стоило Адаму усилием воли совладать со своим зрением, радужный эффект исчез. Он взял лупу, как и в прошлый раз, положил блокнот под карту и, вставив лупу в глаз, принялся дюйм за дюймом изучать карту, начиная с левого верхнего квадрата.

Названия городских районов сменяли друг друга: Эдмонтон, Уолтемстоу, Хайгейт... Еще районы: Хэмпстед, Айлингтон, Хекни – и никаких признаков того, что он искал. Он спустился на ряд ниже, но миновал Степни, Вестминстер и Кенсингтон без какого-либо результата. Потом взгляд его переместился на Хаммерсмит.

За полированным стеклом линзы вспыхнул голубой огонек. Адам помедлил, потом поправил монокль и пригляделся внимательнее. Когда голубая точка замерцала снова, его лицо на мгновение осветилось довольной улыбкой.

– Выходит, она в Хаммерсмите, так? – негромко пробормотал он, откинувшись в кресле и опустив лупу на стол. – Посмотрим-ка, не удастся ли нам сузить круг...

Он потянулся к справочнику, сверился с содержанием и раскрыл его на странице с районом Хаммерсмит, расположенным к юго-востоку от Гайд-парка и Кенсингтона. Придавив разворот золотым ножом для бумаги, он снова вставил в глаз лупу и повторил процесс сканирования. Обследование левой страницы не принесло результатов, зато когда Адам переместился на правую, голубой огонек замерцал где-то южнее станции метро “Хаммерсмит”. Детальное изучение помогло определить местонахождение еще точнее: больница Чаринг-Кросс.

Адам нахмурился, вынул из глаза монокль и откинулся на спинку кресла, вынув блокнот из-под справочника. Он не сомневался, что Джиллиан находится именно там. Более того, как врачу ему не доставило бы особого труда добиться доступа к ней. На худой конец он был знаком с несколькими врачами, занимавшими в Чаринг-Кроссе ответственные должности.

Однако он надеялся найти Джиллиан вовсе не в больнице. То, что ее до сих пор не выписали, встревожило Адама. С воссоединением души и тела к девочке должно было бы вернуться обычное здоровье.

Конечно, нельзя исключить, что лечащий врач девочки просто задержал выписку, чтобы понаблюдать за ней еще немного – из простой профессиональной предосторожности. Нормальные здоровые дети не впадают в кому просто так, ни с того ни с сего. Однако вероятность того, что временное отделение души серьезно сказалось на девочке, также была весьма высока. И если это действительно так, мрачно подумал Адам, шансы на установление через нее контакта с личностью Майкла Скотта приближались к нулю, не говоря уже об

ущербе самой Джиллиан.

Впрочем, всему свое время. Прежде чем ехать в Лондон, необходимо было удостовериться, что Джиллиан Толбэт действительно находится в больнице Чаринг-Кросс. Он доверял своей методике, но по возможности предпочитал проверять ее результаты более традиционными способами. Достав лондонский медицинский справочник, он просмотрел раздел “Больницы”, пока не нашел столбец, посвященный Чаринг-Кроссу. Потом Адам набрал номер и, пока в трубке раздавались гудки, обдумывал план дальнейших действий.

– Больница Чаринг-Кросс.

– Доброе утро, – отозвался Адам, на всякий случай не представившись. – Меня интересует пациентка по имени Джиллиан Толбэт. Она должна была поступить к вам приблизительно вчера утром. Скажите, у вас есть пациент с таким именем?

– Будьте добры, сэр, повторите имя.

– Джиллиан Толбэт.

– Пожалуйста, подождите минутку, я проверю.

В трубке раздался щелчок, затем оттуда послышалось нечто, напоминающее исполнение мелодии курантов Биг-Бена на игрушечном ксилофоне. Адам поморщился и отодвинул трубку от уха. Посередине третьего повтора музыка оборвалась, сменившись голосом дежурного.

– У нас имеется пациентка с таким именем, сэр. Правда, это еще ребенок. Она поступила в отделение педиатрии вчера утром, примерно в половине десятого.

– Именно ее я и ищу, – сказал Адам. – Будьте добры, скажите, кто ее лечащий врач.

– Судя по всему, доктор Огилви, – последовал ответ. – Соединить вас с отделением?

Адам механически записывал имя врача, но при этом вопросе ручка его застыла. Ему пока не хотелось говорить с этим незнакомым доктором Огилви – во всяком случае, пока он не изобретет приемлемое объяснение его интереса к Джиллиан Толбэт.

– Благодарю вас, пока в этом нет необходимости, – ответил он, не прекращая лихорадочные размышления. – Насколько мне известно, в это время у врачей и так хлопот по уши. Во сколько доктор Огилви обыкновенно делает обход?

В трубке послышался шелест переворачиваемых страниц.

– Обычно она уходит около часа, – последовал ответ. – Полагаю, она будет самое позднее через час. Может, вы оставите свой номер, чтобы она перезвонила вам позже?

– Нет, лучше я сам найду ее. Я просто не знаю еще, где меня сегодня можно будет застать. Большое вам спасибо.

Прежде, чем дежурный успел спросить еще о чем-то, Адам положил трубку и снова откинулся на спинку кресла, обдумывая состоявшийся разговор. Имени своего он не назвал. Поразмыслив, он решил, что не вызвал своими расспросами излишнего любопытства. Никому не возбраняется наводить справки о наличии в больнице того или иного пациента и об имени лечащего врача. Кроме того, наводящими вопросами Адаму удалось узнать, что Джиллиан лежит в отделении педиатрии, а ее врач – женщина – еще не приехала к обходу.

Что ж, если он хочет получить еще какую-то информацию перед поездкой в Лондон, ему придется действовать очень и очень быстро.

Он поискал в справочнике телефон педиатрического отделения, с досадой тряхнул головой и вновь набрал номер дежурного. Ему снова повезло. Голос, ответивший ему на этот раз, заметно отличался от предыдущего.

– Педиатрию, пожалуйста, – произнес он.

– Минуточку, – ответили ему.

В ожидании соединения Адам механически обводил кружочками имя доктора Огилви на бумажном листке, но, когда в трубке вновь послышался голос, сосредоточился.

– Отделение педиатрии, старшая медсестра О'Фаррелл.

– Доброе утро, сестра, это доктор Макадам, – представился он именем, которым пользовался и раньше, когда не хотел, чтобы его узнавали. – У вас находится одна девочка, некая Джиллиан Толбэт. Она поступила к доктору Огилви вчера утром. Вы не скажете, как

она сегодня?

Он говорил авторитетным, но нетребовательным тоном – так, словно имел полное право задавать такие вопросы. Возможно, это в сочетании с медицинским званием помогло преодолеть неохоту, с какой сестра О'Фаррелл делилась информацией.

– А, вы насчет той девочки Толбэт? Конечно, доктор. Она вышла из комы вчера во второй половине дня, но совершенно не реагирует на окружающее. Сегодня ее должен осмотреть наш главный психиатр, а доктор Огилви назначила на утро ряд анализов.

– Ясно, – произнес Адам. – Да, кстати, какие именно анализы? – как бы невзначай поинтересовался он.

– Минуточку, доктор. – Снова послышался шелест страниц. – Ага, вот. Она распорядилась сделать еще один анализ крови и сканирование. А что, что-то не так?

– Нет, все в порядке. Большое спасибо, сестра, вы мне очень помогли.

– Всегда рада, доктор. Может, передать доктору Огилви, чтобы она вам перезвонила? Она должна быть минут через сорок.

– Спасибо, не надо, – повторил Адам. – Несколько следующих часов меня трудно будет найти. Возможно, позже я позвоню сам.

Он повесил трубку и несколько минут сидел в задумчивости.

Итак, два телефонных разговора дали ему довольно много полезной информации, но не более того, что он мог узнать, не видя Джиллиан Толбэт. Увы, ничего другого он не узнает, пока не обследует ее сам – и если повезет, установит контакт с той частью ее души, что была когда-то Майклом Скоттом. Удастся ли ему это, пока зависело – по крайней мере частично – от удачи. Если ущерб окажется велик, воссоединение с душой может превратиться в долгий и трудоемкий процесс.

У путешествия в Лондон была, впрочем, сторона, которая зависела от удачи не в такой степени. Складывая карты и убирая в стол монокль, Адам вдруг сообразил, что даже если его поиски заведут в тупик, таланты Перегрин, крепнущие день ото дня, помогут найти и другой путь решения проблемы. Как бы ни было, ликвидировать последствия, которые нанесли душе ее мучители, важно – но еще важнее разрушить их планы относительно книги заклинаний и золота Майкла Скотта.

Для этого Адаму и его товарищам недоставало знания того, куда направляются злоумышленники, – а это можно было выяснить и более традиционными методами, тем более в сочетании с прогрессирующей способностью Перегрин видеть на многих уровнях. Молодой художник уже оказался вовлеченным в эти события так же глубоко, как Маклеод или он сам – не в последнюю очередь благодаря тому, что Майкл Скотт выделил его в качестве приемника той информации, с помощью которой надеялся отомстить призвавшим его мерзавцам. И еще, напомнил себе Адам, каким бы неопытным ни оставался пока Перегрин, в прошлой жизни он явно был маститым оккультистом.

“Раз посвященный посвящен навсегда”, – подумал он и отбросил оставшиеся сомнения.

Он встал, потянулся и посмотрел на часы. Им с Перегрином предстоял хлопотный день. Хотя еще не было восьми, он знал, что Хэмфри уже поднялся и хлопочет на кухне. На всякий случай он снял трубку внутреннего телефона и позвонил туда. Хэмфри отозвался после второго гудка.

– Нам с мистером Ловэтом нужно лететь сегодня в Лондон, – сообщил Адам сразу после обычного обмена приветствиями. – Буду очень признателен, если Вы позвоните в кассу аэропорта сразу после ее открытия и закажете нам два билета на рейс в середине дня. Если получится, лучше в Хитроу. Пожалуйста, информируйте о результатах.

– Разумеется, сэр, – как всегда невозмутимо отозвался Хэмфри. – Вы останетесь там до завтра?

– Скорее всего да, – ответил Адам. – Так что на всякий случай соберите мне чемодан. И еще, если получится, забронируйте для нас комнаты в Каледонском клубе. Если нет, сойдет любой другой из моих клубов.

– Очень хорошо, сэр. Заказать вам машину с водителем?

– Нет, пожалуй, на этот раз обойдемся такси.

Перегрин еще до девяти вышел к завтраку в серой фланелевой рубаше и темно-синем пиджаке: Хэмфри уже оповестил его о предстоящем полете в Лондон. Его наставник к этому времени уже сидел за столом, одетый в городской костюм – темно-синюю тройку, – и просматривал утреннюю почту. Рядом с ним на столе лежала стопка книг.

– Доброе утро, – сказал Адам с обычной легкой улыбкой. – Надеюсь, вы готовы к активной деятельности.

– Как никогда, – откликнулся Перегрин. Он сел напротив Адама и с деланным равнодушием принялся разворачивать свою салфетку. – Хэмфри сказал, что заказал нам места на двенадцатичасовой рейс в Лондон. Еще он сказал, чтобы я захватил с собой по крайней мере одну смену белья.

– Все верно, – кивнул Адам. – Мне удалось выяснить точное местонахождение Джиллиан Толбэт.

– *Правда?* – Изумление во взгляде Перегрина мешалось с облегчением. – Так где же она?

– Лежит в больнице Чаринг-Кросс в Хаммерсмите, – ответил Адам. – Я звонил туда всего несколько минут назад. Нет почти никаких сомнений, что это именно тот ребенок, которого мы ищем.

– Это потрясающе! – вскричал Перегрин, и тут же лицо его приобрело озабоченное выражение. – Но... но почему она до сих пор в больнице? Мне казалось, вы говорили, что она поправится, как только Скотт вернется обратно.

– Я надеялся, что она выздоровеет, – признался Адам. – Увы, сведения об этом неоднозначны. Как вы справедливо заметили, некоторое время она лежала в коме. Именно в таком состоянии ее привезли в больницу вчера утром. Вчера, во второй половине дня, она очнулась – вы сами можете догадаться, когда это произошло, – однако абсолютно не реагирует на окружающее. Мне удалось узнать фамилию ее врача и то, какие анализы ей назначены, – больше они по телефону и не скажут. Я собираюсь отправиться в больницу и попытаюсь ее осмотреть; желательно без посторонних, чтобы не возбуждать излишнего любопытства.

– Но я-то вам при этом буду только помехой, – заметил Перегрин. – Я ничего не знаю о больницах. Я и пациентом-то там ни разу не был.

– Для вас у меня отдельное поручение, на другом конце Лондона, – кивнул Адам. – Как у вас с латынью?

Перегрин озадаченно посмотрел на него:

– Боюсь, слегка заржавела. Не вспоминал о ней несколько лет.

– Возможно, вы сами удивитесь тому, как быстро восстанавливаются утраченные навыки. Вот, возьмите.

Адам протянул Перегрину верхнюю книгу из стопки: симпатичный на вид томик в коричневом кожаном переплете; его пожелтелые страницы напоминали фактурой хорошую бумагу для акварели. Позолоченные буквы на корешке составляли надпись: “Из собрания клуба Мэйтленд – т. IV, ч. I”. Из короткого вступления на первой странице следовало, что “собрание” являет собой коллекцию “подлинных записей и других документов, отображающих историю и культуру Шотландии”.

– Посмотрите начало второго раздела, – посоветовал Адам. – Двадцать первая страница.

– “*Brevis Descriptio Regni Scotie*”, – вслух прочел Перегрин. – “Краткое Описание Шотландских Княжеств”? – Он вопросительно посмотрел на Адама.

– “*Brevis Descriptio*” – это описание Шотландии тринадцатого века, увиденной глазами англичанина, – объяснил Адам. – Географических карт в то время не существовало, и этот документ является самым древним из дошедших до нас описанием населенных пунктов Шотландии. Его оригинал находится в Британском музее. Я хочу, чтобы вы съездили и посмотрели на него.

– Ладно, – кивнул Перегрин. – Но что такого я должен увидеть в оригинале, чего нет

здесь?

– Любые психические отголоски, – невозмутимо ответил Адам. – Связи “Brevis Descriptio” и ваших собственных рисунков из Мелроуза. Если замок, что показал вам Скотт, существовал во времена написания “Descriptio”, вам, возможно, удастся уловить симпатические резонансы, возникшие между вашими набросками и манускриптом, а это даст нам подсказку, где искать тайник.

Сомнение, отразившееся на лице Перегрин, было таким явным, что Адам не удержался от улыбки.

– Вам нечего бояться, – произнес он. – Я бы не послал вас с таким поручением, если бы сомневался, что вы в состоянии с ним справиться. И вообще этот процесс не слишком отличается от соединения двух электрических контактов проводником. Вот метод, который я предлагаю использовать...

Перегрин внимательно выслушал инструкции Адама; недоверие на его лице сменилось живейшим интересом.

– Ну, *это*, мне кажется, я осилю, – сказал он, когда Адам закончил. – Послушать вас – это совсем несложно, хотя скажи вы мне хоть неделю назад, что у нас состоится такой разговор, я решил бы, что как минимум один из нас спятил.

Адам улыбнулся:

– Жизнь – непрерывный процесс обучения, и это обучение продолжается из одной жизни в другую.

– Похоже, я вам почти верю, – признался Перегрин. – Есть, правда, еще один момент, который меня беспокоит. Я понял, что надо делать, когда заполучу нужные манускрипты. Однако неизвестно, позволят ли музейные сотрудники вообще посмотреть на них. У меня ведь нет никаких разрешений для научных работ такого рода.

– У вас нет, – согласился Адам. – К счастью, они есть у меня. Я подготовил для вас рекомендательное письмо, адресованное одному моему знакомому из отдела культуры средних веков. Он специализируется на средневековой картографии и окажет вам необходимое содействие.

Самолет, следовавший двенадцатичасовым рейсом из Эдинбурга, коснулся посадочной полосы Хитроу с опозданием всего в несколько минут. Окрестности Лондона были подернуты легким осенним туманом, розовым от солнца. В пути Адам дал Перегрину прочитать заметку из утреннего “Скоттсмена”: “ЗАГАДОЧНОЕ ОСКВЕРНЕНИЕ МОГИЛЫ В АББАТСТВЕ МЕЛРОУЗ”. Его собственный экземпляр давно уже был вырезан и подшит в папку. Пробежав заметку глазами, Перегрин обменялся со своим наставником восхищенными взглядами. Там не было ни намека на сверхъестественный характер произошедшего. Ноэль Маклеод отлично справился со своей работой.

Поскольку у них была только ручная кладь, им удалось покинуть главный терминал Хитроу относительно быстро, хотя такси пришлось ловить несколько дольше обычного. Да и поездка до Каледонского клуба заняла больше времени, чем рассчитывал Адам, впрочем, швейцар у входа сразу же узнал его и взял на себя заботу об их чемоданах.

Каледонский клуб расположен в двух шагах от Белгрейв-сквер, рядом с Гайд-парк-корнер. Адам любил его больше всех лондонских клубов, членом которых он состоял. К тому же его расположение более всего подходило и ему, и Перегрину. Будь у них больше времени, он бы попросил такси подождать у подъезда, чтобы забросить его в больницу Чаринг-Кросс по дороге в Британский музей, или взял бы другое такси. Однако швейцар сообщил им, что заказать такси сегодня сложно, да они и сами убедились уже в том, что движение по центру Лондона затруднено.

К счастью, его цель располагалась рядом со станцией метро: под землей он мог попасть туда гораздо быстрее, чем по поверхности. Поэтому он попросил водителя высадить его у входа в метро, сунул Перегрину несколько кредиток расплатиться за дорогу и пожелал ему счастливого пути до Британского музея. На коленях у живописца лежал портфель с набросками из Мелроуза и рекомендательным письмом; на прощание Перегрин отсалютовал

поднятым большим пальцем – и такси рвануло с места.

Адам подзабыл, какая толчея может царить в лондонской подземке даже не в час пик. К счастью, когда он сходил с эскалатора, нужный ему поезд уже стоял у платформы. Через шесть остановок он сошел на станции Хаммерсмит и, следуя указателям, поднялся на поверхность у Фуллхем-Пелейс-роуд, рядом с эстакадой. Остановившись, чтобы сориентироваться на местности, он поднял воротник, защищаясь от пронизывающего ветра, и зашагал по улице. Пять минут спустя он уже поднимался по ступеням главного входа больницы Чаринг-Кросс.

В вестибюле он снял плащ. Без него в метро или на улице он смотрелся бы в своем строгом костюме-тройке несколько странно; здесь же такой наряд совершенно естествен. Под прикрытием безликой “униформы” он уверенно прошагал к больничной справочной и удостоверился в том, что отделение педиатрии, как ему и запомнилось, расположено в западном крыле. Короткая беседа с дежурным за стойкой подтвердила, что доктора Огилви в больнице нет: на это он и рассчитывал.

– Мне очень жаль, доктор, – сокрушался дежурный. – Вы, должно быть, разминулись с ней по дороге. Если у вас к ней что-то срочное, вы можете найти ее в детской больнице на Грейт-Ормонд-стрит, приблизительно через полчаса.

Успокоенный, что скорее всего ему не придется иметь дела с лечащим врачом Джиллиан Толбэт, Адам поблагодарил дежурного и направился к эскалаторам в противоположном конце вестибюля. Часы посещения только-только начались, так что он без труда смешался с потоком людей, явно не относившихся к работникам больницы. Он поднялся на второй этаж в окружении полудюжины родителей, спешивших к своим чадам, вместе с ними прошел по коридору в отделение педиатрии и остановился у стойки дежурной медсестры. Вглядевшись в висевший за стойкой список пациентов, он нашел имя “Дж. Толбэт”, вписанное вместе с двумя другими в графу четырехместной палаты в дальнем конце коридора. Так и не задав дежурной сестре ни одного вопроса, он зашагал дальше в надежде познакомиться с пациентом без помех.

Она сидела, вытянувшись, на больничной кровати – хрупкое, ангелоподобное создание с коротко стриженными светлыми выющимися волосами и пухлыми губами; широко открытые небесно-голубые глаза не мигая смотрели в пустую стену справа от двери. Круглое детское личико было совершенно лишено всякого выражения, а маленькие ручки равнодушно лежали на коленях, время от времени бесцельно теребя край одеяла.

С минуту Адам молча наблюдал за ней сквозь открытую дверь: ее состояние нравилось ему все меньше. Потом он заметил руки и обтянутые юбкой колени кого-то, сидевшего справа от кровати. Когда он наконец решился и вошел в палату, сидевшая на стуле у изголовья женщина лет тридцати пяти вздрогнула и поднялась. Ее сходство с лежавшей на кровати девочкой было так велико, что Адам ни мгновения не сомневался в том, что перед ним мать и дочь.

– Добрый день, меня зовут доктор Синклер, – с улыбкой представился Адам. Он небрежно бросил плащ на спинку кровати, шагнул к женщине и протянул руку. – А вы, должно быть, мать Джиллиан.

Взгляд у женщины был напуганный, но когда он осторожно взял ее за руку, она не сделала попытки отдернуть ее, словно зачарованная его пристальным взглядом.

– Да, я... я Айрис Толбэт, доктор, – смущенно кивнула она. – Это... это доктор Огилви просила вас посмотреть Джиллиан?

– Ну... не совсем, – признался Адам. – Но я услышал про ее случай и подумал, что мог бы помочь. – Источник сведений о Джиллиан он на всякий случай опустил. – Видите ли, я специалист-психиатр, и в прошлом мне приходилось иметь дело с подобными случаями.

– Значит, есть еще надежда! – прошептала Айрис Толбэт. – Есть надежда...

– Надежда есть всегда, миссис Толбэт, – утешил ее Адам. – Не буду советовать вам ожидать чуда – всякое бывает, – но по крайней мере могу заверить вас, что сделаю все, чтобы Джиллиан вернулась в свое нормальное, счастливое состояние.

– О, если бы вы только помогли ей... – вздохнула миссис Толбэт, но в голосе ее явственно слышалось отчаяние. – Джиллиан у нас одна, и врачи...

Она едва сдерживала слезы, готовая вот-вот сорваться в истерику, – Адам вряд ли мог поставить ей это в упрек. Однако она явно готова была выслушать все, что он ей скажет, в последней надежде на то, что все не так плохо, как кажется.

Чтобы в этом убедиться, Адаму требовалось провести несколько минут наедине с Джиллиан, а для этого нужно было хоть ненадолго отвлечь внимание ее матери. Подготовительную работу он уже проделал, создав у нее впечатление своей медицинской значимости. Еще небольшое усилие – и он сможет направить события в нужную сторону.

– Почему бы вам не присесть и не рассказать мне обо всем подробнее, миссис Толбэт? – предложил он. Она беспрекословно позволила вновь усадить себя на стул. – Кстати, – добавил он, задерживая отгораживавшие койку занавески, – прежде, чем вы начнете рассказывать, я должен заверить вас, что не нашел ни малейшего изъяна в том, что предпринимала до сих пор для вашей дочери доктор Огилви. Напротив, она проделала все, что делал бы на ее месте я сам. Однако в психиатрической практике встречаются случаи, когда возможности традиционной медицины ограничены. Я надеюсь преодолеть эту ограниченность.

Он остановился рядом с ней, как бы невзначай достал из жилетного кармана часы и оставил их покачиваться на золотой цепочке. Солнечные блики ритмично вспыхивали на золотой поверхности. Как и рассчитывал Адам, взгляд миссис Толбэт мгновенно остановился на них.

– Расскажите мне, что случилось, миссис Толбэт, – мягко предложил он. – Когда вы впервые заметили, что с Джиллиан что-то не так?

– Вчера утром, – ответила миссис Толбэт, не отрывая взгляда от покачивающихся часов. – Мы с мужем пытались разбудить ее в школу, а она... она не проснулась.

– И вы вызвали врача, верно? – пробормотал Адам. – После чего ее привезли сюда.

Миссис Толбэт кивнула; взгляд ее сделался чуть рассеянным, голос – более ровным и певчим.

– Они сказали, что ребенок в коме. Они тоже не смогли разбудить ее. Ну... они сделали разные анализы. А потом, в середине дня, она очнулась... но это была уже не она...

– В каком смысле “не она”? – спросил Адам, немного приподнимая часы, чтобы ей пришлось поднять взгляд следом за ними.

– Она... она просто лежала... и смотрела в потолок. Так, словно нас вовсе не слышит. Мы не можем достучаться до нее. Доктор Огилви сказала, это называется агу... аутизм.

– Кажется, я понимаю, – негромко пробормотал Адам, мягко положив руку ей на плечо, но так и не убрав часы. – Вы ведь очень, очень устали, правда?

Она сонно кивнула и чуть покачнулась под его рукой.

– Так устали, – продолжал он, – кто упрекнет вас в этом? Я вижу, вы были слишком расстроены, чтобы спать. Почему бы вам не вздремнуть прямо здесь? Не будет никакого вреда, если вы отдохнете несколько минут. Я позову вас, если вы будете нужны дочери. Это так естественно – чуть-чуть отдохнуть...

Он продолжал говорить, не повышая голоса, и понемногу веки ее начали смежаться. Не прошло и минуты, как она, крепко зажмурившись, погрузилась в гипнотический сон.

Прежде чем убрать часы в карман, Адам засек время. Потом он оглянулся на задернутые занавески и, склонив голову набок, прислушался к окружающим звукам. Казалось бы, все спокойно, но все равно – времени на выполнение стоявшей перед ним задачи оставалось в обрез. Часы посещения не могли тянуться до бесконечности – как знать, не взбредет ли в голову какой-нибудь любопытной медсестре проверить, почему занавески задернуты.

Повернувшись к матери девочки спиной так, чтобы заслонить ей поле зрения на случай, если она выйдет из транса раньше времени, Адам взял Джиллиан Толбэт за хрупкую ручку. Второй рукой, положенной ей на лоб, он мягко уложил девочку на подушку.

Она не сопротивлялась – даже тогда, когда он провел кончиками пальцев по ее векам, придерживая их до тех пор, пока глаза ее не закрылись. Поскольку в его распоряжении было немного времени и он не имел ни малейшего представления о том, когда кто-нибудь войдет к ним, он использовал стандартный способ защиты, очертив вокруг себя и своей пациентки магический круг и пробормотав несколько соответствующих ритуальных фраз. Покончив с этим, Адам прикинул сценарий своих действий в случае постороннего вмешательства, прижал пальцы к запястью Джиллиан, словно проверяя ее пульс, и еще раз склонился над зажатými в руке часами. Однако глаза его были крепко зажмурены – началась настоящая работа.

Один-единственный глубокий вдох погрузил его в чуткий к окружению транс. Осторожно, словно человек, пробирающийся по шаткому мосту, он вывел свою душу из телесной оболочки и проник во внутренний мир Джиллиан. Он ожидал сильных впечатлений от столь краткого путешествия – но он словно шагнул из ярко освещенной комнаты в мир хаоса.

Окружавшая его картина напоминала пейзаж после разрушительного землетрясения: растрескавшаяся земля и нагромождение обломков. Где-то вдалеке Адам разглядел нечто, что могло быть раньше строениями, но ныне превратилось в руины. Когда он осторожно двинулся вперед, глубоко под ногами вновь раздалось низкое рычание подземного толчка. Мгновение спустя землю расколола новая трещина.

Окружавший его пейзаж разваливался на глазах. Целые пласты земли осыпались и проваливались, оставляя безобразные шрамы. Он покинул ненадежную землю и воспарил над ней, с нарастающей тревогой оглядывая окрестности. Степень психического разрушения потрясала. За все годы своей активной деятельности во Внутренних Мирах ему не приходилось видеть такого полного распада личности.

Повсюду вокруг него мелькали тучи психических обломков – мыслей, воспоминаний, фрагментов всего того, что составляет личность. Казалось, будто на комнату, полную кусков разных мозаик, налетел смерч, смешал их все и унес в воздух в неопишемом беспорядке.

Тут были все элементы, в совокупности составлявшие личность Джиллиан Толбэт, – элементы, принадлежавшие Майклу Скотту и, без сомнения, многим другим. Возможно, рано или поздно кому-нибудь и удалось бы рассортировать все эти кусочки и сложить мозаики в нужном порядке, восстановив маски. Но для этого требовалось время. Пока же Адаму пришлось констатировать, что установить хоть какой-то контакт с Майклом Скоттом в ближайшем будущем невозможно – а это, в свою очередь, означало, что распутать клубок проблем, связанных с инцидентом в Мелроузе, теперь можно только с помощью Перегрина. Удастся ли при этом восстановить ущерб, нанесенный Джиллиан Толбэт, – совсем другое дело.

Адам как раз начал возвращаться из транса в свое тело, когда занавески резко распахнулись. Стараясь внешне не проявлять беспокойства, он выждал еще несколько секунд и только потом спокойно повернулся к медсестре, стоявшей в дверях. На лице ее было написано крайнее неодобрение.

– Эй, что это вы там делаете? – спросила она, переводя взгляд с Адама на ничего не понимающую миссис Толбэт и обратно.

Все с тем же невозмутимым видом Адам спрятал часы в жилетный карман и достал из внутреннего кармана пиджака несколько визитных карточек.

– Вам не о чем беспокоиться, – произнес он, протягивая карточку сестре. – Миссис Толбэт попросила меня осмотреть ее дочь. Я согласился перевести Джиллиан в больницу, где я веду обычную практику, в случае, если ее состояние через пару недель не улучшится. – Он вынул ручку с золотым пером, написал на другой карточке номер и протянул миссис Толбэт.

– По этому номеру, миссис Толбэт, вам в любой час подскажут, где меня найти, – продолжал он, вкладывая карточку женщине в руку и сжимая ей пальцы, – гипноз еще продолжал оказывать свое действие, и он пользовался этим для нового внушения. – Прошу вас, если вам снова понадобится моя помощь, звоните – без стеснения.

Миссис Толбэт вяло кивнула; вид у нее все еще был не совсем проснувшийся. Сестра тем временем прочитала написанное на карточке; ее глаза при виде перечня медицинских регалий расширились.

– Сэр Адам Синклер, член Королевской... Прошу прощения, сэр Адам, – извиняющимся тоном выдохнула она, оторвав взгляд от визитки. – Доктор Огилви не предупреждала, что вы собирались посмотреть Джиллиан. Когда я увидела задернутые занавески...

– Виноват, мне следовало оставить запись в регистратуре, – возразил он, наклоняясь, чтобы пожать на прощание руку миссис Толбэт. – Меня ждут в другом месте, так что мне пора, но обещаю вам перед уходом просмотреть медицинскую карту Джиллиан. И я повторяю совершенно серьезно: если ее состояние не улучшится, не стесняйтесь, звоните мне.

– Хорошо... позвоню, – кивнула миссис Толбэт.

– Смелая леди, – одобрительно прошептал он, еще раз пожав ей руку, забрал со спинки кровати свой плащ и вышел, пригласив сестру жестом за собой.

– Мне хотелось бы посмотреть ее карту.

В ординаторской Адаму удалось незаметно забрать у медсестры свою визитку, когда та положила ее на стол рядом с картой Джиллиан.

Однако изучение карты мало что добавило к тому, что он и так знал. Все анализы крови не показывали отклонения от нормы, нейрологические и прочие тесты – тоже. Все было в норме – если не считать того, что состояние, в котором находилась Джиллиан Толбэт, назвать нормой нельзя было никак. И в ту минуту на том самом месте Адам Синклер поклялся отыскать ответственных за это и предать их своему суду – если только прежде этого не сделает за него Судьба.

Глава 14

Тем временем Перегрин, расставшийся на время с Адамом, пребывал в состоянии с трудом сдерживаемого возбуждения. Пока такси ползло по Парк-Лейн и потом направо – по Оксфорд-стрит, он нетерпеливо барабанил пальцами по подлокотнику кресла и рассеянно смотрел в окно на людей, заполонивших тротуары. Тяжелый от выхлопных газов воздух щипал ему ноздри. В общем, он перевел дух только тогда, когда машина свернула на примыкающие к музею тихие улочки.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы в самом музее тоже было тихо. Перегрин вышел из такси и оказался среди толпы входящих и выходящих посетителей. Уже в вестибюле он заблудился в стайке одетых в форму школьников, и ему пришлось ждать, пока их учитель справлялся у администратора, как им попасть на выставку античной скульптуры. Пока группа с шумом удалялась по коридору, Перегрин думал, что если народу в отделе манускриптов будет хоть в половину столько же, сколько в остальной части музея, то ему будет весьма непросто выполнить свою миссию, не привлекая к себе внимания посторонних.

Предъявляя письмо Адама, он почти ожидал, что его задержат и допросят с пристрастием, однако женщина в форменном костюме, сидевшая за стойкой, лишь вежливо кивнула и сняла трубку со стоявшего перед ней телефона. Коротко переговорив с кем-то, она повернулась к Перегрину, улыбнулась и сказала, что мистер Роули сейчас выйдет, чтобы встретить его.

Питер Роули оказался коренастым коротышкой с остроконечным клочком волос на лысой голове. Глаза его смотрели сквозь линзы старомодных очков на редкость настороженно, однако, ознакомившись с рекомендательным письмом от Адама, он протянул руку, всем своим видом изображая готовность оказать любую посильную помощь.

– Вы не первый, кто приехал специально за тем, чтобы ознакомиться с “Brevis Descriptio”, – сообщил он. – Но если уж сэр Адам счел вас достойным помогать ему, полагаю, вы извлечете из него больше пользы, чем остальные. Давайте пройдем ко мне в кабинет.

Кабинет Роули располагался глубоко в недрах музейных подземелий.

– Этому месту цены нет, – заметил Роули, пока они пробирались по замысловатому лабиринту коридоров. – Тут ведь как: если ты хочешь добиться чего-то стоящего, тебе придется спрятаться от посетителей как можно дальше. Вот мы и пришли.

Он отворил дверь, на которой красовалась табличка с его именем, и пригласил Перегрин в маленькую, тесную комнатку, сплошь уставленную полками и стеллажами, забитыми до отказа. В углу, относительно свободном от всего этого академического хлама, за клавиатурой древнего компьютера сидела седая секретарша; она вопросительно посмотрела на Перегрин.

– Миссис Трейл, это мистер Ловэт из Эдинбурга, – объяснил ей Роули. – Ему надо поработать с номером двести тридцать девять из Д-два. Будьте добры, принесите его нам. Да, и еще чаю, пожалуйста.

Он провел Перегрин в следующую дверь, за которой обнаружился кабинет побольше, хотя захламленный в неменьшей степени.

– Мне кажется, лучше знакомиться с манускриптом в таком месте, где вам не будут мешать, – заметил Роули. – Через полчаса у меня лекция в соседнем университете, так что можете в мое отсутствие использовать мою берлогу по своему усмотрению.

Взгляды их встретились; в короткое мгновение Перегрин увидел несколько образов, как бы накладывавшихся на лицо его собеседника. Вне сомнения, у Адама был не один повод посылать его к Роули.

– Вы чрезвычайно добры, сэр, – без колебаний ответил он – Видите ли, я не слишком хорошо знаком с музеем и как раз беспокоился, смогу ли найти тихое место для работы.

Секретарша принесла затребованный манускрипт, а еще через минуту вернулась, неся в руках нагруженный поднос. Роули успел выпить чашку чая и наскоро обучить Перегрин правилам обращения с историческими документами. Потом он бросил взгляд на часы и принялся поспешно запихивать бумаги в потрепанную папку.

– Боже праведный, и куда только девается время? Я должен быть на месте уже через пять минут. Я буду самое позднее через час, – добавил он, задерживаясь у двери, чтобы накинуть плащ и взять с вешалки шляпу. – Если вам что-то понадобится, миссис Трейл окажет вам необходимую помощь.

Оставшись в одиночестве, Перегрин открыл свой портфель и достал наброски, сделанные в Мелроузе. Он аккуратно положил их на стол рядом с манускриптом, содержащим “Brevis Descriptio”, потом откинулся на спинку кресла и еще раз припомнил инструкции, которые дал ему Адам. Сердце художника билось от охватившего его возбуждения. Он вдруг подумал, что похожие ощущения должен испытывать идущий на дело преступник.

Ради Бога, идиот , сердито одернул он себя. *Ты же не банк грабишь, ты просто ищешь информацию!*

Он взял себя в руки и начал дышать по отработанной схеме, успокаивая сердцебиение. Постепенно ситуация, в которой он находился, перестала казаться странной. Перегрин неожиданно ощутил полное спокойствие и ясность мысли, словно шел по хорошо знакомой тропе.

Он ощущал в себе готовность управлять всеми своими способностями – такого он за собой до сих пор не замечал. Не задумываясь, он положил левую руку вниз ладонью на стопку набросков. Правой рукой он разгладил страницу лежавшего перед ним фолианта и принялся ее внимательно изучать.

Указательным пальцем он просканировал манускрипт от первой до последней страницы. Поначалу средневековая рукопись показалась ему причудливым нагромождением закорючек, клякс и наползающих друг на друга страниц. Однако когда он перевернул книгу, чтобы начать все сначала, то обнаружил, что разбирает слова без особого труда. Сосредоточившись еще сильнее, он принялся за чтение.

Всего часом раньше он удивился бы тому, насколько легко дается ему латынь

тринадцатого века. Теперь же он почти без усилия переводил строку за строкой. Автор “Brevis Descriptio” начал свое повествование о шотландских провинциях, названных древними именами, с пограничных областей Тевиота и Лотиана. Перегрин не нашел в них ни малейшего намека на резонанс и продолжил чтение.

“Postea est terra de Fif in qua est burgus Sancti Andree et castrum de Locres...” – “Далее следуют земли Файфа, а на землях сих – город Сент-Эндрю и замок Локерс, сиречь Лейшарс...”

Подобные же разделы автор посвятил провинции Энгус и Грампианским горам, известным автору как Ле Маунт.

Забыв о времени, Перегрин читал описания городов восточного побережья – Абердина и Элгина – до тех пор, пока не дошел до нового раздела. Следующее предложение начиналось по той же схеме, что и в предыдущих разделах: “Et postea est terra de Ross...” Стоило Перегрину дойти до слова “Росс”, он ощутил покалывание в ладони левой руки – которая лежала на рисунках так, как заставил его сделать Майкл Скотт.

Он вернул указательный палец на географическое название; покалывание в ладони сделалось сильнее. В то мгновение, когда он отнял руку от набросков, оно резко оборвалось и возобновилось, когда он восстановил контакт.

“Вот оно! – торжествующе подумал Перегрин. – Замок Скотта должен находиться где-то в древнем королевстве Росс!”

Он сдвинул брови, стараясь вспомнить все, что знал о средневековой Шотландии. Если память ему не изменяла, королевство Росс занимало обширные земли от Лох-Несса на юге и до гор Сандерленда на севере – немалую территорию.

Перегрин вздохнул и покачал головой.

“Если бы только в этой книге была карта, чтобы использовать ее вместе с текстом”, – подумал он.

Разумеется, никакой карты в книге не было, однако эта мысль навела его на новые рассуждения.

– Интересно, какая самая древняя карта Шотландии сохранилась до наших дней? – произнес он вслух.

– Если вы готовы считать Великобританию единым целым, – послышался от двери голос Роули, – то самые древние экземпляры в нашем собрании датированы тринадцатым веком. Ну конечно, это картографические рисунки – до карт в современном понимании им далеко.

Перегрин вздрогнул и поднял взгляд.

– Прошу прощения... я думал, вы слышали, как я вошел, – улыбнулся Роули. – Ну как, нашли то, что искали? – добавил он, махнув рукой в сторону “Brevis Description”.

– Пожалуй, нашел, – кивнул Перегрин. – По крайней мере отчасти. Впрочем, вопросов пока все равно больше, чем ответов. – Он помолчал, поправляя очки. – Скажите, а можно посмотреть на те карты, о которых вы говорили?

Роули пожал плечами:

– Почему бы и нет? Но должен предупредить вас: в том, что касается Шотландии, они чертовски неточны. Их создатель, Мэттью Пэрис, был англичанин, монах ордена Святого Олбена. Судя по всему, его познания в шотландской географии ограничивались регионами к югу от реки Тэй.

– Если можно, я хотел бы на них взглянуть, – сказал Перегрин. – А что у вас есть точнее?

– Дайте подумать... – Роули прикусил губу и уставился в пространство над головой Перегрина. – Самый ранний экземпляр – “Лендсдаун двести четыре”, безымянная карта некоего Джона Хардинга, ориентировочно датируемая тысяча четыреста пятьдесят седьмым годом. Впрочем, как карта она недалеко ушла от изделий Пэриса – так, иллюстрированная схема, – зато на ней нанесено примерно пятьдесят населенных пунктов. Потом есть еще собрание карт шестнадцатого века разных авторов. Вас интересуют печатные карты или

только оригинальные манускрипты?

– Мне интересно было бы посмотреть на все, что датировано самое позднее шестнадцатым веком, – ответил Перегрин. – Разумеется, если это не слишком сложно.

– Ну, некоторое время это, конечно, займет, – улыбнулся Роули, приподняв кустистую бровь. – Как вам подобрать? В хронологическом порядке?

– Ну, это уж вам как специалисту виднее, – улыбнулся в ответ Перегрин.

– Значит, так и сделаем. – Роули высунул голову обратно в проходной кабинет. – Миссис Трейл, не уделите нам минутку? Мне нужно, чтобы вы нашли еще несколько экземпляров...

На протяжении двух следующих часов они вдвоем перерыли целую кипу старинных карт, сосредоточившись на изображениях района древнего королевства Росс. Поначалу Перегрин стеснялся демонстрировать Роули свой несколько эксцентричный способ исследования. В то же время другого выхода у него просто не было. Он ожидал, что после первой же попытки Роули спросит, что он такое делает. Однако музейный эксперт, напротив, воспринял ситуацию как должное, из чего следовало, что он уже не впервые сталкивается с чем-то подобным.

Спокойная реакция Роули ободрила Перегрин, что, в свою очередь, облегчило ему работу. Увы, работа принесла не слишком много результатов. Часть принесенных карт оказалась морскими, показывавшими только прибрежную полосу. Остальные страдали недостаточной точностью и слабой детализировкой. Когда часы в секретарском кабинете пробили шесть, Перегрин вынужден был смириться с тем, что дальнейшие изыскания не добавят к его познаниям ничего.

Он допил почти остывший чай уже из третьей чашки, вздохнул и откинулся на спинку кресла. Наблюдавший за ним Роули сочувственно кивнул.

– Я знаю, каково вам сейчас, – философски заметил он. – Мой опыт говорит о том, что из всего времени, потраченного на изыскания, десять процентов приходится на настоящие открытия, а остальное – псу под хвост. – Он вопросительно склонил голову набок. – Ну что, хотите продолжать?

Перегрин повел затекшими плечами и мотнул головой.

– Спасибо за предложение, пожалуй, нет. Если после всех этих поисков я не нашел ничего нового, то думаю, ничего больше и не найду – во всяком случае, в этих источниках. – Он невесело улыбнулся своему собеседнику. – Мне, наверное, лучше всего ехать, да и вас я уже задерживаю. Как бы то ни было, огромное спасибо за помощь.

– Не за что, – ответил Роули. – Вы только передайте мое почтение Адаму. – Он подождал, пока Перегрин не убрал в портфель свои наброски, и протянул ему руку. – Не стесняйтесь, звоните, если вам еще понадобится моя помощь.

Они обменялись рукопожатиями, и тут в проходном кабинете громко зазвонил телефон, избавив Перегрин от подобающих случаю фраз. Секунду спустя в дверь осторожно просунула голову секретарша Роули.

– Мистер Роули, это вас: доктор Миддлтон.

– А! – произнес Роули и потянулся к стоявшему на столе телефону.

– Вы говорите, сэр. – Перегрин поднял руку в прощальном жесте. – Я отдам эти карты вашей секретарше и сам найду дорогу к выходу. Еще раз спасибо.

Роули кивнул ему и помахал рукой, затем снял трубку. Пока Перегрин пробирался к миссис Трейл и отдавал ей документы, до него продолжали доноситься обрывки разговора.

– Хелло, Уильям! Ну, как там ваша конференция по Северному нагорью? Да? Неужели? Что ж, жаль, жаль. А ведь там должен был быть и Ребурн, так ведь? В конце концов, у него к Инвернессу не только научный, но и деловой интерес...

К своему удивлению, Перегрин сообразил, что невольно подслушивает, и мысленно обругал себя.

“О чем бы они там ни говорили, тебя это не касается”, убеждал он себя, шагая к выходу.

Странное дело – обрывки разговора продолжали вертеться у него в голове еще долгое время после того, как он покинул здание музея.

Впрочем, когда он, поймав такси, вернулся в Каледонский клуб, он совершенно забыл об этом происшествии. В гостиной он обнаружил Адама, который сидел в кресле у лестницы и задумчиво потягивал виски. При виде Перегрин он поднял взгляд и отсалютовал стаканом, приглашая составить ему компанию.

– Здрасьте, – выдохнул Перегрин, бросив портфель на диванчик рядом с Адамом и скинув плащ. – Надеюсь, я не заставил вас долго ждать?

– Ничуть, – откликнулся Адам. – Я и сам только что вернулся. Повезло вам в музее?

– Боюсь, что весьма относительно, – признался Перегрин. – Я поработал с “Brevis Descriptio” и сумел сузить интересующий нас район до границ королевства Росс. Но мне с теми материалами, что были доступны, большего добиться не удалось. – Он вздохнул и поморщился. – Большинство карт, которые показал мне Роули, оказались копиями. Возможно, мне повезло бы больше, если бы у меня был доступ к оригиналам...

– Не торопитесь недооценивать свои успехи, – сказал Адам. – Росс уже значительно сужает границы поисков. Вы снабдили нас ориентиром, который может оказаться жизненно важным – это еще мягко говоря, ибо других сегодня у нас просто нет.

Перегрин выразил удивление.

– Я видел эту девочку Толбэт, – поспешил объяснить Адам. – Она и в самом деле та, кого мы искали. К сожалению, информация, которую мы хотели получить, на сегодняшний день совершенно недоступна.

– Почему? Что случилось?

– То, как призывали дух Скотта в Мелроузе, как с ним обращались, имело куда более разрушительные последствия, чем я предполагал, – прямо сказал Адам. – Это полное разрушение личности. На всех уровнях.

– Но разве она не вышла из комы? – спросил Перегрин.

Адам позволил себе устало улыбнуться, мотнул головой и прижался лбом к холодному стеклу стакана.

– Если бы все было так просто, Перегрин, – пробормотал он. – В медицинском смысле девочка находится в сознании, но почти в кататонии. Это классические реакции аутизма – точнее, отсутствие реакций. Нет, ее личность разрушена на всех уровнях. Я знаю точно. Я там был.

Перегрин в замешательстве нахмурился – да и вид изможденного Адама вызывал у него жалость, – но прежде чем он успел задать новый вопрос, официант принес виски. Он рассеянно поблагодарил его, механически отпил, встрепенулся и с уважением посмотрел на стакан.

– Ого! – заметил он, любясь игрой света в янтарном напитке. – Чистый ячменный?

– “Мак-Аллан”, – кивнул Адам. – Так вы хотели что-то спросить?

Перегрин сделал еще глоток и кивнул, покачивая стаканом.

– Вы сказали, ее личность разрушена – но разве личность Майкла Скотта, с которой мы имели дело, не является самостоятельной?

– Да, но не забывайте, что я сравнивал личности последующих воплощений с масками, – ответил Адам, слегка понизив голос: их беседа приобрела слишком специфический характер. – *Дух* есть воплощение непреходящего, бессмертного – того, что носит маску каждой последующей инкарнации. Однако чистый дух, если только он не достиг исключительного совершенства, не может общаться с людьми во плоти иначе как посредством данной ему маски – нынешней или одной из предыдущих. Я вынужден констатировать, что все маски, в которые воплощался когда-либо дух, ныне занимающий тело по имени Джиллиан Толбэт, разрушены – включая маску Майкла Скотта. До тех пор пока по меньшей мере эта маска не будет вновь собрана воедино, мы не сможем получить никакой новой информации о Майкле Скотте.

Глаза Перегрин за стеклами очков изумленно округлились.

– Неужели вы ничего не можете сделать, чтобы это исправить?
– В ближайшее время ничего, – вздохнул Адам. – Я предложил перевести Джиллиан ко мне в качестве моего личного пациента. Если ее родители решатся воспользоваться моими услугами, шансы на успех еще остаются. В противном случае...

Он пожал плечами и сделал большой глоток из своего стакана. Взгляд Перегринна посуровел.

– Те, кто в этом виноват, – произнес он, помолчав, – это те, кто раскопал могилу в аббатстве, так ведь? Те, кого я рисовал?

Адам угрюмо кивнул. Художник чуть подался вперед.

– Раз так, Адам, мы должны найти их, – прошептал он. – Такое никак нельзя простить!

Адам снова кивнул:

– Вот и я так считаю.

– Тогда, что нам делать дальше? – спросил Перегринн.

– Что касается сегодняшнего вечера – как следует пообедать и лечь спать пораньше. А завтра утром я предлагаю нанести визит в Шотландское географическое общество, правление которого – как бы нелогично это ни звучало – размещается здесь, в Лондоне.

Перегринн нахмурился:

– Вы думаете, у них найдутся документы, которых нет у Роули в Британском музее?

– У них собраны самые разные документы, – ответил Адам. – Во всяком случае, такие, из которых мы узнаем о древнем королевстве Росс все, что возможно на сегодняшний день.

Глава 15

Меньше чем через сутки на острове Скай, в замке, на протяжении семи веков служившем родовым гнездом клана Маклеодов, нынешний Маклеод как раз посвящал очередную группу туристов в славную историю клана. Сам Финли Маклеод не был главой клана, но гордился тем, что входил в число самых близких сподвижников главы – в старые времена его должность называли бы ординарцем.

В наши дни ординарцы редко носят оружие – разве что в самых торжественных случаях, – однако Финли доводилось брать за оружие по приказу своего господина – это было в годы Второй мировой войны. До сих пор в его колене засел осколок немецкого снаряда, так что в сырую погоду ему приходилось ходить, опираясь на трость.

В последние годы Финли и его жена вышли на пенсию и работали теперь смотрителями замка, помогая по хозяйству во время приездов главы клана в свою резиденцию. На протяжении туристского сезона они также подрабатывали в качестве гидов, особенно ближе к осени, когда нанятые на лето сотрудники разъезжались по домам, а число посетителей редело. В этот день Маргарет сидела за стойкой при входе, а Финли находился в гостиной. Глава же пребывал в Америке, на одном из съездов шотландских кланов. Его ждали домой на следующей неделе.

Когда в гостиную начали заходить посетители из следующей группы, Финли перебрался на свое обычное место рядом с эркером и смахнул несуществующую пыль с крышки безендорфского рояля. В предыдущей группе большинство составляли японцы с дорогими фото- и видеокамерами, но с весьма зачаточными познаниями в английском. Вновь прибывшие представляли собой обычную смесь западноевропейцев, в основном англичан и шотландцев; впрочем, американцев тоже хватало.

Финли любил свою работу. Ему нравилось общаться с людьми, нравилось угадывать происхождение того или иного посетителя, особенно если это удавалось ему прежде, чем тот выдавал себя произношением. За несколько лет он научился, например, почти безошибочно отличать американцев по их одежде: те, что постарше, одевались в новенькие лондонские плащи с шарфами в клетку; молодые же предпочитали кроссовки, рюкзаки и стеганые куртки-пуховики.

Финли нравились американцы, даже несмотря на то, что некоторые из них были, по

местным меркам, слишком шумны и бесцеремонны. Многие приезжали сюда в поисках своих корней – собственно, именно поэтому работающие в замке носили тот или иной предмет клановых цветов Маклеодов. Маргарет и две другие женщины, например, щеголяли сегодня яркими желто-черными бантами под названием “Громкий Маклеод”, приколотыми к плечу традиционными серебряными булавками с украшениями из дымчатого топаза или агата.

Сам Финли предпочитал зеленый тартан, известный как Маклеоды из Маклеодов. Он обратил внимание на то, что многие посетители из последней группы носят галстуки или шарфы этой расцветки. Стоило одному из них ожидающе посмотреть в его сторону, как Финли осторожно прокашлялся и заложил руки за спину, приготовившись к обычной процедуре.

– Добрый день, леди и джентльмены. От имени нашего вождя рад приветствовать вас в замке Данвеган. Мы с вами стоим сейчас в гостиной – одном из самых древних помещений замка. Глядя на отделку георгианской эпохи, в его возраст не очень чтобы верится, но стоит вам пройти вот в эту дверь и свернуть за угол, – он махнул рукой влево, – как вы сможете заглянуть в старую темницу-“бутылку”, а уж ее вряд ли отнесешь ко временам Георга. Не буду занимать ваше время байками про вещи, о которых вы и сами можете в путеводителе прочитать, но буду рад показать вам на самое, быть может, ценное сокровище клана Маклеодов, что в этой самой комнате и хранится: *am Bratach Sith*, Знамя Фейри.

Он ткнул пальцем в стену между двумя обращенными к морю окнами – и взгляды всех присутствующих тотчас обратились к висящей на ней старинной раме, впечатляющему изделию из позолоченного дерева, приблизительно трех футов в ширину и четырех в высоту.

Само знамя представляло собой полуистлевшую, пожелтевшую от времени паутину, на которой сохранились лоскутки коричневого и алого шитья. Чтобы предотвратить дальнейшее тление, знамя хранилось под стеклом на подкладке из серого холста. Рама занавешивалась тяжелыми портьерами темно-оранжевого цвета; еще одна полоса такой же ткани скрывала раздвигающий их механизм. Как праведный пресвитерианин, Финли был бы глубоко уязвлен одним лишь намеком на святотатство, хотя не находил совершенно ничего странного в том, что выставленный флаг весьма и весьма напоминал церковную святыню.

– Что до того, как Знамя Фейри попало к Маклеодам, говорят разное, – продолжал Финли; голос его понизился почти до благоговейного шепота, а посетители подтянулись посмотреть на флаг поближе. – Кто-то из историков верит, будто это всего только боевое знамя Харальда Хардрады, захваченное у него в битве при Стамфорд-Бридж и доставленное в Скуа. Другие говорят, будто это сарацинский флаг, захваченный в Крестовых походах и привезенный из Святой Земли.

Кое-кто из посетителей согласно закивал: та часть рисунка, которую можно было еще разглядеть сквозь стекло на полуистлевшей ткани, напоминала восточные узоры.

– И все же Маклеоды держатся того, что происхождением Знамя не с этого мира, – продолжал Финли, – но что это подарок фейри своему возлюбленному, главе клана Маклеодов. Сказано, что его преемники смогут еще трижды развернуть это знамя, когда клан попадет в беду, – и тогда фейри придут им на помощь. Легенды говорят, что его уже разворачивали дважды и что фейри являлись, так что можете представить, как осторожно каждый новый вождь должен решать, ему ли разворачивать Знамя в третий и последний раз.

– Ерунда какая! – буркнул откуда-то из задних рядов мужской голос, на что тут же ответил другой, женский:

– Заткнись, Джордж! Я хочу услышать, как фейри сделали такой подарок.

Финли терпеливо улыбнулся. Пообщавшись с публикой почти четверть века, он давно уже научился справляться с такими ситуациями.

– Как оно бывает со старыми преданиями, историй о том, как так вышло, что фейри подарили нам флаг, тоже несколько. Что до меня, мне больше всего по душе та, что рассказывает, как глава клана Маклеодов влюбился в одну хорошенькую фейри, а она – в него. И хоть обе семьи противились их браку, все ж им пришлось уступить – с одним только

условием, что фейри останется со своим мужем всего лишь на год или до тех пор, пока не родит ему наследника.

Ну, глава клана и его подруга-фейри, они были и этому рады, и как раз на исходе года родила она ему сына. А потом пришел ей черед возвращаться к своему народу – аккуратно по Мосту Фейри, что и поныне можно видеть к северу от замка.

А в замке устроили праздник по поводу рождения наследника. Нянька оставила его спать в башне – вы там уже были, – а сама пошла танцевать. Ну, так уж вышло, что младенец сбросил свои пеленки и давай реветь. Нянька его не услышала, а вот мать – сразу. И такова была ее любовь к сыну, что она вернулась по Мосту Фейри утешить его да завернула в свою шаль, чтоб обогреть. Она ушла прежде, чем вернулась нянька, но уж откудова шаль взялась, это всем было ясно. Вот так оно и вышло, что клан Маклеодов заполучил Знамя Фейри... если верить преданию, конечно.

Его рассказ вызвал кое у кого из посетителей ожидаемый смешок, а американцы придвинулись к деревянной раме еще ближе, чтобы как следует рассмотреть знамя. С ними за руку подошел мальчик лет десяти.

– Извините, сэр, – нерешительно пробормотал он. – Но сами-то вы ведь не верите в то, что этот флаг подарен фейри, ведь нет?

Финли наклонился к нему и нахмурился.

– Что, ты не веришь в фейри, парень? – спросил он. Мальчик все так же нерешительно пожал плечами. Финли кивнул:

– Понятно. Ну, не мое это дело говорить, кому и во что верить, но одно скажу. Знамя Фейри, откудова бы оно ни взялось, хранит клан Маклеодов. Во Вторую Мировую многие из молодых Маклеодов носили с собой фотокарточку Знамени Фейри на удачу. И знаешь что? Все до одного вернулись домой.

Глаза у мальчика сделались большими-большими от удивления; это произвело впечатление даже на его родителей.

– Это правда? – спросил отец.

Финли с улыбкой полез в карман, не спеша достал бумажник, а из внутреннего кармашка бумажника извлек пожелтевшую, с обтрепанными краями фотографию Знамени.

– *Меня* моя карточка домой вернула, – негромко произнес он, показывая ее всем. – Вот почему я считаю большой для себя честью охранять Знамя. – Он махнул рукой через плечо и осторожно убрал фотографию на место. – Хотите верьте, хотите нет, только что до меня – я *знаю*, что Знамя это подарили нам фейри.

Эта фраза, как всегда, послужила сигналом к окончанию беседы; бросив на Знамя последний взгляд, троица направилась к выходу следом за остальными. Их место заняли другие, однако по мере приближения к закрытию количество людей неуклонно уменьшалось. Покосившись на часы, Финли убедился, что Маргарет уже пятнадцать минут как пропустила последних на сегодня посетителей.

Часы над камином пробили пять. Финли услышал в гостиную шаги последней группы и встретил их у дверей вежливо, но так, чтобы у них не возникло желания слишком задерживаться. Они осмотрели темницу, потом еще два выставочных зала и в конце концов спустились в вестибюль к магазину сувениров.

Теперь до Финли доносился снизу лишь приглушенный шум голосов, но и тот стих, когда за ними закрылась входная дверь. Удостоверившись, что последний посетитель покинул замок, Финли не спеша обошел гостиную еще раз, проверил, все ли на месте, и, обойдя рояль, запер окно в левом эркере. Лет пятьдесят назад после серьезного пожара в замке на стену здания повесили стальную пожарную лестницу, спускавшуюся на оружейный двор, – давным-давно здесь размещалась артиллерийская батарея, которая защищала замок Данвеган от нападения с моря. Нормы пожарной безопасности требовали держать запасной выход открытым в часы посещения, однако на ночь его всегда запирали от грабителей. Ну, разумеется, тем пришлось бы сперва одолеть стены замка...

Как бы то ни было, за несколько десятков лет у Финли Маклеода вошло в привычку

проверять все запоры на окнах, так что он почти механически задвинул щеколду и задернул шторы эркера.

Впрочем, Знамя Фейри требовало совсем другого, сознательного обращения. Придвинувшись к стеклу почти вплотную, старый Финли выпрямился по стойке “смирно” и вскинул правую руку в четком армейском салюте. Прежде чем опустить ее, он постоял немного, вспоминая пожелтевшую фотографию в бумажнике.

Прежде чем задернуть на ночь тяжелые портьеры, защищавшие Знамя от света, пока замок закрыт, он поцеловал кончики пальцев и осторожно коснулся ими правого нижнего угла рамы. Многолетнее поклонение Финли оставило след: позолота в этом месте чуть стерлась; он улыбнулся и задернул бархат. У выхода он в последний раз оглянулся, выключил свет и спустился в вестибюль.

Маргарет еще сидела за стойкой билетера и подсчитывала дневную выручку. При виде него она улыбнулась, подмигнула и предостерегающе подняла палец, чтобы он не сбил ее со счета. Финли кивнул в ответ и направился к ближней скамейке. Однако не успел он сесть, как в дверь вдруг постучали.

– Эй, есть здесь кто-нибудь? – послышался из-за двери женский голос. – Пожалуйста, откройте мне на минутку!

В голосе звучало отчаяние. Жена Финли посмотрела на него поверх очков.

– Похоже, кто-то что-то забыл, – сказала она, чуть нахмурившись. – Посмотри, что ей нужно.

– Угу, – буркнул Финли и, прихрамывая, пошел к двери.

Стучавшая в дверь оказалась молодой женщиной – он смутно припоминал ее среди посетителей последнего часа, – неброская внешность, невыразительный костюм из коричневого твида. Собственно, он бы и вовсе ее не вспомнил, если бы не произношение – без малейшего следа какого-либо акцента. Он еще решил про себя, что она, должно быть, из Канады... или американка. Секретарша, наверное, или медсестра.

Скорее секретарша, подумал он теперь, глядя на ее взволнованное лицо и руки, нервно теребящие ремешок кожаной сумочки. Присмотревшись к ней поближе, он дал ей на вид лет тридцать; темно-каштановые волосы собраны в аккуратный пучок, гладкое лицо – не то чтобы некрасивое, но и красивым не назовешь – частично скрыто под очками в темной оправе. Светлые глаза взволнованно смотрели из-под очков.

– Ох, слава Богу, вы еще не ушли, – сказала она. – Мне ужасно неловко беспокоить вас, но боюсь, я выронила где-то ключи от машины. Они точно были у меня, когда я входила – я помню, как положила их в сумку, когда покупала билет, – но сейчас не могу найти, а без них я недалеко уеду. Все, что мне приходит в голову, – что они могли выпасть у прилавка с сувенирами... или, может, в гостиной? Я помню, как открывала там сумку, чтобы вынуть путеводитель. Можно сходить посмотреть?

Она говорила, потихоньку продвигаясь вперед. Прежде чем Финли заметил это, она уже переступила порог и была в вестибюле. Это не очень понравилось Финли, но не может же шотландский джентльмен оставить даму в беде!

– Ну-ну, не печальтесь, мы сейчас быстро все найдем, – успокаивающим тоном произнес он, покосившись на жену. – Я сам никаких ключей в гостиной не видал, но, может, миссис Маккриммон нашла их внизу. Если они здесь, мы их отыщем, не бойтесь.

– О, спасибо вам большое! – воскликнула неожиданная гостья. – Нет, правда, мне очень неловко беспокоить вас после закрытия. Не знаю, как это я так оплошала! Обычно я не такая рассеянная.

– Да не огорчайтесь вы так, милочка, – утешала ее Маргарет. – Я сама теряла ключи раз десять, не меньше. Ступай-ка, Фин, и посмотри, как ей помочь. Я вас здесь подожду, чтоб потом запереть.

Финли повел гостью обратно, вверх по каменной лестнице, включив на ходу свет. На верхней площадке он задержался, чтобы снять цепочку, направлявшую обычно поток посетителей налево, в столовую. Стоило ему сделать это, как темноволосая женщина

проскользнула мимо него и бросилась к двери в гостиную. Слегка застигнутый врасплох, Финли поспешил за ней.

– Эй, не спешите так! – предостерег он ее и потянулся к выключателю.

Комната вновь ожила. Не дожидаясь Финли, темноволосая женщина бросилась к левому эркеру, кинула сумочку на рояль и пробежала взглядом по его поверхности.

– Я помню, как клала сумку сюда, пока искала путеводитель, – сказала она через плечо Финли. – Хотя здесь их нет. Может, на пол упали?

Вдвоем, ползая на четвереньках, они обшарили пол под роялем и вокруг него, но безуспешно. Темноволосая женщина выпрямилась, стоя на коленях, с видом, в котором неловкость мешалась с досадой.

– Что ж, *здесь* их, похоже, нет, – заявила она. – Может, я все-таки оставила их у сувениров... хотя готова поклясться, я не доставала там ничего, кроме кошелька.

Финли с трудом сдержался, чтобы не пощелкать языком от такой беспечности.

– Ну, миссис Маккриммон навряд ли ушла, – сказал он вслух. – Идемте-ка вниз, переговорите там с ней.

– Вы так добры. – Темноволосая женщина благодарно улыбнулась ему и, вставая, зацепила свисавший с рояля ремешок сумки. Пудреница, помада и прочая мелочь рассыпались по полу.

– О нет! – выкрикнула она. – Ну что я за растяпа!

Финли подумал абсолютно то же самое, но джентльмену не пристало говорить такое вслух даме, попавшей в беду. Бормоча какие-то утешительные слова, он оставил свою спутницу подбирать предметы наиболее личного характера, а сам направился за раскатившимися дальше монетами и ручками. Повернувшись к ней спиной, он не заметил, как она прыгнула к окну и быстрым движением отодвинула щеколду. Когда он вернулся, она, как прежде, ползала по полу, складывая свои вещи в сумочку.

– Спасибо вам огромное, – пробормотала она, поднимаясь на ноги. – Я правда не знаю, что это такое на меня нашло. Вот и зеркальце разбилось... – Она показала ему треснувшее зеркальце в дешевой пудренице из розовой пластмассы. – Говорят, теперь семь лет счастья не видать.

– Не берите в голову, мисс, – утешил ее Финли. – Здесь, в Данвегане, удачи Маклеодов хватит на то, чтобы справиться с любой дурной приметой. Ну да ладно, идемте вниз к миссис Маккриммон, может, она нашла ваши ключи.

Они вышли, не забыв погасить за собой свет. Не заподозрив ничего неладного, Финли проводил свою спутницу вниз, к лавке сувениров, где хрупкая как птичка женщина с седеющими черными волосами что-то записывала в потрепанную конторскую книгу.

– Привет, миссис Маккриммон, – компанейски обратился он к ней. – Вы тут, часом, никаких ключей не находили? Эта вот юная леди свои потеряла, так и думает, что могла обронить их в ва...

На этом его благодушное объяснение прервалось, ибо он заметил, как вдруг побелело и вытянулось лицо Мэй Маккриммон. Почему-то она смотрела не на него, а ему за спину, на женщину с каштановыми волосами. Слегка озадаченный, Финли повернул голову посмотреть, что она такого там увидела, – и замер, уставившись в ствол угрожающего вида автоматического пистолета, который был нацелен прямо ему в живот.

От потрясения Финли на мгновение лишился дара речи. Ствол пистолета заканчивался глушителем, из чего следовало, что женщина была отнюдь не дилетантом. Какая-то часть его сознания отметила, что очень похожие пистолеты он снимал с офицеров гестапо в последние месяцы войны. На самом деле пистолет, видимо, был совсем небольшого калибра, но при взгляде в дуло казалось, что он способен стрелять пушечными ядрами. Сердце болезненно подпрыгнуло в груди, напомнив, что врач уже несколько месяцев назад советовал ему выйти на пенсию.

Коротким взмахом ствола женщина пригласила миссис Маккриммон присоединиться к ним. Выпучив глаза как перепуганный кролик, пожилая женщина не пошевелилась,

парализованная страхом.

– Ну, живо! – рявкнула налетчица. – Я не собираюсь возиться с вами всю ночь.

Она навела пистолет на миссис Маккриммон; палец напрягся на спусковом крючке. Финли поспешно протянул руку и вытащил миссис Маккриммон из-за прилавка, стараясь по возможности не терять достоинства.

– Ладно, – угрюмо сказал он. – Мы видим, что у вас есть пистолет. Если вам нужна касса, берите, мы вам мешать не будем.

Молодая женщина с каштановыми волосами сухо улыбнулась.

– Как-нибудь в другой раз. А пока я хочу, чтобы вы заложили руки за голову и медленно шли к двери.

Лицо миссис Маккриммон побелело еще сильнее; Финли испугался, что она упадет в обморок.

– К-куда вы нас ведете? – пролепетала она.

– Наверх, в гостиную, – ответила женщина. – Если вы сделаете все, как сказано, с вами ничего не случится. А теперь пошевеливайтесь, пока у меня хватает терпения вести себя с вами вежливо.

Не осмеливаясь ослушаться, Финли молча повел миссис Маккриммон к лестнице и вверх по ступенькам, постоянно ощущая спиной нацеленный на него пистолет. Если она выстрелит, подумал он, пуля, возможно, пробьет его насквозь и попадет в миссис Маккриммон.

В лицо им ударил порыв холодного воздуха. Когда они поднялись на верхнюю площадку и свернули к гостиной, дверь в нее, к удивлению Финли, оказалась открыта, а в помещении горел свет. Еще больше он удивился, увидев, что окно, ведущее на пожарную лестницу, распахнуто настежь, а шторы развеваются на сквозняке.

– Встать у рояля, быстро! – приказала женщина. Финли повиновался; одной рукой он подталкивал миссис Маккриммон, а другую держал поднятой. Покосившись на окно, он заметил на подоконнике следы грязи – судя по всему, по пожарной лестнице в дом проник еще один налетчик. И тотчас же они услышали с лестницы шум поднимающихся шагов.

– Скажите спасибо, что самого главы клана нынче нет дома, – раздраженно произнес голос – Финли узнал свою жену. – Иначе навряд ли бы вышло по-вашему.

Бедная Маргарет! Она вошла в гостиную первой, но все надежды Финли на то, что налетчики не заметят миссис Макбейн, библиотечаршу, умерли, едва родившись, когда та, насмерть перепуганная, переступила порог следом за его женой. Вторым налетчиком оказался мужчина в опущенной на лицо лыжной шапочке с прорезями для глаз и плотно облегающем черном костюме, как у киношных шпионов и взломщиков. Каким бы театральным ни казалось его появление, пистолет у него в руке был совсем не бутафорский. Взгляд близко посаженных глаз скользнул по Финли и миссис Маккриммон и остановился на первой налетчице.

– Проблемы были? – спросил он. Темноволосая женщина презрительно тряхнула головой:

– Никаких. Покорные, как ягнята.

Мужчина в черном довольно кивнул и повернулся к пленникам, выразительно помахав пистолетом:

– А теперь все – марш туда!

К удивлению Финли, налетчики погнали всех четверых в прилегающую к гостиной комнату охраны. Там, закрытый тяжелым люком, находился вход в замковую темницу четырнадцатого века: вырубленную прямо в скале глубокую яму с гладкими стенами, сужающимися кверху. Мужчина в черном схватил Финли за плечо и толкнул в направлении закрытого люка.

– Открывай! – приказал он.

Миссис Маккриммон издала негромкий звук, нечто среднее между вздохом и всхлипом.

– Пожалуйста, что угодно, только не туда! – взмолилась она. – Там крысы и...

Мужчина в черном повернулся к ней и поднял ствол своего пистолета, уставившись глушителем ей прямо в лоб.

– Может, вы предпочитаете это? – вежливо предположил он.

Миссис Маккриммон, дрожа, замолчала. Миссис Макбейн тоже была дрожь; Маргарет успокаивающе обняла их обоих. Мужчина тем временем переключил внимание на Финли.

– Ну как?

Старый смотритель не заставил себя упрасивать. Оказаться брошенным в темницу, конечно, не самое приятное, но все же лучше, чем получить пулю. Он откинул люк и вопросительно оглянулся.

– Валяй. Опускай их туда.

Финли послушно опустил женщин в зияющее отверстие темницы – Маргарет первой, чтобы та помогла остальным, ибо, даже несмотря на то что он опускал их на длину вытянутой руки, до дна оставалось еще далеко. Впрочем, чем дальше от пистолетов, тем лучше. Женщины кричали и визжали, но он предпочел бы, чтобы они не тратили сил попусту: их все равно никто не услышит.

– Хорошо, старина. Теперь твоя очередь, – сказал мужчина, когда женщины оказались внизу. Для убедительности он подтвердил свои слова взмахом пистолета.

Хмурый, как грозовая туча, Финли, остро сожалея, что ему не на двадцать лет меньше, неловко уселся на краю проема, свесил ноги вниз, потом повернулся, чтобы опереться о край локтями, и начал спускаться. Стараясь не обращать внимания на боль в плечах, он повис на руках, и тут мужчина в черном нетерпеливо подтолкнул его пальцы носком ботинка.

Финли отцепился и полетел вниз, плюхнувшись прямо на клубок визжащих женщин. Он приземлился не слишком удачно, подвернув ногу, и чертыхнулся. В полумраке темницы Маргарет Маклеод взяла мужа за руку; то, с какой силой он стиснул ее пальцы, выдавало, как ему больно.

– Эй вы, будьте вы прокляты, кто бы вы ни были! – крикнула она налетчику, темный силуэт которого виднелся в узком проеме над их головами. – Клянусь тем, что хранит Маклеодов, вы еще получите по заслугам за ваши дела!

Вместо ответа тот презрительно рассмеялся и со стуком захлопнул люк, погрузив их в полную темноту.

Как только мужчина в черном выгнал пленников в соседнюю комнату, темноволосая женщина положила свое оружие на рояль, заперла окно и задвинула шторы, чтобы снаружи все выглядело как обычно. Покончив с этим, она убрала пистолет в отделение сумочки, застегнула молнию и осторожно достала из другого отделения маленький мешочек из алого китайского шелка.

Внутри обнаружился тяжелый серебряный медальон на цепочке. Она нацепила его на шею и повернулась к стене, где меж двух выходящих на море окон висело занавешенное бархатными портьерами Знамя Фейри. Свет упал на медальон – и на его поверхности блеснуло изображение оскаленной хищной морды.

Она отодвинула портьеры, и из стекла, закрывавшего Знамя Фейри, на нее на мгновение глянуло ее собственное, чуть искаженное отражение. Ей не нравилась эта работа. В числе прочих историй, рассказанных стариком их группе, ей запомнилась одна: о том, что всякий, кроме Маклеодов, кто дотронется до Знамени, будет испепелен на месте. К раме или стеклу это явно не относилось, поскольку она на всякий случай прикоснулась и к тому, и к другому, пока старик не смотрел, но все эти древние легенды ей не нравились. Никогда не знаешь, нет ли в них крупинцы правды. А она еще разбила зеркальце...

Впрочем, все это ерунда – как и то, что этот медальон будто может от чего-то защитить. Она все же надела его, как было сказано, но, взявшись за раму обеими руками, улыбнулась, поскольку ничего не произошло.

Она качнула раму взад-вперед, прикидывая ее вес, потом покрепче взялась за угол и сняла со стены. Рама была большая, но не слишком тяжелая; просто ее надо было нести осторожнее.

Прислонив раму к стене, она снова задернула портьеры, чтобы пропажу Знамени обнаружили не сразу. Потом, осторожно держа свой трофей перед собой, она понесла ее к двери, ведущей на лестницу. В вестибюле она задержалась, чтобы подождать напарника.

Она поняла, что тот спускается, по тому, как начали гаснуть огни на лестнице. Догнав ее, он выпустил ее через главный вход, вышел сам и запер за собой дверь ключами, которые захватил в билетной кассе. На улице было уже почти темно, поэтому никто не видел, как они пересекли замковый мост и поднялись от набережной к узкой дороге, по которой в замок обыкновенно приезжал глава клана или слугители замка.

Она оставила машину в тени под деревьями – в темной купе, почти неразличимой в сумерках. Мужчина в черном отпер дверь и сел на водительское место, а его напарница осторожно уложила Знамя Фейри на заднее сиденье и прикрыла его пледом. Затем сама села на переднее сиденье, водитель завел мотор, и они двинулись, не зажигая фар, по дороге в сторону шоссе.

Недолгая поездка привела их на берег, к маленькой, окруженной скалами бухточке. У деревянного причала, выдававшегося в воду, покачивался небольшой катер.

Водитель помигал фарами. Кто-то на катере помигал ему в ответ фонариком из окна рубки. Спустя несколько секунд на палубу вышли две темные фигуры.

Двое грабителей вышли из машины, как и прежде, женщина несла раму со Знаменем Фейри. Сопровождаемая напарником, она спустилась к причалу, где ее уже поджидали двое с катера. При ее появлении один из них, пониже ростом, наклонился, чтобы как следует рассмотреть раму и ее содержимое, светя себе фонариком. Луч фонаря скользнул по его руке и отразился багровым светом от перстня-печатки.

– Очень хорошо, – заметил он, поднимая взгляд на женщину. – Точнее, замечательно.

Женщина не без иронии приподняла бровь.

– Спасибо. Эта работа приятнее борьбы в грязи. И плата выше. Вы не будете возражать, если я избавлюсь от этого?

Взявшись за волосы на лбу, она потянула их назад. Темный парик остался у нее в руках, а на его месте обнаружились коротко стриженные светлые волосы. Она тряхнула головой и пригладила стрижку свободной рукой. Человек с перстнем, нахмурившись, следил за ней.

– Насколько я понимаю, вам хотелось бы получить деньги и откланяться. – Он дал знак своему помощнику забрать раму, а сам полез во внутренний карман пиджака, откуда достал пухлый коричневый конверт. – Полагаю, вы не будете разочарованы.

На шее у его помощника красовался такой же медальон, как у женщины. Она задержала на нем взгляд, когда протянула руку к конверту, и не заметила, что ее недавний напарник придвинулся к ней сзади и достал из кобуры на бедре свой пистолет.

Стоило ее руке коснуться конверта, как человек в черном приставил глушитель пистолета к ее голове за ухом и нажал на спуск. Звук выстрела, похожий скорее на негромкий кашель, даже не достиг берега, не говоря уже о замке высоко над ними. Второй и третий выстрелы, нацеленные ей в сердце, когда она уже упала, прозвучали не громче.

Не удостоив ее взглядом, человек с перстнем вместе со своим помощником вернулся на катер. Человек в черном, нагнувшись, снял с нее медальон на цепочке, а потом столкнул тело с причала в воду так равнодушно, словно это был мешок с мусором или дохлая кошка.

Моторы ожили, человек в черном отвязал трос, удерживавший катер у причала, и легко прыгнул на борт. А еще через десять минут катер с пассажирами и похищенным сокровищем исчез в сумерках, оставив за собой лишь медленно тающий фосфоресцирующий след на воде.

Глава 16

Тем временем Адам и Перегрин, как и собирались, провели свой второй день в Лондоне в штаб-квартире Шотландского географического общества, расположенной в Доклендсе. Там Адам представился доктором Синклером и назвал Перегринна своим научным сотрудником.

При этом он опустил ту подробность, что “доктор” относится вовсе не к научной степени, а к профессии медика, а оброненная как бы невзначай ссылка на имевший место неделю назад доклад в “Глениглз” помогла укрепить впечатление, что он историк, собирающий материал для цикла лекций.

– Ой, – произнесла дама за стойкой, хотя внешность и манеры Адама явно произвели на нее впечатление. – Боюсь, что не помню вашей фамилии в списке наших постоянных членов, доктор Синклер. Но мы постараемся что-нибудь устроить – раз уж вы здесь всего на день. Вы с мистером Ловэтом пока присядьте, а я позвоню наверх, узнаю, не свободен ли там кто.

– Очень мило с вашей стороны, – улыбнулся Адам. – Конечно, мы подождем. Большое вам спасибо.

Все это заняло некоторое время, но в конце концов их познакомили с одним из старших сотрудников архива, коренастым уроженцем Глазго по имени Рональд Маккей. Под его руководством Адам с Перегрином потратили первую половину дня, просматривая микрофильмы со статьями об археологических изысканиях в Россшире. После ленча они переключились на собрание иллюстративного материала – фотографии раскопок, обмеры, проекты реконструкций. Все это было сопоставлено с набросками, сделанными Перегрином. К вечеру, перебрав все, имевшее хоть малейшее отношение к интересующему их предмету, Адаму и Перегрину удалось составить список из четырех россширских замков, заслуживающих дальнейшего изучения: Фоулис, Стром, Эйлен-Донан и Уркхарт.

– Уф! Надеюсь, в ближайшее время нам не придется повторять все *это* снова! – с чувством воскликнул Перегрин, садясь в такси, чтобы вернуться в Каледонский клуб. – Еще час таких занятий – и моя голова распухнет до размеров замка Бленхейм!

Адам рассеянно улыбнулся в ответ. Голова его была занята другим: он перебирал в уме четыре названия, оставшихся в списке. Все четыре замка располагались на возвышенностях над водой, все четыре уже существовали при жизни Майкла Скотта, однако, если не считать этого, дальше не удалось продвинуться ни на шаг.

– Ну что ж, могло быть и хуже, – со вздохом произнес он. – Но признаюсь, я надеялся, что нам удастся достичь большего.

Перегрин поморщился:

– Понимаю, что вы хотите сказать. Любой из оставшихся в списке замков может оказаться тем, который мы ищем... или ни один из них. Я ведь мог и ошибиться.

– Вы так считаете? – мягко спросил Адам.

– Да нет... Но если только вы не знаете других источников информации, о которых еще не говорили, я не представляю, каким образом сузить список до одного названия.

Адам покачал головой.

– Боюсь, вы правы. Мы добились максимума, который можно было достичь, работая с бумагами. Все, что нам осталось сделать, – это нанести личный визит во все эти места.

Вид у Перегрина вдруг сделался чуть испуганным.

– Вы хотите сказать, мы туда поедem?

– Да.

– Но... ведь это требует времени.

– День или два, – согласился Адам. – Но если мы с чего-то не начнем, мы ведь так ничего и не найдем, верно?

– Пожалуй, да, – вздохнул Перегрин. – Раз так, нам лучше сегодня же вечером вылететь обратно в Шотландию.

Адам сдвинул брови так, что между ними пролегла глубокая морщина, и устало откинулся на обтянутую винилом спинку кресла такси.

– Нет. Мы вполне можем лететь утренним рейсом, – сказал он. – Для одного дня мы поработали достаточно – даже более чем достаточно. Ничто не мешает думать так, как усталость. Я хочу, чтобы мы как следует отдохнули прежде, чем отправляться на север.

В клубе они рано поужинали, пока в обеденном зале было относительно пусто. Покончив с едой, Перегрин совершенно не возражал против того, чтобы удалиться в свою

комнату. Шея его затекла от долгих часов, проведенных за аппаратом для просмотра микрофильмов, а глаза болели от чтения при слабом свете. Впрочем, горячий душ снял острую боль, и Перегрин уснул сразу же, как только его голова коснулась подушки.

Сны прилетали и улетали; по большей части ему ничего не запомнилось. Но далеко за полночь он вдруг проснулся от того, что поначалу принял за тревожный зов трубы. Перегрин сел в кровати и прислушался, однако, как ни напрягал слух, не мог уловить ничего, кроме доносившегося с улицы гула ночной столицы.

“Должно быть, померещилось”, подумал он, пожал плечами и снова лег.

Тем не менее эхо этой странной сердитой тревоги продолжало звучать у него в голове. В конце концов он снова уснул, почти решившись поутру рассказать об этом Адаму.

Однако утром все это показалось ему слишком тривиальным, не заслуживающим отдельного упоминания. *Вот так еще немного, и ты начнешь приставать ко всем с утверждениями, будто небо вот-вот упадет*, недовольно одернул он себя, повязывая галстук и наскоро приглаживая волосы расческой. *Адаму и без тебя забот хватает, нечего отвлекать его от дела.*

С этим он выбросил свой сон из головы и спустился к завтраку ровно в семь, как и было условлено. Ему показалось, что Адам тоже провел не самую спокойную ночь: за завтраком его наставник был непривычно молчалив и даже немного подавлен. Обычное изучение утренней прессы тоже, казалось, было дотошнее обыкновенного: он словно искал какое-то особенное сообщение. Однако от объяснений он воздержался, а лезть с расспросами Перегрину было как-то неловко.

Все так же строго по графику, без десяти восемь, они вышли из дверей Каледонского клуба с намерением попросить швейцара поймать им такси в аэропорт, но, увидев, насколько плотно забиты улицы в этот утренний час, Адам передумал и потащил Перегрин на Гайд-парк-корнер.

– Ей-богу, с каждым моим приездом в Лондон движение все хуже, – угрюмо заметил он, глянув на часы. – Не припомню, чтобы раньше в это время творилось такое безумие. Что ж, поедем на метро. Боюсь, в этот час всю дорогу придется стоять, но иначе мы рискуем просто опоздать на рейс.

В метро им и впрямь пришлось стоять. Они сели на первый же идущий на восток поезд и следующие сорок пять минут провели, цепляясь за поручни, стискивая ногами свои чемоданы и вдыхая запахи несвежей одежды и дешевых духов. Толпа пассажиров начала редеть только после Эктона, но все равно им пришлось еще простоять несколько остановок.

Они прибыли в Хитроу, когда до рейса в 9.30 оставалось всего двадцать минут. К счастью, Адам забронировал билеты еще накануне, а багажа у них не было, поэтому регистрация заняла сравнительно мало времени. Поставив подпись на квитанции и получив обратно кредитную карту, Адам послал Перегрин купить утреннюю газету из Глазго, а сам отправился звонить в Стратмурн. Свежий выпуск “Скотсмена” должны были давать на борту, и Адам рассчитывал ознакомиться с ним во время полета.

– Я прикинул, что нам предстоит, и передумал насчет “ягуара”, – сказал он Хэмфри. – Мне кажется, вам лучше встретить нас на “рейнджровере”. И будьте добры, захватите для нас по комплекту одежды для прогулки где угодно в какую угодно погоду. Если предчувствия меня не обманывают, время теперь на вес золота и мы можем просто не успеть заехать за одеждой.

– Я понял, сэр, – ответил Хэмфри. – Я прослежу, чтобы все было исполнено.

Из громкоговорителей уже слышалось последнее объявление о посадке на их рейс. Все, что оставалось им с Перегрином, – это пройти в самолет. Они поднялись на борт не последними, но задержки с прохождением контроля безопасности заставили Адама понервничать. Стоило им пристегнуть ремни, как самолет тронулся с места. Только тогда Адам позволил себе слегка перевести дух, но все же беспокойство не покидало его.

Назревало что-то новое, и это “что-то” почти наверняка было новым оборотом того, что они оставили, улетая из Шотландии. Он искал это в той газете из Глазго, которую купил ему

Перегрин, и в свежем номере “Скотсмена”, но ничего особенного не нашел.

Были ли препятствия, с которыми они встретились, частью обороны их неприятеля, или все это просто случайность? Он старался убедить себя в том, что в основном это всего лишь досадные совпадения, но в глубине души оставалось опасение, что это часть какого-то зловещего замысла, претворяемого в жизнь врагом, встретиться с которым лицом к лицу ему еще предстоит. До тех пор, пока ему больше ничего не известно, все, что он мог делать, – это полагаться на интуицию и надеяться, что противники скоро проявят себя сами – и, возможно, совершат при этом ошибку.

Полет прошел без приключений, хотя по мере продвижения на север болтанка усиливалась. Небо над южной Шотландией было покрыто свинцово-серыми тучами, и на посадку в Эдинбурге самолет заходил уже под дождем. Машина коснулась мокрой полосы и подрулила к аэровокзалу под сплошным ливнем. Когда гармошка перехода прижалась к выходному люку и пассажирам разрешили покинуть кресла, Адам решил позвонить Ноэлю Маклеоду сразу же из зала прибытия. Со все нарастающим нетерпением он потащил Перегрин за собой к выходу и помахал рукой ожидавшему их у барьера Хэмфри.

Однако его слуга ждал не один. Адам так и застыл, узнав усатого мужчину в плаще, – слишком уж быстро материализовались все его подозрения последних двенадцати часов.

– Что случилось? – удивился Перегрин.

– Вон там, рядом с Хэмфри, – это же Ноэль Маклеод, – ответил Адам. – И если я не ошибаюсь, его присутствие подтверждает какую-то беду, следов которой я не мог найти в утренних газетах. Идемте же!

Бросив Перегрин самого пробираться через толпу, Адам ускорил шаг, обходя встречных с ловкостью, какой позавидовал бы иной центрфорвард. Хэмфри и Маклеод шагнули ему навстречу. Морщинистое лицо инспектора было непривычно хмурым, губы – напряженно сжаты.

– Почему-то мне кажется, что вы собираетесь познакомить меня с новостями, которых я предпочитал бы не слышать, – сказал Адам Маклеоду, одновременно вручая Хэмфри чемодан. – Я собирался звонить вам сразу, как доберусь до телефона. Давайте-ка поближе, Перегрин, чтобы ему не пришлось повторять дважды.

Перегрин встрепенулся и догнал его; вид у него был несколько взъерошенный и сбитый с толку. Маклеод приветствовал художника коротким кивком и знаком пригласил обоих идти рядом с собой. Хэмфри с чемоданами следовал в нескольких ярдах позади, прикрывая их от попутчиков, способных подслушать разговор.

– Все это кажется полной дичью, – начал Маклеод, – и тем не менее начинает проявляться какой-то смысл. Меньше чем два часа назад мне позвонил глава моего клана. Сам он сейчас в Нью-Йорке. Непосредственно перед этим он говорил со своими людьми из замка Данвеган. Похоже, похищено Знамя Фейри.

Никому из его собеседников не нужно было объяснять, о каком знамени идет речь. Знамя Фейри, принадлежавшее клану Маклеодов, относилось к числу наиболее знаменитых артефактов Шотландии, а связанные с ним легенды были известны каждому, кто мало-мальски интересовался шотландским фольклором. Адам, знакомый с предметом более остальных, ощутил в желудке неприятную сосущую пустоту.

– Когда это случилось? – спросил он.

– Вчера ближе к вечеру, между пятью и шестью, насколько удалось установить, – ответил Маклеод – Подробности нам пока неизвестны, но, похоже, похитителем была женщина, выдававшая себя за туристку. У нее был помощник-мужчина, но он был в маске, так что его словесный портрет отсутствует. Оба были вооружены.

– Никто не пострадал? – спросил Адам.

– Слава Богу, нет. По крайней мере ничего серьезного. Вывихнутая нога, несколько ушибов и царапин. В замке находились четверо служителей, и грабители бросили их на ночь в замковую темницу. Ну, знаете – одна из этих так называемых “бутылок”. Падать туда неприятно, но, оказавшись внутри, ты уже в относительной безопасности. Возможно, они

сидели бы там до сих пор, если бы не автобус с туристами-пенсионерами. Они приехали еще до открытия, и их встревожило, что на стоянке персонала стоят машины, а в замке никто не откликается. Местная полиция проводит расследование, проверяет все машины в радиусе пятидесяти миль, но вам не хуже меня понятно, что налетчики могут быть уже где угодно. У них была целая ночь на то, чтобы скрыться.

На лице Перегринна отразилось явное недоверие. Наконец он не выдержал:

– Но это же невероятно! Как они смогли попасть внутрь? В конце концов, это ведь замок, а не что-нибудь! Что-то я не помню, чтобы в замки вламывались.

Маклеод удостоил молодого собеседника кислой улыбкой.

– Женщина явно разыграла попавшую в беду добродетельную дамочку: вернулась в замок через несколько минут после его закрытия и заявила, что потеряла где-то внутри ключи от машины. Доверчивый смотритель впустил ее – а она каким-то образом ухитрилась запустить внутрь своего сообщника. Остальное вы можете додумать сами. Служители – люди пожилые. Что они могли поделать с двумя вооруженными налетчиками?

За время рассказа толпа прибывших пассажиров поредела, оставив троих собеседников в стороне от прохода. Хэмфри с чемоданами терпеливо ждал, подчеркнуто не прислушиваясь к их разговору. Прежде чем тронуться с места, Маклеод огляделся по сторонам.

– Как бы то ни было, я уполномочен самим Маклеодом действовать в его интересах, – твердо произнес он. – Он в высшей степени озабочен тем, чтобы похитители были выслежены, а Знамя возвращено на место прежде, чем они успеют использовать его в своих целях или даже уничтожить. Я позвонил в Стратмурн сразу, как он положил трубку, и когда Хэмфри сказал мне, что собирается за вами в аэропорт, мне показалось, я сильно сэкономлю время, если лично расскажу вам о последних событиях. Разумеется, я выступаю как частное лицо; тем не менее я зафрахтовал самолет для перелета в Скай – он вылетает меньше чем через час. В нем хватит места и вам, так что если захотите составить мне компанию, милости просим. Мне все кажется, что эта история имеет прямое отношения к давешним развлечениям в Мелроузе.

– Конечно же, мы летим, – сказал Адам, – хотя жаль, что я не знал этого заранее: я бы попросил Хэмфри захватить кое-какие полезные вещи.

Заслышав свое имя, Хэмфри откашлялся и сделал шаг в их сторону.

– С вашего позволения, сэр Адам, мне кажется, я предусмотрел такую возможность. Поговорив утром с инспектором, я взял на себя смелость захватить с собой кое-что помимо упомянутых вами предметов. Я имею в виду тот саквояж с медицинскими инструментами, который вы берете с собой, выезжая на дом к пациентам.

На лице Адама, до сих пор хранившем хмурое выражение, мелькнула довольная улыбка.

– Знаете, Хэмфри, бывают случаи, когда благодаря вам я кажусь лучше, чем есть на самом деле. – Он повернулся к ожидавшему их Маклеоду: – Ноэль, похоже, мы подготовлены лучше, чем я полагал.

– “Мы” – это вы так, по-королевски, именуете себя, или мистер Ловэт тоже летит с нами? – угрюмо поинтересовался Маклеод.

– Ну разумеется, лечу! – возмутился Перегрин.

– Не так быстро, сынок, – предостерегающе произнес Маклеод. – Это может оказаться опасным – возможно, в черт знает сколько раз опаснее, чем кажется.

– Ради Бога, оставьте! – Перегрин даже покраснел. – Уж не думаете ли вы, что на меня нельзя положиться? Или что я соглашусь пропустить такое событие? Я считаю, что честно заработал право на это, копаясь в книгах и тухлых документах, правда, Адам? Пожалуйста, возьмите меня!

Маклеод вопросительно покосился на Адама.

– Вы сами знаете, как серьезно все может обернуться, если только я не переоцениваю ситуацию. Вы и впрямь считаете, что он готов к этому?

– Ну, мне и в самом деле кажется, что нам может понадобиться его помощь, – к

несказанному облегчению Перегрину, ответил Адам.

– Что ж, ладно. Если вы так считаете, я не против. Хэмфри, это весь багаж?

– Да, инспектор.

– Тогда я попрошу вас отнести все это в ангар “Б”, – продолжил Маклеод – Там готовят к вылету наш самолет. Мы еще успеем перехватить по сэндвичу и по чашке кофе – одному Богу известно, когда нам снова удастся поесть. А Хэмфри тем временем приготовит вам, во что переодеться. Пилот говорит, что погода, похоже, портится.

Несколько минут спустя, позвонив в службу безопасности аэропорта, чтобы предупредить о приходе Хэмфри, все трое уселись в углу кафе и за черствеющими сэндвичами и чуть теплым кофе принялись обсуждать версии ограбления в Данвегане. Адам хмуро жевал, его взгляд блуждал где-то далеко.

– Во всем этом проступает какая-то малопривлекательная схема, – пробормотал он – Похищение шпаги Фрэнсиса Хепберна, осквернение могилы Майкла Скотта – и самого Скотта тоже, – а теперь еще это. Это определенно дело рук одних и тех же людей. Кто бы они ни были, совершенно ясно, что они намерены любой ценой получить то, что им нужно.

– Да, но зачем им при этом Знамя Фейри? – спросил Перегрин, переводя взгляд с Адама на Маклеода и обратно – Это явно не Маклеоды. Ни один Маклеод не пошел бы на то, что совершили они. Так что какой им практический смысл от Знамени Фейри, если.. – Он осекся, и лицо его осветилось догадкой – Ну конечно! В материальном понимании – никакого. Все дело в фейри. Ведь Скотт спрятал золото и книгу в пещере фейри!

– Совершенно верно, – кивнул Адам – И если уж на то пошло, я предположил бы, что наши похитители верят: Знамя способно защитить их от хранителей пещеры, да и шпагу Хепбернов они намерены использовать с этой же целью. – Он покосился на Маклеода – Вы у нас специалист по этой части, Ноэль. Обладают ли они таким правом? Может ли Знамя защитить их от Сидхе?

Маклеод хмуро уставился в кофейную гущу на дне пластикового стаканчика.

– Это зависит от того, как они будут с ним обращаться, – медленно произнес он – Одна из наших старейших легенд утверждает, что любой, кто дотронется до Знамени, – кроме Маклеодов, – будет испепелен на месте. Пока похоже, что воры забрали флаг, не вынимая из витрины, так что шанса проверить правдивость легенды у них еще не было. А вот смогут ли они использовать его в своих целях, не вынимая из-под стекла, – это пока вопрос открытый. Может, они собираются оставить его в нынешнем виде, используя как щит в прямом смысле слова.

– А что, если они уже пытались развернуть его? – задал вопрос Адам.

Маклеод покачал головой.

– Это не заставит фейри отдать победу первому призывающему, если вы это имеете в виду. Только глава Маклеодов имеет право делать это, и только во благо своего клана.

Под удивленным взглядом Перегрину Адам отодвинул свой стаканчик.

– Когда Знамя Фейри впервые попало в руки клана Маклеодов, – объяснил он, – тогдашнему главе было сказано, что Знамя гарантирует победу в сражении тому, кто развернет его. Однако сделать это можно было только трижды. С тех пор Маклеоды дважды разворачивали Знамя, чтобы спасти клан от поражения и уничтожения: первый раз в битве при Глендейле в тысяча четыреста девяностом, второй раз – в битве при Траппен-Бридж в... В тысяча пятьсот тридцатом, верно, Ноэль?

– Угу. Меня беспокоит – в личном плане – возможность того, что Знамя может быть уничтожено. Мало ли что может случиться? Если они и впрямь намерены использовать его в качестве щита, а витрина вдруг разобьется или просто откроется, для такой древней и тонкой вещи это может оказаться катастрофой.

– Увы, – вздохнул Адам, – мне кажется весьма вероятным, что они используют его именно в этом качестве. Если они понимают, что делают, они могут управлять заключенными в нем силами, даже не вынимая из витрины. В конце концов, это талисман фейри – использующий силы фейри для управления фейри. Мне кажется, они рассчитывают именно

на это.

На протяжении беседы выражение лица Перегрин выражало все больший гнев.

– Но этому надо положить конец! – воскликнул он. – Вот только где и когда?

– В замке, где Скотт спрятал книгу и золото, – ответил Маклеод. – И там же те, кто рвется к сокровищу, воспользуются шпагой Фрэнсиса Хепберна, чтобы отогнать законных хранителей. Бог мой, если бы только знать, в каком именно замке!

– Ну, к ответу на этот вопрос мы ближе – благодаря работе, проделанной Перегрином в Лондоне, – сказал Адам. – Мы полагаем, нам удалось сузить число возможных замков до четырех. Возможно, последняя подсказка, которой нам не хватает, ждет нас в Данвегане. – Он покосился на часы. – Кстати, если самолет уже готов, нам пора. И если чутье меня не подводит, события могут подойти к развязке уже сегодня ночью.

– Но почему сегодня? – удивился Перегрин. Маклеод встал и, собирая со стола мусор, одарил его мрачной улыбкой.

– Может, вы запомнили, – сегодня последняя ночь октября, Хэллоуин, канун Дня Всех Святых. Мы, христиане, зовем ее Ночью Всех Душ. А некоторые предпочитают название “Самхайн”.

– Самхайн... – повторил Перегрин. Маклеод произнес это слово на горский манер, “Соуам”, и молодой художник обкатал непривычное звучание на языке.

– Самхайн, шабаш ведьм, – кивнул Адам. – Быть может, самая опасная ночь в году. В эту ночь двери, отделяющие физический мир от духовного, распахнуты настежь и все магические предметы и заклинания обладают наибольшей властью.

Взгляд его темных глаз словно устремился куда-то далеко-далеко.

– Да, это самое подходящее время для того, чтобы рискнуть помериться силой с Народцем с Холмов. Волшебный Народ обладает немалой силой, но оккультные свойства шпаги и Знамени Фейри будут сегодня максимально эффективны – начиная с восхода луны...

Как и планировалось, они направились напрямик в подсобку ангара “Б”, где Адам и Перегрин смогли переодеться в более подходящую обстоятельствам одежду, которую привез им Хэмфри: теплые штаны из твида, крепкие туристские ботинки и плотную ветровку, натянутую поверх теплого арранского свитера – для Адама; теплые кроссовки, свитер с высоким воротником и охотничья куртка – для Перегрин. Впрочем, не забыл Хэмфри и синюю замшевую куртку Перегрин, а также зеленую водонепроницаемую куртку, которую Адам обычно надевал для верховых прогулок в непогоду. Завязывая шнурки, Перегрин поднял на мгновение взгляд – как раз вовремя, чтобы увидеть, как Адам прячет во внутренний карман куртки что-то длинное, узкое и блестящее.

– Принадлежности для охоты, – пояснил Адам, заметив взгляд Перегрин, но показывать ему предмет не стал, а также воздержался от дальнейших объяснений.

Стараясь не проявлять интерес, Перегрин отвернулся. Он решил, что это, должно быть, предмет – из того таинственного черного саквояжа, о котором говорил Хэмфри. Он огляделся по сторонам и обнаружил саквояж у ног Адама. Что бы ни находилось внутри, из поведения Адама явно следовало, что он предпочитает до поры не выставлять его содержимое на обозрение.

Они оставили свои чемоданы Хэмфри, захватив с собой только бритвенные принадлежности, Перегринов этюдник и черный саквояж Адама. Маклеод ждал их у самолета, шестиместной “Сессны”, правый двигатель которой уже прогрелся на малых оборотах.

Вся их поклажа без труда разместилась в небольшом багажном отсеке в хвосте самолета, и Маклеод нетерпеливо махнул рукой, чтобы они скорее заняли свои места.

Адам уселся в кресле за местом пилота. Перегрин сунул пальто на заднее сиденье и сел рядом с ним. Маклеод захлопнул дверцу и пробрался вперед, на место второго пилота. В тот же момент, чихнув, завелся и левый двигатель. Оба пропеллера увеличили обороты, слились в призрачные окружности, машина качнулась и порулила ко взлетной полосе. Еще через несколько минут они были уже в воздухе.

Перелет занял чуть меньше двух часов. В маленьком самолете воздушные потоки, воздействие которых Адам с Перегрином испытали на себе, еще подлетая к Эдинбургу, ощущались сильнее; по мере того как “Сессна” пробивалась сквозь облака на северо-запад, болтанка усиливалась. Очень скоро пологие зеленые холмы, окружавшие Фирт-Ов-Форт, сменились крутыми темными склонами Стратклайда. Изрезанный горный пейзаж, изредка видневшийся в просветы между облаками, сменил окраску на смесь темно-бурого и серо-зеленого.

Все они летели дальше на север, держа курс на запад, между Лох-Эйл и Лох-Аркейг; затем вдоль Лох-Оурн к Саунд-Ов-Слит, и вот по курсу замаячили каменистые берега острова Скай, над которыми нависла гряда дождевых туч. Они свернули вправо, держась параллельно проливу, потом обогнули остров, заходя со стороны моря. Глянув вниз, Перегрин успел увидеть паром, пробивавшийся к острову сквозь покрытые белыми барашками волны. А почти сразу после этого “Сессна” снова заложила крутой левый вираж и начала снижаться.

– Вот посадочная полоса, джентльмены, – объявил пилот через плечо. – Пристегните ремни и соберитесь с духом. Посадка может оказаться чуть более жесткой, чем хотелось бы.

Аэродром оказался открытой всем ветрам асфальтовой полосой, которая тянулась прямо вдоль бушующего моря. Никаких других самолетов на земле не было видно, и вид аэродрома имел самый что ни есть заброшенный. Пилот подрулил к обшитому белой пластиковой рейкой небольшому ангару возле изгороди из колючей проволоки и выключил моторы. Пока он пробирался назад и открывал дверцу, самолет сотрясали порывы ветра. Пилот спрыгнул вниз и по очереди помог своим пассажирам выбраться из салона.

– Не самое гостеприимное местечко, верно? – заметил он, повысив голос, чтобы перекрыть свист ветра. – Здесь есть даже диспетчерская – вон в том вагончике, – но ею пользуются только в исключительных случаях, преимущественно летом. Сейчас извлеку вашу поклажу.

Открыв люк багажного отсека “Сессны”, он принялся доставать оттуда те немногие пожитки, что захватили с собой его пассажиры. Подумав, Перегрин надел свое пальто и поднял воротник, защищаясь от крепнущего ветра. Забирая свои бритву и этюдник, он обратил внимание, что Адам с Маклеодом надевают теплые шерстяные шарфы, и полез в карманы за вязаными беспальными перчатками.

Пилот захлопнул люк, плотнее натянул на уши лыжную шапочку, поднял взгляд на сгущавшиеся облака и недовольно поморщился.

– Надеюсь, вы сюда ненадолго... или, наоборот, капитально, – заявил он. – Чем быстрее я отсюда уберусь, тем лучше. Метеослужба только что передала штормовое предупреждение. Короче, улучшения погоды пока не предвидится, скорее наоборот.

Он ткнул пальцем в направлении взлетной полосы, где отчаянно мотался на мачте оранжевый флюгер-“колдун”.

– Сами видите, ветер крепчает. Если я промедлю со взлетом, то рискую застрять здесь надолго.

– Тогда взлетайте, пока это еще возможно, – посоветовал ему Маклеод. – Вы свое дело сделали, доставив нас сюда. Дальше как-нибудь сами разберемся.

– Ну, если вы так считаете... – невольно улыбнулся пилот. – Раз так, я полетел. Удачи вам...

Он забрался на борт и захлопнул дверцу, подождал, пока все трое отойдут на несколько ярдов, и запустил моторы. Пока маленькая “Сессна”, подпрыгивая, катилась обратно к взлетной полосе, оставшиеся трое повернулись спиной к ветру и прижались друг к другу потеснее. Дыша на мгновенно окоченевшие пальцы, Перегрин без особого энтузиазма оглядывал окрестности.

– Мне неприятно это говорить, – заметил он, – но я не вижу никакого намека на телефон.

– А здесь его и нет, – ободряюще сообщил Маклеод. – Вот почему я захватил с собой свой.

Он расстегнул кармашек дорожной сумки и достал оттуда мобильник. Он как раз собирался набрать номер, когда на ведущей от шоссе к аэродрому проселочной дороге показалась серая “вольво”.

– Возможно, обойдемся без звонка, – заметил Адам. – Похоже, нам выслали встречающих.

“Вольво” быстро приближалась, разбрасывая колесами мокрую гальку. Как раз когда Маклеод оторвался от своего телефона и поднял взгляд, машина прогрехотала мимо открытых ворот и резко затормозила прямо перед ними. Светловолосый молодой человек в холщовой кепке опустил стекло и помахал Маклеоду.

– Привет, инспектор! – крикнул он. – Подбросить не надо?

Морщинистое лицо Маклеода расплылось в первой за день улыбке.

– Сэнди! – вскричал он. – Откуда ты узнал, что мы прилетаем? Я только собрался звонить в замок, а ты уже тут как тут.

– Ну, мы увидели самолет, вот я и подумал, что пора смотаться сюда. Папаша тут имел разговор с главой клана, так тот сказал, вы будете вести это дело... короче, мы решили, что это вы и летите. К нам мало кто летает, в такое-то время года. – Он открыл дверцу и вышел, распрямившись во все свои добрые шесть футов. – Глава сказал, чтоб мы помогали вам всем, чем сможем. Вот папаша и решил, что негоже вам стынуть на аэродроме. Так вам с вещами помочь или как?

Маклеод довольно усмехнулся и повернулся к Адаму с Перегрином.

– Вот видите, как Маклеоды стоят все за одного, – сказал он. – Позвольте представить вам обоим Александра Маклеода. Его отец работает смотрителем замка. Знакомся, Сэнди: это сэр Адам Синклер из Стратмурна, а это его помощник, мистер Ловэт. Они окажут нам помощь в расследовании.

Сэнди почтительно коснулся рукой козырька своей кепки.

– Чертовски рад познакомиться с вами, джентльмены. И если вы сумеете помочь инспектору вернуть нам Знамя, клан Маклеодов будет перед вами в неоплатном долгу, ибо вся удача клана держится на нем.

Глава 17

Адам с Перегрином с наслаждением укрылись от ветра на заднем сиденье “вольво”. Свои немногие пожитки они сунули за спинку, к заднему стеклу, а Маклеоду предоставили место спереди. Резко рванув с места, Сэнди вывел машину за ворота, одолел крутой поворот и погнал ее по проселку. Несколько минут спустя они уже неслись по шоссе A850 в сторону замка Данвеган.

Дорога была узкая и извилистая, но, по счастью, – пустая. Сэнди гнал машину на предельной скорости, не обращая внимания на заплаты и выбоины, немилосердно срезая повороты. Когда у Слингхена они свернули налево, на другое шоссе “А”, Перегрин перестал бороться с собой и просто зажмурился, без особого успеха успокаивая себя тем, что Сэнди Маклеод должен знать эту дорогу как свои пять пальцев. Побелев и нервно стиснув кулаки, он даже не пытался любоваться холмистым пейзажем под нависающими все ниже тучами.

Буря настигла их чуть севернее деревушки Брекдейл. Моросивший дождик ненадолго стих, но ветер, завывавший в мокрых вересковых кустах, усилился. Когда они достигли поворота на Данвеган, разрозненные тучи начали сбиваться в единую массу, а в воздухе запахло озоном, предвещавшим грозу.

– Не нравится мне все это, – бросил Маклеод через плечо Адаму с Перегрином. – Ветер меняется, и меняется как-то неестественно.

– Меняется? – вдруг встрепнулся Адам.

– Ага, – буркнул Маклеод. – А вы не заметили? Он ходит по кругу. Что бы это ни было, это не просто перемена погоды.

Он говорил с уверенностью, напомнившей Перегрину, что Маклеод провел по крайней

мере одну из прошлых своих жизней в борьбе с морскими стихиями. Адам посмотрел в окно на бегущий навстречу пейзаж, потом на небо, повернулся обратно и со вздохом покачал головой.

– Я бы и рад заверить вас, что беспокоиться не о чем, – сказал он, – но, увы, не могу. Если мои подозрения хоть отчасти верны, это может оказаться еще серьезнее, чем мы предполагали. Впрочем, пока мы все равно ничего не можем с этим поделать.

И снова погрузился в молчание. Охватившая Перегрину тревога только усилилась, тем более что он абсолютно не понимал, о чем говорят эти двое. На его взгляд, ветер как ветер. Он покосился на Сэнди в надежде на пояснения, но тот, похоже, целиком сосредоточился на вождении. Впрочем, Перегрин был благодарен ему и за это: дорожные условия становились все хуже.

Дорога постепенно уводила их к северо-западу, время от времени выскакивая на самый берег Лох-Данвегана. Когда до места назначения оставалось не больше мили, а далеко впереди уже замаячил потемневший от времени причал под замком, Сэнди вдруг удивленно фыркнул и нажал на тормоза.

“Вольво” остановилась, и трое пассажиров тоже увидели перегораживавший дорогу полицейский барьер. Из-за него вышла и двинулась в их сторону фигура в желтом полицейском дождевике с сержантскими нашивками на рукаве. Когда полицейский приблизился, Сэнди опустил стекло со своей стороны.

– Что стряслось, Дэви? – спросил он. – Или нам одной беды на сегодня мало?

– Похоже, так, – отвечал сержант. – Не хватало нам грабежа в замке, так Тэм Дьюэр еще и утопленницу из моря вытащил, аккуратно у тюленьего лежбища. Тому еще часа не прошло. Они с братцем проверяли силки на лобстеров.

За барьером у обочины шоссе стояли две полицейские машины и фургон “скорой помощи”. Видневшаяся внизу полоска пляжа была усеяна неразличимыми с такого расстояния фигурами в блестящих от дождя плащах с поднятыми капюшонами; на причале тоже толпились люди.

Маклеод оглянулся через плечо на Адама.

– Кто-то из местных? – спросил он. Полисмен с нескрываемым удивлением перевел взгляд на него.

– А вы кто такой будете, сэр?

– Ну-ну, Дэви, нечего глядеть волком, – ехидно произнес Сэнди прежде, чем Маклеод успел ответить. – Это детектив, инспектор Ноэль Маклеод. Глава клана позвал его из Эдинбурга, чтоб тот распутал давешнюю кражу. Покажите ему удостоверение, инспектор.

– Я здесь в неофициальном порядке, сержант, – заявил Маклеод, достав из кармана удостоверение. – Это мой долг как члена клана перед кланом и его главой. Не сомневаюсь, что ваши люди справятся с полицейской стороной дела и без посторонней помощи.

Встревоженное лицо сержанта заметно просветлело.

– Ну, раз так, все в порядке. Раз уж сам глава вас позвал... А что до вашего вопроса, так погибшую в наших краях никто не знал. Мы не нашли на теле никаких документов, но вся ейная одежда – с заграничными ярлыками. Мы так решили, она голландка... или скандинавка какая. Может, в Форт-Уильяме анализ отпечатков пальцев сделают, так будем знать больше.

– Как она погибла? – спросил Адам. – Утонула?

Сержант повернулся к Адаму и уставился на него так, словно до сих пор не замечал.

– Это сэр Адам Синклер, – резко произнес Маклеод. – Он врач. Они с ассистентом, мистером Ловэтом, приехали сюда помочь мне.

– Раз вы так говорите, сэр... – кивнул полисмен, принимая объяснения Маклеода, и снова повернулся к Адаму. – Если бы утонула! Ей пальнули в голову, а потом пустили две пули в сердце.

– А... – бесстрастно протянул Адам. Маклеод нахмурился еще сильнее.

– Вы считаете, это похоже на казнь, сержант?

Сержант пожал плечами.

– Ну, не то чтоб наверняка, – вздохнул он. – Если честно, у нас такие штуки в редкость, но подумать, так это, похоже, работа профессионала. Да вы и сами можете глянуть на тело, покуда его не забрали в морг, в Портри. Оно, конечно, у ей лицо пулей подпорчено, но в общем совпадает с описанием женщины, что принимала участие в ограблении.

– Пожалуй, мы посмотрим на тело, – буркнул Маклеод, открывая дверцу.

Сэнди остался ждать их в “вольво”. Адам с Маклеодом в обществе сержанта, ссутулившись под ударами ветра, начали спускаться к пляжу. Перегрин задержался, чтобы захватить свой этюдник, и поспешил им вдогонку. По спине пробежал неприятный холодок, но он сказал себе, что это просто ветер, и покрепче прижал к груди этюдник.

Он догнал своих спутников на полпути. Тело лежало на брезентовой подстилке в нескольких футах от края причала. Бригада “скорой помощи” как раз собиралась укладывать его в черный пластиковый мешок.

– Погодь-ка минуту, Джорджи, – крикнул сержант. – У нас тут пара экспертов, хотят глянуть на находку.

Мужчина выпрямился, чтобы посмотреть на прибывших. Маклеод остановился у тела; Адам наклонился рассмотреть его. Стиснув кулаки, Перегрин заставил себя подойти ближе.

На вид женщине можно было дать лет тридцать с небольшим. Светлые волосы были острижены так коротко, что напоминали солдатский ежик. Несколько часов пребывания в воде смыли почти всю кровь, но причина смерти была очевидна. Пуля вошла за левым ухом и вышла чуть ниже правого глаза. По описанию, данному сержантом, Перегрин был готов увидеть обезображенное лицо, однако в действительности повреждения были совсем небольшими – во всяком случае, не настолько большими, чтобы затруднить опознание.

Вздохнув, Адам приступил к более подробному осмотру. Раны в груди говорили сами за себя; все же остальные повреждения свелись к нескольким царапинам на ногах, явно полученным уже после смерти, ибо ссадины отсутствовали. В общем, никаких следов борьбы он не обнаружил. Руки были хорошо ухожены, с безукоризненным маникюром, пальцы – изящны; только подушечки почернели от снятия отпечатков.

– Идеальные руки грабителя, – буркнул за его спиной Маклеод. – Готов спорить на месячное жалованье, на нее наверняка есть где-нибудь полицейское досье – пусть даже и не здесь, в Шотландии.

– Профессионалка, приговоренная к смерти профессионалами, – негромко произнес Адам. – И вы считаете, это *она* замешана в хищении Знамени?

Маклеод кивнул:

– Я это нутром чую, Адам. Уж не знаю, за что ее убили, но помяните мои слова, она и есть наша леди-налетчица.

Адам оглянулся на Перегрину. Молодой художник стоял, вцепившись в пиллингс, и с окаменевшим лицом смотрел в воду. Похоже, непосредственное столкновение с преднамеренным физическим устранением оказалось болезненным.

Адам выпрямился и подошел к нему. Перегрин повернулся и понуро глянул на него.

– Я думал, хуже, чем в Мелроузе, не будет, – пробормотал он. – Выходит, я ошибался.

Кипящая белыми барашками волна ударила в причал, взметнув в воздух фонтан соленых брызг. Оба отступили от края, и Адам положил руку Перегрину на плечо.

– Мне кажется, я понимаю, что вы должны чувствовать, – сказал он негромко, но так, чтобы его было слышно сквозь шум волн. – Внезапная насильственная смерть всегда подавляет. Вот почему этому надо порой противодействовать с равной решительностью. – Он всмотрелся в лицо Перегрину. – Нам с Ноэлем тоже далеко не всегда нравится наша работа, Перегрин. Но ее все равно надо кому-то делать.

Молодой художник опустил голову:

– Простите меня. Я не хотел быть вам обузой. Вы хотите, чтобы я порисовал?

Адам запрокинул лицо к грозовому небу:

– А вы сможете – в таких-то условиях?

– Что-нибудь получится, – буркнул Перегрин, расправляя плечи.

Подойдя ближе к труп, он встал, заслоняя этюдник от ветра собственным телом, и достал блокнот с карандашом. Увидев, что он собирается делать, Маклеод вслед за Адамом тоже придвинулся к нему, прикрывая от ветра. Поначалу лицо Перегринна оставалось застывшим и бледным, движения карандаша были дергаными и неуверенными.

А потом он как-то сразу успокоился. Взгляд сделался тверже, карандаш запорхал по бумаге быстро и решительно. Адам с Маклеодом с любопытством заглядывали ему через плечо; на их глазах на листе начал проступать четкий, хорошо прорисованный портрет.

Он изображал убитую – не такой, какой она стала теперь, но такой, какой она, должно быть, виделась окружающим незадолго до смерти. Лицо и одежда не изменились, но волосы сделались темными и длинными, схваченными в модный пучок. На лице виднелись очки, исчезнувшие за несколько часов, проведенных в воде.

Однако, с точки зрения Адама, самым интересным был массивный медальон на цепочке, нарисованный Перегрином на шее покойной. Словно в ответ на мысли Адама художник ткнул в украшение пальцем.

– А это еще один медальон, такой же, как тот, что я рисовал в Мелроузе, – задумчиво пробормотал он. – Готов поклясться, на нем точно такое же изображение... только я никак не могу разобрать, какое именно.

Адам успокаивающе положил руку ему на плечо. Похоже, это прикосновение возымело действие: Перегрин встряхнулся, пришел в себя, закрыл блокнот и не спеша убрал его в этюдник. Адам задумчиво повернулся к местному полисмену, наблюдавшему за всем этим с нескрываемым любопытством.

– Мистер Ловэт – наш художник-криминалист, – пояснил он, пресекая возможные домыслы. – Скажите, в момент обнаружения тела на нем были какие-либо ювелирные украшения?

Сержант покачал головой; объяснение его явно удовлетворило.

– Украшения? Да нет, сэр. Ни кольца, ни брошки какой, даже часов – и тех не было. Я знаю мужика, что ее нашел, – добавил он, – так я готов поручиться за его честность. Тэм – старший из Кирков...

– Все в порядке, – перебил его Адам. – Я ведь вас не допрашиваю – так, интересуюсь.

Они с Маклеодом переглянулись, инспектор отступил на несколько шагов, поманил его за собой и наклонился к его уху.

– Похоже, это подтверждает наши подозрения: типы, организовавшие все это, – те же, кто призывал Майкла Скотта в Мелроузе и украл шпагу Фрэнсиса Хепберна.

Адам кивнул:

– Согласен. И еще мне кажется, это убийство имеет некоторое сходство с другим нераскрытым убийством, на которое я уже обращал внимание. Мне интересно, не наняли ли того загадочного наркодилера из Глазго похитить шпагу и не убили ли его потом в награду за это, придав убийству вид разборки из-за наркотиков. Я бы предположил, что эта женщина тоже со стороны – профессионалка, работавшая по контракту, которую наняли для этой работы, а потом убили с целью скрыть личности нанимателей.

Перегрин шагнул к ним, чтобы следить за ходом разговора.

– Но... – неуверенно заметил он, – но если она не член банды, почему они дали ей медальон?

– Не банды, – поправил его Адам. – Скорее оккультной логи, как мне все больше кажется. Секты черных магов – пока все говорит именно об этом. А что до вашего вопроса, то они дали его ей для защиты.

– Защиты от Знамени, поскольку она не из Маклеодов?

– Весьма вероятно, – согласился Адам. – Знамя Фейри – артефакт, обладающий чрезвычайно мощной энергией. Даже защищенный стеклом, что, возможно, позволяет хоть как-то перемещать его с места на место, он остается потенциально опасным источником стихийных сил. Поэтому наниматели женщины приняли все доступные им меры, чтобы она прожила достаточно, чтобы выполнить задачу. Они дали ей один из своих медальонов. Тот

факт, что вы не смогли разглядеть изображения на нем, характеризует его как весьма мощный талисман, скорее всего несущий на себе символ данной черной логи.

Маклеод тяжело вздохнул.

– Так я и боялся, что все может кончиться чем-то в этом роде. Так вы считаете, ее пристрелили сразу, как только она передала им Знамя?

Адам подумал немного, потом кивнул:

– Пожалуй, да. И еще мне кажется, что убийство произошло где-то здесь, на берегу, поскольку я сомневаюсь, чтобы убийцы стали перевозить тело на большое расстояние. Из этого следует, что в их намерения входило увезти Знамя отсюда не на машине, а на судне.

– А это означает, что Знамя теперь может находиться где угодно, – буркнул Маклеод, хмуро глядя на волны. – Если они увезли его не по суше, это придает всему нашему расследованию совершенно новый оборот.

– Не обязательно, – возразил Адам. – Если мы правильно представляем себе их цели, они намерены завладеть золотом и книгой Скотта сегодня ночью. А сокровища спрятаны где-то здесь – возможно, в одном из четырех определенных нами с Перегрином замков или в их окрестностях. Я предлагаю отправиться в замок – туда, где было похищено Знамя, и посмотреть, сумеем ли мы найти там намеки на место, куда оно направилось.

Пока они говорили, снова стал накрапывать дождик, так что они, поблагодарив сержанта за помощь, поспешно ретировались в “вольво”. Ожидавший их возвращения Сэнди нетерпеливо расхаживал взад-вперед по дороге. Маклеод подошел к нему первым.

– Правильно мы сделали остановку, – сообщил он младшему Маклеоду. – Похоже, кто-то пристрелил нашу леди-налетчицу. А теперь мне кажется, нам лучше поспешить в замок.

Сэнди не заставил себя долго упрашивать. Обогнув полицейский барьер, он нажал на акселератор, и машина рванула в гору, на рискованной скорости одолев крутой поворот над пристанью. Через несколько минут они уже тормозили у моста через ров к парадному входу в замок. Справа от дверей виднелась табличка: “ПРОСИМ ИЗВИНИТЬ, СЕГОДНЯ ЗАМОК ЗАКРЫТ”.

Полиция уже уехала, сделав все, что могла. В вестибюле Адама и его спутников приветствовали морщинистый мужчина на костылях и полная седая женщина в очках.

– Ну вот ты наконец, Ноэль Маклеод! – вскричала женщина и обняла инспектора, не обращая внимания на мокрый плащ.

– Привет, Маргарет. Привет, Финли, – отвечал Маклеод. Они с мужчиной обменялись рукопожатиями, пока его спутники с помощью Сэнди снимали мокрые куртки.

– Ублюдки стырили Знамя аккуратно в ихнее дежурство, – пояснил Сэнди, покончив с представлениями. – Папаша лодыжку вывихнул, когда они его в “бутылку” сунули. Короче, ежели и есть свидетели, так только они.

– Ну, тут много не расскажешь, кроме того, что Сэнди, поди, уж и так рассказал, – буркнул Финли, сморщившись от досады еще сильнее. – Когда леди вернулась да постучала в дверь, достало же у меня ума пустить ее. – Он помолчал, сокрушенно покачивая головой. – Жаль, что я не плюнул на все ее рассказы о потерянных ключах!

– Да полно тебе, Фин! Не твоя это вина, – успокаивала его жена, глядя по руке.

– Может, оно и так, – вздохнул Финли. – Да только лучше уж мне было правой руки лишиться, чем подвести главу клана... и Знамя.

Маклеод скорчил кислую мину и потянул с плеч промокший плащ.

– Когда бы тебе, Финли, довелось столкнуться с тем замыслом, что кроется за похищением, – сказал он, – ты бы мог лишиться и большего. Твою пронырливую леди-налетчицу застрелили вскоре после того, как она побывала здесь, – судя по всему, начальник, которому от нее больше не было проку. Ее тело только-только увезли с пристани.

Финли с женой испуганно переглянулись.

– Это все тот тип в черной маске, это он ее убил! – заявила Маргарет. – Такой гадкий! Мне его голос сразу не показался!

– Ох, не бери в голову, – сказал Финли. – А что Знамя?

– Мы полагаем, что оно в руках тех, кто нанял ее для похищения, – сказал Адам. – К счастью, мы еще надеемся вернуть его, но терять время нельзя. Как нам пройти в гостиную?

Глава 18

Поскольку Финли не мог обойтись без костылей, вести их наверх выпало Маргарет, бормотавшей, что она не видит в этом смысла, раз уж Знамени там больше нет. Адам надел свой перстень еще по дороге с аэродрома, и теперь, поднимаясь по парадной лестнице замка, поглаживал ободок большим пальцем, настраиваясь на предстоящую работу.

Волна экстрасенсорной энергии нахлынула на него, стоило ему и его спутникам войти в гостиную. Взгляд Адама мгновенно уперся в стену между двумя выходящими на море окнами. Бархатные портьеры были отдернуты, и на окрашенной в нежно-розовый цвет стене отчетливо виднелся чуть более темный, чем окружающая краска, прямоугольник. Из этого угла исходил поток явственно ощутимой сверхъестественной энергии.

– Знамя висело вот здесь? – спросил Адам, указав рукой в том направлении.

Вид у Маргарет был несколько удивленный.

– Да.

– Так я и думал.

Поток энергии все усиливался по мере приближения Адама к стене – он ощущался как тепло, исходящее от очага, когда угли уже прогорели. Заставив себя сосредоточиться и открыться этому потоку, Адам с минуту смотрел на пустое пространство, где прежде висело Знамя, потом на мгновение зажмурился.

Размытые цветные пятна замелькали перед ним и соткались в призрачный образ полуистлевшего лоскута бурого шелка, висевшего под стеклом в золоченой раме. Запечатлев этот образ в своем сознании для того, что он намеревался делать дальше, он открыл глаза и переключил свое внимание на Маргарет, неуверенно топтавшуюся у дверей.

– Миссис Маклеод, – сказал он. – Вы не могли бы найти мне фотографию Знамени Фейри?

– А то, у нас есть открытки в лавке, – ответила она. – Принести вам одну?

– Это было бы замечательно, – сказал Адам. – И еще, не знаете ли вы, нет ли у вас там туристских карт? Всего западного региона – если возможно, вплоть до Инвернесса на севере.

Подобная просьба озадачила Маргарет сильнее.

– Ну, сэр, обычно-то у нас их в достатке... вот только если не распродали все. Сами понимаете, конец сезона.

– Уверен, вы постараетесь, – улыбнулся Адам. – Не могли бы вы поискать их для меня? И еще, пожалуйста, мне нужен кусок лески... или суровой нитки – это было бы даже лучше.

– Хорошо, сэр, как скажете.

– Спасибо. Мистер Ловэт, почему бы вам не спуститься с миссис Маклеод и не принести все это сюда, чтобы ей больше не подниматься по этой лестнице? У нее усталый вид. Я уверен, напряжение последних двадцати четырех часов утомило ее.

Высказанное как бы невзначай замечание Адама подействовало подобно приказу. Маргарет моргнула и, не выдержав, широко зевнула, словно ей разрешили наконец поддаться усталости. Перегрин, казалось, был слегка удивлен, но короткий взгляд Адама пресек дальнейшие расспросы с его стороны. Изобразив самую обаятельную из своих улыбок, он галантно взял пожилую даму под руку.

– Позвольте помочь вам, миссис Маклеод, если вы устали, – заявил он. – А после того как вы найдете для сэра Адама все, что ему нужно, вам лучше присесть и выпить чашечку чая.

– Ну... да, да и вздремнуть не помешало бы, – сонно согласилась Маргарет. – Пойдемте-ка, спустимся по черной лестнице.

Он вывел ее из комнаты не оглянувшись. Они миновали комнату, откуда открывался люк в темницу, и исчезли в направлении служебной лестницы. Когда они скрылись из виду,

Маклеод поднял на Адама вопросительный взгляд.

– Это ваших рук дело?

– Какое дело?

– Ладно. Вам же нужно было избавиться на время от нашей славной леди, верно? Ну и что вы намерены делать дальше?

Адам чуть улыбнулся.

– Ничего такого, чего бы вы не видели раньше, – хотя боюсь, это изрядно встревожило бы нашу добрую хозяйку. Кроме того, мне придется внести кое-какие изменения в процедуру, чтобы не перепугать Перегрину. Главная проблема состоит ведь в том, что традиционные улики могут рассказать нам лишь о том, что уже произошло. Если мы хотим использовать шанс вернуть Знамя на место, пока еще не поздно, нам придется подойти к делу с другой стороны...

Пять минут спустя шаги на лестнице возвестили о возвращении Перегрину. Он вошел в гостиную, держа в одной руке стопку карт, а в другой – несколько катушек с нитками.

– Миссис Маклеод не знала точно, для чего вам нитки, я – тоже, поэтому она дала мне три разные. Вот эта, мне кажется, ковровая нить, и она сказала, что вот эта, зеленая, – для вышивки. И поскольку я не знал точно, что вы имели в виду, говоря “этот регион”, я захватил карты острова Скай и еще два комплекта на восток и на север отсюда. Если их сложить вместе, получится большая карта, охватывающая все четыре выделенных нами замка. И вот фото Знамени.

– Вы делаете честь своей подготовке, – с легкой улыбкой заметил Адам, наскоро просмотрев все, что принес Перегрин, и принимаясь раскладывать карты. – Да, это как раз то, что надо. Разложим их на рояле, вот здесь. Скай и Глен-Каннич на крышку, а Торридон сюда, на скамейку. Проверьте, чтобы они были правильно ориентированы, Ноэль, – чтобы север действительно был на севере. Фотографию и нитки можно положить сюда.

– Это все, что вы хотели? – спросил Маклеод.

– Да, просто идеально. А теперь, джентльмены, если вы окажете мне большую услугу и возьмете под наблюдение двери, мы посмотрим, не удастся ли нам что-нибудь обнаружить.

– Вы просто присматривайте за той дверью, – посоветовал Маклеод несколько сбитою с толку Перегрину, направляясь к главному выходу из гостиной. – Нам не обязательно запирается: просто нужно, чтобы нам никто не мешал. Оттуда вам будет видно, что делает Адам. Мне кажется, вам будет интересно.

Адам вряд ли назвал бы то, что он намеревался сделать, словом “интересно”, но он по крайней мере надеялся, что это не будет слишком пугающим.

– Я собираюсь начать с небольшого охранительного ритуала, – произнес он, обращаясь в первую очередь к Перегрину, – поскольку я не знаю, насколько сильны наши противники и какие неприятные сюрпризы они могли приготовить для нас. Этот ритуал – всего лишь разновидность психической защиты. Это займет не больше пары минут, так что вы уж потерпите.

Сказав это, он на время забыл о Перегрине, вышел на середину комнаты и встал лицом к востоку, к стене, противоположной той, на которой висело Знамя. Мгновение он постоял, концентрируясь – склонив голову и прижав кончики сложенных пальцев к губам. Потом, положив левую руку на грудь, он выставил правую над головой и поднял взгляд.

Словно доставая что-то из воздуха двумя чуть согнутыми пальцами, он медленно коснулся лба. Слова, сложившиеся в его уме, звучали на иврите – *Атех, Малкут, Ве Гебурах, Ве Гедулах, Ле Охалм* –, но ради Перегрину он произнес их вслух по-английски:

– *Отче наш...*

При звуках его голоса в комнате воцарилась тишина, еще усилившаяся, когда рука его поднялась ко лбу и, опустившись, коснулась солнечного сплетения.

– *Ибо Твое есть Царство...*

Рука двинулась обратно и направо; концы пальцев коснулись сначала левого плеча, потом правого.

– ... и сила... и слава...

Руки снова сомкнулись вместе в молитвенном жесте.

– ...во веки веков, аминь , – прошептал он окончание формулы, в последний раз склонив голову.

Несколько безмолвных секунд он ощущал на себе взгляд Перегринна – недоверчивый, удивленный, но не испуганный. По правилам ему полагалось после этого начертать по сторонам света четыре пентаграммы, по количеству имен и воплощений божества, но он решил, что Перегринн не совсем еще созрел для этого, да и особой необходимости пока не было. Хватит и простого укрепления ауры.

Лучше всего этой цели послужила бы старинная монашеская молитва – не слишком длинная, но достаточно эффективная на нужный ему промежуток времени. Он простер руки в стороны, откинул голову и запрокинул лицо к потолку, произнося слова негромко, но с неколебимой убежденностью.

– Силою, данной мне Господом моим, Иисусом Христом, – начал он. – Кому служу я всем сердцем моим, всей душой и помыслами... – Он начал медленно поворачиваться вправо, очерчивая раскинутыми руками круг. – Вверяю себя в Божественный круг защиты Его, куда да не осмелится ступить нога смертного.

Завершив оборот, он окончил ритуал так же, как начинал его, – начертав правой рукой каббалистический крест. Сапфир в его перстне, казалось, оставлял за собой в воздухе мерцающий синий след, растаявший только тогда, когда он шагнул в очерченный им круг. Он знал, что это видит Маклеод, и по выражению лица Перегринна понял, что художник тоже увидел это.

– Ну что ж, с этим покончили. – Он ободряюще подмигнул Перегрину и подошел к роялю. – А теперь посмотрим, что нам удастся узнать.

Встав перед роялем лицом к тому месту, где висело Знамя, он придвинул к себе его фотографию, потом взял катушку с ковровыми нитками и отмотал дюймов восемнадцать; чтобы оторвать нить, ему пришлось дернуть изо всех сил. Сложив нить вдвое, он снял с пальца перстень и пропустил через него конец с петлей, которую подхватил свободным концом нити, и затянул. Свободный конец нити он зажал между большим и указательным пальцами правой руки, поставил локоть на крышку рояля, а перстень отставил качаться над фотографией наподобие маятника.

Теперь ему предстояло откалибровать импровизированный инструмент, определив, каким образом тот отзывается на его вопросы. В прошлом ему не раз доводилось пользоваться этим методом, и всякий раз успешно. Чтобы сосредоточиться, он сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух, сфокусировав все свое внимание на изображении Знамени, потом сложил в уме первый вопрос, ответить на который можно было лишь утвердительно.

– *Верно ли это изображение Знамени Фейри?*

Он задал вопрос про себя и подождал. Постепенно, без какого-либо осознанного усилия с его стороны, маятник начал раскачиваться вдоль фотографии.

Отлично. Значит, движение взад-вперед означает “да”.

Кивнув, он остановил маятник свободной рукой и сформулировал второй вопрос, на этот раз с заведомо отрицательным ответом:

– *Находится ли Знамя Фейри в этой комнате?*

На этот раз, выждав несколько секунд, перстень принялся раскачиваться из стороны в сторону.

Остановив его еще раз, Адам сосредоточился на третьем возможном варианте ответа.

– *Удастся ли нам вернуть Знамя Фейри прежде, чем ему будет нанесен непоправимый ущерб или его уничтожат?*

На такой вопрос никто пока не мог дать ни утвердительного, ни отрицательного ответа, поэтому Адам несколько не удивился, когда кольцо начало медленно вращаться по часовой стрелке, словно отвечая: “Я не могу или не хочу отвечать”.

– Отлично, – мягко произнес Адам, бросив короткий взгляд на Перегрину и Маклеода. – Я знаю теперь, как будут выглядеть “да”, “нет” и “не знаю”. Теперь можно задать несколько вопросов, ответов на которые не знаем мы.

Он сделал еще один глубокий вдох и снова сконцентрировался на перстне.

– *Находится ли еще Знамя Фейри на острове?* – спросил он.

Почти сразу же маятник качнулся из стороны в сторону, отвечая “нет”.

– Значит, нет. *Это женищина, которую застрелили, забрала отсюда Знамя Фейри?*

Маятник ответил “да”; Адам только кивнул:

– Да. *Она увезла его на катере?*

Когда маятник ответил “нет”, он нахмурился и покосился на Маклеода, который внимательно следил за происходящим.

– Он говорит: нет. Она увезла его в автомобиле?

– Да.

– Не очень-то далеко она его увезла, – заметил Маклеод. – Да и не могла она. Готов поспорить, она отвезла его на катер, где ее и застрелили.

– Мне тоже так кажется, – ответил Адам, – но перстень говорит... ах да! *Попала ли она сама на этот катер?*

– Нет.

– Значит, она отвезла его на машине на катер?

– Да.

Он чуть улыбнулся и снова посмотрел на Маклеода.

– Ну что ж, мне кажется, это уже что-то. Хотя эта технология требует точных формулировок, начинает проступать какой-то смысл. Она отвезла Знамя на машине к причалу, передала его кому-то на катере, но сама на борт не поднималась, потому что там ее и застрелили. Значит, следующим вопросом будет: *Верно ли, что Знамя Фейри увезли на катере?*

– Да, – ответил маятник.

– *Находится ли оно на катере сейчас?*

Снова “да”.

– Значит, оно все же не слишком далеко, – заметил Маклеод. – При такой волне, как сейчас, далеко ли уйдешь на маленьком судне?

– Не будем делать поспешных выводов, – предостерег его Адам. – *Находилось ли Знамя Фейри на катере все это время?*

– Нет.

– Нет? – вскричал Маклеод – Неужели они приставали к берегу и снова перегрузили его в машину?

Жестом свободной руки Адам призвал его к молчанию и снова уставился на маятник.

– Не все вопросы разом, пожалуйста. *Было ли Знамя Фейри выгружено с первого катера и погружено в...* Нет, сформулируем по-другому. *Было ли Знамя Фейри выгружено с первого катера?*

– Да.

– *Было ли Знамя Фейри перегружено в какой-то наземный экипаж?*

– Да.

– *А теперь оно находится на другом катере?*

– Да.

На всем протяжении этого странного диалога Перегрин следил за ним с нарастающим удивлением.

– Адам, неужели вы и правда *верите* информации, полученной таким образом?

Адам позволил себе сухо улыбнуться.

– До сих пор такая информация подтверждалась. А вы можете предложить что-то лучше?

– Ну, нет. Но...

– Тогда смотрите молча, Ноэль?

– Да?

– У нас нет ни малейшего представления о том, кто стоит за всем этим, а наводящие вопросы можно задавать хоть до утра, не приблизившись к разгадке ни на шаг. Поэтому я бы предложил несколько другой метод, чтобы узнать настоящее местоположение Знамени.

– Ясно, – кивнул Маклеод и повернулся к Перегрину – Прошу вас, мистер Ловэт, не прерывайте его больше. Ему необходима предельная концентрация.

Перегрин виновато кивнул. Адам сдвинул фотографию с карты и, не убирая с нее левой руки, переместил раскачивающийся на нити перстень в точку над пятном, которое обозначало на карте острова Скай замок Данвеган.

– Ладно, прелесть моя, – пробормотал он чуть слышно, обращаясь к фотографии Знамени. – Где ты *теперь* ? Я знаю, где ты было прежде, и я знаю, что грубые люди сорвали тебя с законного места, чтобы использовать в корыстных целях, но если ты хочешь, чтобы я помог тебе, тебе придется помочь мне. Пользуясь мною и маятником, покажи мне, где ты сейчас. Я знаю, что мы можем установить контакт, если постараемся как следует.

На мгновение он застыл, прищурившись и направив всю психическую энергию на поставленную перед ним задачу. Призвав в уме астральный образ Знамени, он легонько дунул на перстень так, чтобы тот начал вращаться.

Поначалу никакой реакции не последовало. Стараясь дышать размеренно, Адам зажмурился и распахнул двери своего сознания настежь, призвав вечный разум Света, чтобы тот усилил магнетическое воздействие Знамени и обострил его собственное восприятие. Вибрирующая энергия пробудилась и вырвалась на свободу из глубин его “я”, словно упруго распрямляющаяся в броске змея.

В перстне запульсировала встречная вибрация, поднимаясь по нити, словно по проводам, к его пальцам. Два потока столкнулись, и в их водовороте он уловил что-то еще: вскипающую ярость, воплотившуюся в грозу, что надвигалась на остров Скай. Адам быстро опознал источник этого гнева – это были фейри, повелительницы стихий земли, неба и моря.

Волна их гнева накатила на него и, взорвавшись в комнате водоворотом огня и теней, заполонила ее. Он вдруг ясно увидел внутренним взглядом яростный смерч, извивавшийся в воздухе между роялем и стеной, на которой висело раньше Знамя Фейри. А когда он открыл глаза, то увидел его и воочию. Быстрый взгляд в сторону спутников сказал ему, что они тоже видят *это* .

В хаосе смерча вдруг соткалось призрачное лицо, неверное, меняющееся, но неизменно прекрасное в своей зловещей красоте. Он мог только предполагать, кому оно принадлежит, – возможно, воплощению фейри, чья душа обретала в Знамени. Одно было ясно: создание это принадлежало к роду бан-сидхе; змеевидные локоны извивались вокруг точеного лица, зеленый огонь горел в пустых глазницах, хищные когти щелкали в воздухе, готовые рвать и терзать.

– Придержи свой гнев, Дитя Стихий, – ровным голосом произнес Адам. – Я не враг тебе. Я – друг, который поможет тебе исправить то зло, что было совершено здесь.

– *Люди всегда обманывали Сидхе!* – отвечало существо голосом, напоминавшим треск рвущегося шелка, от которого по спине против воли пробежал холодок леденящего ужаса. – *Скажи, что мешает мне убить тебя на месте, где стоишь? Как посмел ты призвать меня, когда твое племя нарушило наш священный договор?*

Не в силах унять дрожь, Адам все же совладал с цепенящим страхом и заставил себя смотреть прямо в бездонные, полные адского пламени провалы глаз.

– Ты считаешь, ты одинок в своем гневе? – возразил он. – Те, кто нанес оскорбление тебе, оскорбили и меня – меня, Старшего в Совете Семи, поставленного Старейшими охранять Свет и силы Природы, что служат Ему, будь то люди или духи. Призвав из загробного мира чародея Майкла Скотта, человека, некогда дружившего с вашим племенем, эти злоумышленники преступили Извечный Закон. Они искалечили душу нынешнего воплощения Скотта – невинного ребенка, который может никогда не оправиться от того, что с

ним сделали. Эти же дерзкие наглцы жаждут того, что им не принадлежит, – сокровищ Скотта, находящихся под твоей охраной. Это на них должен быть направлен твой гнев – не на меня, пытающегося остановить их.

Вихрь продолжал кружить, рассыпая искры безудержной ярости, угрожая оборвать ту непрочную логическую нить, что выстроил Адам.

Адам ощущал на себе взгляды оцепеневших от ужаса Перегрин и Маклеода. Когда существо нависло над ним, угрожая поглотить, Адам откинул голову и твердо встретил его взгляд.

– Я не тот, кто тебе нужен, – предпринял он последнюю попытку. – Тебе нужны те, кто похитил *am Bratach Sith*, – те, в чьих руках оно находится до сих пор, кто намерен с его помощью похитить книгу заклинаний Скотта и ваше золото! Покажи мне, где оно сейчас, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы остановить их. Ни я, ни мои помощники не тронут того, что по праву принадлежит вашему миру. Более того, клянусь, если это в моих силах, вернуть *am Bratach Sith* на его законное место.

Адам ощущал, как его душу обжигает необузданная энергия существа, угрожая испепелить ее. Он пошатнулся, не в силах устоять против натиска, но не позволил себе отвести взгляда от того, что готово было поглотить его. Из последних сил он поднял фотографию и раскачивающийся на нити перстень.

– *Покажи мне!* – приказал он.

При этих словах существо испустило истошный визг и бросилось на него, оцарапав когтями крышку рояля. Карты и катушки полетели на пол.

– *Покажи мне!* – повторил он, невольно содрогнувшись, но не опустив глаз.

Оглушительный грохот взорвался в его мозгу, и он без чувств рухнул на пол. Должно быть, он потерял сознание всего на несколько минут, но когда очнулся, он лежал рядом с роялем, Маклеод с тревогой придерживал его голову, а Перегрин стоял на коленях с другой стороны. Он так и продолжал сжимать фотографию Знамени Фейри в левой руке, но ни перстня, ни нити не было видно.

– Слава Богу, вы живы! – прошептал Маклеод, от волнения заговорив с акцентом горца. – Боже праведный, парень, да он жив! Что это за тварь такая была?

Продолжая бороться с головокружением, Адам все же привел себя в сидячее положение.

– Все в порядке, Ноэль. Кажется, я все сделал как надо. И прошу вас, Перегрин, не смотрите вы на меня как на привидение. Это был всего лишь баньши.

– Баньши? – поперхнулся Перегрин. – Но...

– Как мне кажется, это можно определить точнее как дух Знамени Фейри, – продолжал Адам, подбирая под себя ноги. – Да помогите мне, оба! Раз я до сих пор жив, думаю, это должно было сработать. Мне нужно знать, куда делся мой перстень.

– *Ваш перстень?* – вскричал Маклеод. – Да вы хоть понимаете, что едва живы остались? Успокойтесь, а не то снова хлопнетесь в обморок. Да где эти чертовы капсулы с нашатырем... никогда не найдешь, когда нужны! – добавил он, шаря по карманам пиджака Адама. – Вечно вы, доктора, как сапожники без сапог!

Пытаясь успокоить их хотя бы жестами – слов его, похоже, никто не слушал, – Адам, шатаясь, поднялся на ноги, вцепился обеими руками в крышку рояля и огляделся по сторонам. Последствия гнева баньши виднелись по всей комнате. Карты, лежавшие прежде на крышке рояля, валялись на полу вперемешку с катушками ниток, а клочки разноцветной бумаги, усеявшие рояль, наглядно свидетельствовали о судьбе карты, лежавшей верхней в стопке. Полированная крышка оказалась изуродована: ее поверхность прочертили шесть параллельных царапин, обрывавшихся у единственной оставшейся нетронутой карты. И на этой самой карте поблескивал в электрическом свете сапфир в золотой оправе.

– Ах, так вот он где, этот ваш чертов перстень! – буркнул Маклеод, протягивая к карте руку. – Гляньте-ка, что сделалось с роялем!

Но Адам задержал его. Вытянутая по прямой нить, протянувшись от замка Данвеган,

упиралась в середину озера Лох-Несс, а внутри ярко блестящего золотого кольца виднелось название: *замок Уркхарт* .

Глава 19

Словно окаменев, стояли все трое у рояля и смотрели на заключенные в золотое кольцо буквы на карте.

– Замок Уркхарт! – пробормотал Маклеод.

– Это действительно означает то, что мне кажется? – неуверенно спросил Перегрин, который наконец-то поверил в увиденное.

Скользнув взглядом по царапинам на крышке рояля, Адам потрогал перстень указательным пальцем, потом взял его и отвязал нить.

– Это означает, – сказал он, надевая кольцо обратно на палец, – что сокровища Майкла Скотта спрятаны в замке Уркхарт и что Знамя Фейри везут туда, чтобы прикрыться им от законных хранителей.

– Уркхарт, – повторил Перегрин, рассеянно глядя куда-то в пространство. – Значит, мы все это время шли по верному пути! – Он удивленно покачал головой. – Ну конечно, все сходится. Когда я вспоминаю, что я рисовал тогда, и сравниваю те наброски с фотографиями, что мы видели в Лондоне, даже странно становится, как мы не заметили сходства. И кстати, в описании говорилось, что в районе замка имеются пещеры, некоторые – ниже уровня воды.

– Ага, и лох-несское чудовище тоже сторожит клад, если он еще там! – пробормотал себе под нос Маклеод. – Адам, вы точно уверены, что нам нужно ехать отсюда в Уркхарт?

Адам принялся изучать карту окрестностей Лох-Несса, но при этих словах чуть раздраженно обернулся.

– Ноэль, я только что рисковал своей жизнью – и, возможно, душой... не говоря уже о чести Адепта, – чтобы заставить бан-сидхе открыть нам место, где хранятся сокровища фейри. А ведь на кону не только сохранение этого клада.

– Я знаю, – буркнул Маклеод.

– Не уверен, – возразил Адам. – Вас тревожит судьба принадлежащего Маклеодам Знамени Фейри, и правильно тревожит. Но незаконное использование Знамени – это только начало. Если похитители добьются успеха, в их руки попадет книга заклинаний Майкла Скотта – что само по себе уже пугающая перспектива. Но и это еще не все: они завладеют золотом фейри. Слышите этот ветер за окнами?

– Конечно, слышу.

– Ну так вы были правы, когда говорили, что в нем что-то неестественное, – продолжал Адам. – Это вовсе не обычный осенний шторм. Это порождение Сидхе – и он сделается еще сильнее, если они по той или иной причине будут злиться и дальше.

– Что именно вы хотите этим сказать? – угрюмо спросил Маклеод.

Адам подумал немного, стиснув губы.

– Фейри дали Маклеодам Знамя как редкий талисман, знак своего расположения, – сказал он наконец. – Его кража – оскорбление всему потустороннему миру. Сидхе никогда и никому не спускали такого с рук. А кража их золота только усугубит это оскорбление. Их гнев уже высвободил такие стихийные силы, которые, выйдя из-под контроля, могут опустошить всю Шотландию.

Его последние слова были заглушены внезапным порывом ветра, от чего стекла в обращенных на море окнах жалобно задребезжали. Перегрин вздрогнул и невольно придвинулся к своим старшим спутникам.

– Кажется, стоит все-таки рассказать вам о странном сне, что привиделся мне прошлой ночью, – неуверенно произнес он. – Я хотел даже рассказать о нем за завтраком, но при свете дня это показалось слишком тривиальным.

– Продолжайте. – Адам насторожился.

– Ну, мне послышался далекий зов трубы... или рога. Вроде как трубы, зовущие на

битву. И в свете случившегося мне теперь кажется, это могло быть чем-то вроде предупредительного сигнала – вот только тогда я еще слишком мало знал, чтобы понять это.

Морщины на лице Адама стали еще глубже. Он тяжело вздохнул и, опершись обеими руками о крышку рояля, опустил взгляд.

– Жаль, что вы не сказали мне тогда, – пробормотал он. – Впрочем, это мало что изменило бы в том, что нам предстоит.

– Но почему? Что это значило? – спросил Перегрин.

– Это было не совсем предупреждение, – медленно произнес Адам. – Скорее это был призыв к оружию – возможно, даже к Дикой Охоте. Если ее не сдержать вовремя, мне страшно даже думать о возможных последствиях.

Потрясенный Маклеод с усилием заставил себя встретиться взглядом с Адамом.

– Простите, Адам. Я не знал.

– Я тоже. Никто из нас не знал. Но это делает стоящую перед нами задачу еще более неотложной.

Адам тряхнул головой, сделал еще один глубокий вдох и, похоже, взял себя в руки.

– Ладно, джентльмены. Теперь нам надо выработать план дальнейших действий. Нам известно, что золото фейри и книга Скотта находятся где-то в районе замка Уркхарт. Будем исходить из того, что это известно и похитителям и что они сейчас держат туда путь вместе со Знаменем, чтобы осуществить свои намерения, как только стемнеет и силы Самхайна достигнут максимума. – Адам всмотрелся в отрезок карты между Данвеганом и Уркхартом, водя пальцем вдоль красных линий автомобильных дорог, по которым им предстояло проехать.

– От маятника мы узнали также, что Знамя находится на борту катера, – продолжал он, покосившись на Маклеода. – Это означает, что они плывут по Лох-Нессу. Но откуда бы там они ни отплыли, пунктом их назначения остается Уркхарт. Как вы считаете, сколько нам нужно времени, чтобы добраться туда?

Маклеод склонился над картой, поправил очки и пальцами, словно циркулем, измерил расстояние.

– Ну, до парома миль пятьдесят, а дорога сами видели какая.

– Видели...

– Дорогу от побережья до Уркхарта я знаю не так хорошо, – продолжал Маклеод, – но если верить карте, со всеми изгибами и поворотами это выйдет миль семьдесят или восемьдесят. – Он покачал головой и скривился. – Я бы сказал... часа три, с поправкой на погоду и паромную переправу. Это если паром вообще ходит – что в такую погоду не обязательно.

Адам бросил взгляд на часы и принялся складывать карту.

– Об этом будем беспокоиться, когда доберемся до переправы, – сказал он. – А пока нам надо ехать: и так уже почти пять часов. Это значит, что мы будем в Уркхарте не раньше восьми.

– А это слишком поздно? – спросил Перегрин.

– Надеюсь, что нет, – ответил Адам. – Отсчет критического времени пойдет после начала Самхайна. Если бы их операцией руководил я, я бы отложил ее начало до полного захода солнца – а еще лучше, до восхода луны, когда шпага и Знамя Фейри достигнут наибольшей эффективности. Но сегодня закат, судя по всему, ранний – солнца все равно не видно будет за тучами. Если они нетерпеливы, они могут начать и раньше, – так что чем быстрее мы окажемся там, тем лучше. Ноэль, вы можете достать для нас машину?

Маклеод кивнул.

– Я поведу “вольво”. В конце концов, Маклеод уполномочил нас пользоваться всем, что необходимо. И прежде чем мы тронемся в путь, я хочу позвонить своему коллеге в Инвернесс, чтобы тот обеспечил нам полицейскую поддержку. Магия, конечно, штука сильная, но наши неприятели уже по меньшей мере один раз использовали огнестрельное оружие, и мне что-то не верится, чтобы они постеснялись использовать его снова. Попрошу,

чтобы на Лох-Несс выслали полицейский катер.

Он в последний раз посмотрел на изувеченную крышку рояля и вздохнул.

– Если бы я разбил к чертовой матери машину главы клана, это бы можно было пережить. В конце концов, этого требовала бы работа. Я все пытаюсь придумать, как буду объясняться насчет рояля...

Инспектор еще раз вздохнул, повернулся и зашагал к двери на парадную лестницу. Адам и Перегрин молча последовали за ним. Они успели спуститься всего на несколько ступенек, как все огни в замке Данвеган разом мигнули и погасли.

– Черт, этого еще не хватало! – буркнул Маклеод, пытаясь на ощупь найти стену. Его спутники просто застыли на месте. Довольно скоро глаза привыкли к полумраку – окна немного пропускали на лестницу слабый свет с улицы, – однако для того, чтобы спускаться, его не хватало.

– Как вы думаете, что случилось? – шепотом спросил Перегрин.

– Должно быть, гроза оборвала провода или трансформатор сгорел, – пробормотал Адам. – У них здесь есть аварийный генератор, Ноэль?

– Угу. Он должен завестись через минуту.

Стоя плечом к плечу в зловещем полумраке, они ощущали вибрацию каменного пола под ногами – это морские волны далеко внизу били в скалу, на которой стоял замок. Как и было обещано, секунд через десять свет загорелся снова, на этот раз под аккомпанемент исходившего откуда-то из подвала механического гула.

– Хотя что-то работает, – пробурчал Маклеод. – Впрочем, может, и это ненадолго. Держитесь ближе за мной и смотрите под ноги.

Они продолжили спуск по широкой парадной лестнице, стараясь держаться ближе к перилам на случай, если свет погаснет снова. И правда, не успели они спуститься в вестибюль, как свет снова начал мигать. В вестибюле их ждал озабоченный Сэнди Маклеод с зажженной керосиновой лампой в руке.

– А я уж собирался идти выручать вас с гостинной, – сообщил он. – Генератор чтой-то барахлит. Ладно, раз вы здесь, пойду в подвал, гляну в чем дело.

– К черту генератор, – перебил его Маклеод. – Что, телефоны работают?

Сэнди удивленно уставился на него.

– А кто их знает? Поди, никто не пробовал звонить.

– В таком случае окажи услугу, – вздохнул Маклеод. – Есть у вас здесь, в вестибюле, хоть один телефон?

Сэнди повернулся и ткнул пальцем:

– Вон там, за стойкой.

Инспектор, хмурясь, устремился к стойке администратора и придвинул к себе аппарат. Он снял трубку, поднес ее к уху, вздохнул, несколько раз нажал и отпустил клавишу и положил трубку обратно.

– Безрадостная картина. Молчит как убитый.

– А как насчет сотового, который у вас с собой?

– Он в салоне “вольво”, в моей сумке.

– Я принесу, – вызвался Сэнди. – Такая синяя, с кармашками?

– Она самая.

Сэнди отворил входную дверь – и порыв ветра швырнул в прихожую заряд дождевых брызг. На лестнице завывали сквозняки, от которых пробирала дрожь. Свет продолжал загораться и гаснуть. Через несколько минут вернулся насквозь мокрый Сэнди, бережно прижимавший к груди синюю сумку Маклеода. С нескрываемым любопытством он следил за тем, как Маклеод расстегивает один из боковых карманов и достает оттуда сотовый аппарат.

– Не знаю, будет ли он работать, – предупредил он своих спутников. – Эти штуковины и в нормальных условиях не слишком надежны. Ладно, не попробуешь...

Подойдя ближе к двери, чтобы уменьшить возможные помехи от каменных стен, он включил телефон. Убедившись, что сигнал есть, он набрал номер полицейского отделения в

Инвернесе. В трубке слышались два гудка, потом сигнал оборвался оглушительным треском атмосферного разряда.

Маклеод выключил связь и сделал еще одну попытку. На этот раз атмосферные помехи слышались сразу по окончании набора номера. Маклеод нажал на кнопку выключения и с досадой закатил глаза.

– Возможно, дело еще в расстоянии, – заметил Адам. – Может, лучше попробовать Форт-Огастас? От Уркхарта он примерно на таком же расстоянии, зато на сорок миль ближе к нам. Номер помните?

– Нет, но он был у меня где-то записан. – Маклеод уже рылся в извлеченной из внутреннего кармана записной книжке. – Ага, вот он.

Он набрал номер и стал ждать, нервно крутя в руках записную книжку. Лицо совсем уже раздосадованного инспектора просветлело, как только номер ответил.

– Ага! По крайней мере сигнал есть. Не могу, правда, сказать, что связь намного лучше, – сообщил он через плечо своим спутникам, – но пока... Алло! Это полиция? Отлично. Говорит инспектор Ноэль Маклеод, Эдинбургский отдел.. Алло, вы меня слышите? Мне срочно нужен дежурный офицер... пожалуйста...

Следующие несколько минут Маклеод, перекрикивая треск атмосферных разрядов, пытался обрисовать ситуацию настолько полно, насколько это вообще было возможно. В конце концов разговор прервался на полуслове, и возобновить связь ему не удалось. Маклеод с чувством произнес краткий, но выразительный эпитет в адрес современной техники, выключил телефон и повернулся к друзьям.

– Ну что ж, – доложил он. – Если нам повезло, парень, с которым я говорил, получил достаточно информации, чтобы послать туда наряд. Но я бы не слишком на это полагался, в основном из-за погоды.

– Так что все зависит от нас? – спросил Адам.

– Боюсь, что так, – устало вздохнул Маклеод. – Вот так всегда: если хочешь, чтобы все было сделано как надо, чаще всего приходится делать все самому.

Он наклонился, чтобы убрать телефон обратно в сумку, и тут Сэнди наконец не выдержал:

– Вы что, правда в Уркхарт собрались?

– А что?

– На кой черт кому-то тащить туда Знамя Фейри, а?

Маклеод распрямился и похлопал Сэнди по плечу.

– Если я прав, объясню как-нибудь потом, – сказал он. – И насчет рояля наверху – тоже. А пока нам нужна машина. Сколько у тебя бензина в “вольво”?

– Ну, дотуда-то хватит, да только вот не знаю, как это вы намылились выбраться с острова. Паром навряд ли ходит.

– Об этом будем беспокоиться, когда доберемся до порта, – ответил Маклеод. – Ключи в машине?

Весь вид Сэнди выражал сомнение.

– Ну. Но коли уж вы твердо решили тронуться туда, хоть зайдите в кладовку, оденьтесь для дождя. Ваши плащи в такую погоду все равно что ничего; промокнете до нитки.

С подобной логикой Маклеод не мог не согласиться. Он старался не думать о том, что они будут делать, когда доберутся до Уркхарта, поэтому сосредоточился только на том, как им туда попасть, а перспектива замерзнуть и промокнуть по дороге, мягко говоря, не радовала.

– Сэнди прав, Ноэль, – согласился Адам, прежде чем Маклеод успел ответить. – Наши действия будут не такими эффективными, если мы промокнем.

– Раз так, давайте сюда, – сказал Сэнди. – Кладовка аккурат здесь, под лестницей. У нас тут все, что надо: и для служителей, да и когда шеф или его родня наезжают, то там же оставляют. Берите все, что надо, а я пойду расскажу папаше, что за оказия вышла...

Он исчез в направлении служебной лестницы, оставив их выбирать снаряжение по

собственному вкусу. Они без труда выбрали из дюжины пар выстроенных вдоль стен веллингтоновских резиновых сапог три подходящие, а безразмерные дождевики наверняка защищали от непогоды лучше их собственных плащей. Маклеод сменил свой пиджак на толстый свитер. Они успели переодеться, и тут вернулся Сэнди, а с ним – его мать. Маргарет Маклеод несла маленькую плетеную корзинку для пикника, каковую и вручила Маклеоду.

– Надо же, – сокрушенно поцокала она языком, – люди в погоню за этими ублюдками собираются, а их никто даже чаем не напоит! Вот вам с собой в машину. Ничего особенного – сэндвичи да булочки, – но на время, куда вы найдете чего посытнее, вам хватит.

Маклеод, благодарно кивнув, принял у нее корзинку и без лишних слов протянул Перегрину, а сам зашагал в вестибюль за своей синей сумкой. Сэнди с Маргарет проводили их до дверей, где все трое намотали на шею шарфы и подняли капюшоны, приготовившись нырнуть в грозу. Маклеод повернулся к Адаму:

– Кто поведет машину: я или вы?

Адам покачал головой:

– Вы профессионал. Мне лучше исполнять роль штурмана... Да и лишняя пара глаз не помешает, если погода испортится еще сильнее. Стоит стемнеть окончательно – и видимость приблизится к нулевой.

– Ладно, не буду спорить, – кивнул Маклеод. – Раз так, идем!

Стоило Сэнди отворить дверь, как ветер с дождем снова ворвались в дом. Маргарет ойкнула и побежала прятаться.

– Я чего думаю, может, вам лишняя пара рук пригодится? – предложил юноша, когда Перегрин, а за ним Маклеод сквозь дождь устремились к машине.

Улыбка на мгновение осветила лицо Адама.

– Как-нибудь в другой раз. Хотя спасибо за предложение. А вот чем бы вы могли действительно помочь – так это быть наготове на случай, если позвонит глава клана, и сообщить ему, куда мы направились. Если нам удастся вернуть Знамя Фейри, он должен быть готов принять его у нас.

– Хорошо, сэр, так я и сделаю.

Адам хлопнул его по плечу и нырнул в дождь. Спустя несколько секунд он уже занял место рядом с Маклеодом.

– Всем пристегнуться и держаться как следует, – предупредил инспектор, поворачивая ключ в замке зажигания – Легкой поездки не обещаю.

Деревья, которыми была обсажена аллея, раскачивались под ударами ветра как безумные, и всю дорогу до основного шоссе по сторонам от машины падали сорванные ветви. Огни замка Данвеган почти сразу же растворились в темноте за спиной.

Свернув направо, машина устремилась по шоссе в сторону деревушки Данвеган. В окнах деревенских домов по Хай-стрит не было видно ни огонька, блестящие от дождя мостовая и тротуары были совершенно пусты. На перекрестке за деревней им встретился один-единственный грузовик, но Маклеод обогнул его, почти не снижая скорости.

Дорога петляла между холмами. Ветер завывал в кустах хором злобных неземных голосов. Маклеод вел машину в спортивной манере, с безукоризненной точностью срезая все возможные повороты. Перегрину, сидевшему на заднем сиденье, оставалось только цепляться побелевшими от напряжения пальцами за подлокотники и спинку кресла Адама и стараться не думать о тех милях, что им предстояло еще одолеть до порта.

Они вихрем пронеслись через Стрюэн и Брекдейл; следующим населенным пунктом на карте значился Драйнох. От дождя асфальт сделался скользким, словно по нему разлили масло, но Маклеод продолжал гнать “вольво” на скорости, с точки зрения Перегрина, давно превысившей разумный для такой погоды предел. Неподвижно сидевший рядом с Маклеодом Адам теребил пальцами сапфир на перстне, но молчал.

Спустя сорок минут после выезда из Данвегана они ворвались в Кайлиэкин. У въезда в порт стояла вереница беспомощно застывших машин. Когда Маклеод по осевой линии подъехал к барьеру, перегораживавшему дорогу, из темноты вынырнул полисмен в

блестящем от дождя плаще с ацетиленовым фонарем в руках.

– Простите, сэр, но паром не ходит: шторм, понимаете ли, – сообщил он, когда Маклеод опустил стекло. – Боюсь, придется вам поворачивать откуда вы там приехали.

Маклеод, хмурясь, полез в карман и достал оттуда свое полицейское удостоверение.

– Боюсь, парень, я не могу сделать этого, – сказал он. – Я выполняю задание, и нам необходимо попасть на большую землю как можно быстрее.

Лицо полисмена заметно вытянулось.

– Ну, сэр, раз уж вам так нужно... Да только насчет парома решает капитан. Нельзя винить его в том, что он не хочет выводить судно в море в такой шторм. Он пришел из последнего рейса с полчаса назад, и что-то я сомневаюсь, чтобы он поплыл еще куда.

– Ладно, может, мне удастся уговорить его передумать, – заявил Маклеод; его голубые глаза угрожающе блеснули из-под очков. – Где капитан?

На лице полисмена явственно читалось сомнение, но выучка все же не позволила ему спорить со старшим по званию, тем более по вопросу, который его не слишком касался.

– Вам виднее, сэр. Думаю, он еще на борту. А если он не там, вы скорей всего найдете его с помощником в ихнем офисе – это в дальнем из вон тех домов.

– Спасибо, – с мрачным удовлетворением буркнул Маклеод. – А теперь, если вы сдвинете барьер, я смогу заняться своим делом.

Миновав барьер, они быстро спустились по улочке к набережной. Справа от них подпрыгивали на волнах катера и рыболовецкие суденышки, стоявшие на якоре. Паром был намертво пришвартован в дальнем конце причала, его надстройка едва виднелась сквозь завесу дождя, и если бы не горевшие вдоль набережной желтые натриевые фонари, не была бы видна вовсе. Широкий бетонный пандус спускался к самой воде. Маклеод, остановивший машину у въезда на него, внимательно всматривался в волны.

– Не так страшно, как кажется – особенно если отойти немного от берега, – заключил он. – Так, покачает немножко. Сложность в другом: как завести машину на борт. Тут нужен точный расчет, чтобы не испугаться.

– Если только вам вообще удастся убедить капитана отойти от берега, – сказал Адам. – А если серьезно, Ноэль, – насколько все плохо?

Маклеод изобразил на лице кривую улыбку.

– Мне приходилось плавать в погоду и хуже. Посмотрим, приходилось ли *ему*. Побудете в машине, мистер Ловэт?

Дождаться ответа Перегринна он не стал. Подняв ворот плаща, он отворил дверь машины и выбрался на улицу. Адам последовал его примеру, и они целеустремленно зашагали в дальний конец пристани. В маленькой ходовой рубке над палубой горел свет; Маклеод с Адамом взбежали по трапу и направились туда. На двери в рубку был небольшой круглый иллюминатор, сквозь который они увидели коренастого лысеющего мужчину в бесформенном сером пуловере и мятой капитанской фуражке, который сидел в кресле и пил из кружки кофе. Рядом сидел мужчина помоложе и повыше ростом, с падавшей на глаза растрепанной рыжей челкой.

Для приличия Маклеод постучал в дверь, однако ждать ответа не стал и, держа в руке полицейское удостоверение, открыл ее и вошел. Следом за ним зашел Адам. Сидевшие внутри удивленно повернулись к ним.

– Эй, это еще что за штуки? – начал было мужчина помоложе.

– Инспектор-детектив Ноэль Маклеод, – объявил полицейский, обращаясь к старшему мужчине. – Извините, что беспокою вас, но это вы – капитан этого судна?

– Ну. Звать Арчи Макдональд, – откликнулся капитан. – А вон мой помощник, Чарли Бейрд, – ворчливо добавил он и ткнул пальцем в направлении мужчины моложе. – А что стряслось?

Маклеод не стал терять время на подготовку.

– Нам нужно, чтобы вы переправили нас на большую землю.

– Чего? *Сейчас?* – не поверил своим ушам Макдональд.

– Да, сейчас.

– Да вы никак рехнулись! – сообщил Макдональд. – На случай, коли вы последние часы не выглядывали на улицу, могу сказать: там настоящий шторм. И ежели ветер не сдует нас аж до Лох-Дуича, то уж волны будут швырять, как мяч для регби. Поверьте моему слову, плавание вам не понравится.

– Мы и не ожидаем развлекательной прогулки, – отпарировал Маклеод. – Это полицейская операция, а не вылазка бойскаутов! – Увидев, что моряки не шелохнулись, он решил сблефовать. – Если понадобится, командовать судном буду я. У меня есть на то полномочия.

– Неужели? – не без ехидства поинтересовался Макдональд. – А кто, с позволения спросить, его поведет, а?

– Если потребуется, я сам поведу, – фыркнул Маклеод. – В свое время я получил лицензию, так что справлюсь не хуже...

– Если мы не переправимся, – негромко, но решительно перебил его Адам, – под угрозой окажутся не только наши жизни, но и жизни многих других людей. Если бы ситуация не была чрезвычайной, мы не просили бы вас и вашего помощника идти на такой риск. Но дело обстоит именно так, и у нас нет выбора.

Его тон, так же, как и его внешность, возымел должное действие. Капитан посмотрел на него исподлобья, но не без уважения.

– Чрезвычайная ситуация, говорите? – переспросил он, явно смягчаясь. – А что за ситуация?

– Боюсь, пока мы не вправе рассказывать об этом, – ответил Адам все тем же уверенным тоном. – Вам придется верить мне на слово, что под угрозой оказались жизни многих людей. Уверяю вас, – добавил он, – мы открываем вам ровно столько, сколько позволяют обстоятельства. Выполните ли вы то, о чем просит вас инспектор?

Капитан задумчиво прикусил нижнюю губу, явно прикидывая статус Адама во всей этой истории, но, подумав еще немного, он оглянулся на своего помощника.

– Ну? Что скажешь, Чарли?

Помощник пожал плечами. Как и капитан, он внимательно смотрел на Адама.

– Если вы играете в эту игру, шкипер, то и я тоже.

Капитан принял вердикт одобрительным кивком и повернулся к Адаму.

– Ладно, попробуем, – со вздохом сказал он. – Но только поведу паром я сам, – добавил он, покосившись на Маклеода. – Может, это и не Бог весть какое корыто, но я к нему привык. Если уж кому его топить, так уж лучше самому.

Он снял с крючка потертую желтую зюйдвестку и принялся облачаться в нее; его помощник последовал его примеру.

– Можете сидеть здесь, коли хотите, – сказал он. – Смотрите только не наблюдайте мне на чистую палубу.

– Возможно, мы недостаточно ясно выразились, – ровным голосом произнес Адам. – С нами еще третий пассажир – и машина.

– Машина... – Макдональд застыл, так и не натянув зюйдвестку до конца, и обменялся со своим помощником недоверчивым взглядом. – И вы думаете, вы сможете загнать на палубу машину – в такую-то погоду?

Ответ Маклеода был краток и однозначен:

– Да.

Макдональд долго и внимательно смотрел на инспектора, потом медленно кивнул.

– Ну, на этой-то стороне вы, может, и погрузитесь. Но вот сумеете ли вы согнать ее на берег на той стороне – это еще вопрос. Боюсь, она окажется не на берегу, а в воде.

– Мы рискнем, – ответил Маклеод.

Выразив всю степень своего сомнения фырканьем, капитан пожал плечами и развел руками:

– Ну ладно, если вы так настаиваете. Но только если что, я не отвечаю.

– Разумеется, – кивнул Адам.

– Раз так, возвращайтесь к своей машине и ждите, пока я не дам гудок, чтоб вы спускались по пандусу. Мы с Чарли постараемся держать это корыто на месте.

Вернувшись на причал, Маклеод и Адам бегом поспешили к машине. Перегрин был не в силах скрыть нетерпение.

– Ну что, берут они нас? – спросил он.

– Берут – и машину, к счастью, тоже, если только мне удастся загнать ее на паром.

– А вам удастся? – спросил Адам.

Маклеод кивнул, не сводя глаз с беснующихся волн и крепко сжимая руль.

– Угу. Только не захлопывайте дверцы и будьте готовы быстро отстегнуть ремни. Если я все же загоню ее в воду, лучше уж я буду переживать, как потом оправдываться перед главой клана. Мне не хотелось бы мучиться еще из-за того, что утопил при этом и вас.

Перегрин захлопнул рот, он вдруг гораздо яснее представил себе, что им предстояло в ближайшие минуты. Время, казалось, остановилось, заполнившись только пронзительным завыванием ветра и грохотом разбивающихся о бетон волн. Выждав несколько секунд, Маклеод завел мотор и включил дворники. Сквозь залитое водой ветровое стекло виднелись размытые светлые пятна ходовых огней парома, медленно приближавшиеся к ним от дальнего конца причала.

Когда корабль подошел ближе, Маклеод тоже включил фары, осветившие бурлящую за кормой воду – капитан выравнивал паром, ставя носом против бетонного пандуса. Паром надвинулся совсем близко, взревел сиреной и начал опускать носовую рампу. Как только она миновала горизонтальное положение, Маклеод включил передачу, удерживая машину до нужного момента на тормозах.

– Поехали! – буркнул он и убрал ногу с педали. “Вольво” дернулась и рванула вниз по бетонному спуску.

Расчет оказался безупречен; капитан тоже не сплеховал. Схлынула волна, стальная рампа с лязгом опустилась на бетон, машина подпрыгнула на стыке и вылетела на палубу. Мгновение спустя рампа, разбрызгивая хлопья пены, поднялась за их спиной, а следующая волна приподняла паром и отнесла его от пандуса. Еще через несколько минут они уже держали курс на северо-восток, в сторону Кайл-Ов-Лохалш.

Как только “вольво” застыла на месте, Маклеод поставил машину на ручной тормоз и заглушил мотор. Несколько секунд все молчали.

– А сколько... сколько времени идет паром в нормальную погоду? – спросил наконец Перегрин, как только вновь обрел способность дышать.

– В нормальную погоду? – Маклеод фыркнул и криво улыбнулся. – Минут пять–десять. Ну а сегодня – это я знаю не лучше вашего.

В салоне снова воцарилась тишина, нарушаемая только завыванием ветра и шумом волн. Адам вздохнул, и посмотрел на часы.

– Уже больше шести, – негромко сообщил он. – А на что это будет похоже на том берегу?

– Хуже, – коротко ответил Маклеод. – Там причал больше открыт в море и, если память мне не изменяет, пандус круче. Если будет совсем паршиво, мы можем сойти на берег пешком и найти другую машину. Впрочем, я бы этого не делал, – добавил он, нахмурившись. – Даже если мне удастся и дальше выдавать все это за официальное полицейское расследование, с машиной могут возникнуть сложности. И потом, никогда не знаешь, что тебе подсунут. Эта старая жестянка – не самая шикарная машина, которую я выбрал бы для такой поездки, но по крайней мере я привык к ней по дороге сюда. Она доставит нас в Уркхарт довольно быстро – если мы только сможем спустить ее на берег.

Молчание, следовавшее за этими словами, тянулось дольше, чем в прошлый раз. Ревя дизелями на полных оборотах, паром переваливался с волны на волну с грацией беременной морской коровы. Дождь и морская пена заливали ветровое стекло, дворники только размазывали по нему соленые разводы. Противоположный берег едва маячил впереди

неверной темной массой, чуть темнее низкого неба. Белые гребни волн казались иззубренными оскаленными зубами.

Минута тянулась за минутой. Противоположный берег постепенно приближался. Носовые прожекторы паром в очередной раз скользнули по пенящейся воде и внезапно уткнулись в мокрый бетонный пирс порта Кайл-Ов-Лохалш.

Пока капитан пытался подвести паром к пандусу, судно переваливалось с борта на борт, как сильно подгулявший пьяница. Иногда волны доплескивали почти до самого верха пандуса. Рев корабельной сирены на мгновение отвлек внимание сидевших в машине от берега.

– Это сигнал для нас, – немного натянуто произнес Адам. – Время приготовиться к высадке – если получится.

Ветер завывал, как баньши. Маклеод завел мотор “вольво” и подогнал машину ближе к носовой рампе, в то время как Макдональд малым ходом подводил паром к берегу. Мотаясь из стороны в сторону под ударами волн, судно неуклюже задвигало нос в зазор между двумя выступами бетонного пирса. Скрипя ржавым приводом, рампа начала опускаться.

Машина подпрыгнула как от небольшого подземного толчка – это плоское дно паром ударилось о нижнюю часть пандуса. Из торчащих за ходовой рубкой труб вырвался клуб дыма: перегруженные дизели, надрывно ревя, пытались удержать судно в нужном положении. Край опускающейся ramпы завис в нескольких футах над пандусом, и тут же тяжелый удар волны мотнул его в сторону.

– Ему придется еще постараться, – пробормотал Маклеод.

Адам молча кивнул.

Паром трижды подходил к бетонному пандусу, и только один раз ему удалось зайти ровно, приблизившись к нему ближе чем на два фута. Когда капитан отвел его назад для новой попытки, Маклеод с досадой тряхнул головой.

– Этого я и боялся, – вздохнул он. – Он не может подойти достаточно близко.

– А мы-то сами сможем сойти на берег? – спросил Перегрин. – Не знаю, как вы двое, но я не уверен, что смогу прыгнуть через такую расселину.

– Возможно, и нет, – задумчиво сказал Адам. – Но я думаю, не может ли Ноэль перепрыгнуть ее *на машине* ?

Он покосился на Маклеода. Тот удивленно посмотрел на нее:

– *Перепрыгнуть?* На машине?

Адам кивнул.

– Разве вас не учили прыгать на машине с трамплина на этих ваших курсах антитеррористической подготовки?

– Ну, несколько раз мне приходилось. Но это...

Он оценивающе посмотрел на залитый водой пандус, на полосу воды, отделяющую его от ramпы паром, на расстояние от бампера машины до ramпы, потом оглянулся назад.

– Должно получиться, – задумчиво произнес он. – Если отъехать к самой кормовой ramпе, разгона должно хватить. Могут только возникнуть проблемы с пробуксовкой колес по стальной палубе.

– Я видел песок в пожарных ведрах, у лестницы на мостик, – сказал Адам. – Мы можем посыпать им палубу.

Маклеод еще раз посмотрел ему в лицо. Перегрин на заднем сиденье затаил дыхание, почти не веря в то, что они говорят это совершенно серьезно.

– Вы действительно хотите, чтобы я попытался? – спросил Маклеод. – Адам, я не шутил, что могу утопить машину. А ведь это было еще до разговора о прыжке. Что я скажу главе клана, если облажусь?

– Скажете, что облажались, – ответил Адам, – но по крайней мере вы сделаете попытку. И потом, как вы верно заметили, мы всегда можем реквизировать другую машину. Однако мы теряем время.

– В настоящий момент, – заметил Перегрин, – вопрос может носить чисто

академический характер. Мне кажется, наш капитан сдался.

Действительно, рычание дизелей сменило тональность. Паром отходил от пандуса, а носовая рампа начала подниматься.

– Вам лучше пойти со мной, – сказал Маклеод Адаму, ставя рычаг переключения передач в нейтральное положение и вытягивая ручной тормоз. – Мне могут пригодиться ваши исключительные способности к убеждению. Мистер Ловэт, я попросил бы вас подежурить в машине еще немного.

Согнувшись под ударами ветра, Маклеод и Адам бегом одолели расстояние, отделявшее их от рубки, и поднялись по лестнице на мостик, где в иллюминаторах маячили фигуры Макдональда и его помощника.

Глава 20

– Вы хотите... *что* ? – поперхнулся Макдональд, глядя на ввалившихся в рубку так, словно те объявили о намерении прогуляться по воде аки посуху. Вцепившийся в рычаги управления дизелями за его спиной помощник тоже смотрел на них, выпучив глаза.

– Я знаю, что это несколько рискованно, – кивнул Маклеод, – но повторяю вам, на карту поставлена жизнь людей. Самое страшное, что может случиться – это то, что я неправильно рассчитаю и привожу машину футов за десять от берега.

– Ну да, а если вы не сумеете выбраться? Я не хочу, чтобы по моей вине кто-то утонул!

– Капитан, мы не собираемся тонуть, – рассудительно сказал Адам. – Собственно, мы даже не намокнем, если вы только исполните свою роль как надо.

– Мою роль? Да я и так расстарался как мог, дружище! При такой-то волне сомневаюсь, чтобы кто-то смог подойти ближе!

– Ну, при прошлых попытках мы ведь не собирались прыгать, не так ли? – возразил Маклеод. – Вы просто повторите заход – подойдите на такое же расстояние – *всего три попытки!* – и я или прыгну, или откажусь от этой затеи.

Макдональд смерил его испытующим взглядом, потом точно так же осмотрел Адама и снова повернулся к Маклеоду.

– Обещаете, что утихомиритесь после трех попыток? – спросил он.

– После трех попыток, – повторил Маклеод.

– И если мы подойдем достаточно близко для попытки, – добавил Адам, – я пошлю каждому из вас премию в сто фунтов. Вот моя карточка. Обещаю вам, я держу свое слово.

Макдональд взял карточку и внимательно изучил ее.

– “Сэр Адам Синклер, баронет”, – прочитал он вслух. – “Член Королевской Коллегии...” Эй, да вы что, доктор?

– Да, врач.

– Психиатр, если верить тому, что написано?

Адам кивнул.

– И что, он не псих? – спросил Макдональд, махнув рукой в сторону Маклеода.

– Нет, только попал в отчаянное положение. И пока вы спорите, людям угрожает опасность. Так вы хотите премию или нет?

Макдональд покосился на своего помощника, который в ответ только пожал плечами, и кивнул. Сжав губы, Макдональд снова повернулся к Маклеоду.

– Ладно, три попытки – я надеюсь, вы понимаете, на что идете. Помогите мне фарами, когда будете готовы.

Спускаясь по скользким ступенькам обратно на палубу, Маклеод оглянулся через плечо на Адама.

– Спасибо, Адам. Я мог просто приказать им попробовать, но благодаря вашему предложению сделка стала куда привлекательнее. Если у нас сейчас ничего не получится, то уж не потому, что эти ребята не старались как следует.

– Немного подсластить никогда не помешает, – ответил Адам.

Возвращаясь к машине, они захватили с собой ведра с песком. Маклеод отогнал “вольво” по палубе назад, почти оперев машину задним бампером в поднятую рампу, а Перегрин и Адам рассыпали песок.

– Указания те же, что прежде, – объявил Маклеод, когда все забрались обратно в машину. – Будьте готовы покинуть машину, если я промахнусь.

– Вы не промахнетесь, – убежденно возразил Адам, глядя на начавшую опускаться носовую рампу. – Все дело в точном расчете.

Маклеод промолчал. Помигав фарами, левой ногой он до отказа вдавил педаль тормоза в пол и передвинул рычаг на первую передачу. Правой ногой он то прибавлял, то убавлял газ, не сводя глаз с края рампы и сужающейся по мере приближения паром к берегу полосы воды.

Первый заход оказался неудачным. В самый критический момент волна, ударившая в паром, сбива его с курса так, что угол стальной рампы с грохотом ударил по бетону пандуса, а следующая волна сдвинула его еще сильнее. Им потребовалось несколько минут, чтобы завести паром на исходные позиции для новой попытки.

Перегрин вцепился в спинку кресла Адама и, напрягая зрение, уставился вперед. Под горевшими на причале фонарями у въезда на пандус виднелось несколько фигур.

– Надеюсь, эти парни сообразят убрать с дороги, – пробормотал Перегрин.

– Если мы выедем, – отозвался Маклеод.

– Мы выедем, – уверенно заявил Адам.

Паром томительно медленно подходил к пирсу для новой попытки. Капитан удерживал его чуть левее, но ветер и волны сами выравнивали курс, ставя нос прямо против бетонного пандуса.

– Держитесь, может, сейчас! – предупредил Маклеод, когда до берега оставалось совсем немного.

Казалось, время застыло, словно кто-то нажал на кнопку “пауза”. Медленно-медленно полоса воды между носом парома сузилась с десяти футов до восьми, потом до шести и продолжала сужаться. Если все пойдет так и дальше...

– Ну! – хриплым шепотом выдохнул Маклеод, отпустил тормоз и нажал на акселератор. Машина устремилась вперед, чуть виляя на мокрой палубе – даже песок помог только отчасти, – но все же она набирала скорость достаточно быстро. Они выскочили на рампу как раз в то мгновение, когда та зависла в каком-то ярде от бетона. На миг машина взмыла в воздух, потом проскребла бампером по бетону и всеми четырьмя колесами плюхнулась в воду. По счастью, глубина не превышала четырех-пяти дюймов, да и те схлынули вместе с волной, отнесшей паром обратно от берега..

– Держитесь! – крикнул Маклеод. – Мы еще не выбрались!

Отчаянно удерживая направление на скользком бетоне и не позволяя машине соскользнуть обратно в море, он жал на газ. Из-под задних колес летели фонтаны брызг и пара – выхлопная труба оказалась под водой, – но после томительной секунды борьбы шины все-таки зацепили бетон – и машина с ревом вылетела по пандусу наверх.

Фигуры, суетившиеся у въезда на пандус, бросились врассыпную, а за ними обнаружилось несколько перемигивавшихся синими вспышками машин неопределимого в темноте цвета. Оскалившись в волчьей ухмылке, Маклеод нажал на тормоз, махнул рукой в сторону маячившего за спиной парома и посмотрел на Адама.

– Возьмите вон тот большой фонарь и просигнальте им “V”, “Виктория”, Адам! – торжествующе сказал он, не обращая внимания на фигуры, спешившие к ним со стороны синих вспышек.

Адам с радостью исполнил приказ, просигналив в заднее окно тремя короткими вспышками и одной долгой. В ответ на его салют немедленно взревела корабельная сирена: три коротких гудка и один долгий; от этого рева дрожь пробирала аж до костей.

Все трое рассмеялись. Адам повторил сигнал и опять получил немедленный и не менее оглушительный ответ. Впрочем, широкоплечая фигура в пожарной робе, подбежавшая к ним,

шлепая по луже и светя фонариком в водительское окно, не была расположена смеяться.

– Что это вы такое творите, мистер? – рывкнул тот, пригибаясь к окну Маклеода. – Не нравятся мне ваши шуточки! Еще несколько дюймов правее – и вы нацепили бы меня на капот вместо серебряной фигурки!

Все еще улыбаясь, Маклеод опустил стекло и показал свое удостоверение.

– Простите. Мы смеемся вовсе не над вами. Просто мы чертовски рады выбраться с этого чертова парома! И уж пугать вас мы точно не собирались. Мы здесь по весьма неотложному полицейскому делу.

– Ну, раз так, другое дело, – все еще ворчливо, но не без почтительности отозвался пожарный. – И то сказать, такого вождения я, окромя как в кино, еще не видывал. Я не знал даже, что паром ходит.

– Он и не ходил, – ответил Маклеод, – но мы убедили капитана в том, что его долг перевезти нас. Скажите, каковы дорожные условия отсюда до Форт-Огастаса?

Мужчина фыркнул, но уже вполне добродушно, задумавшись над этой новой проблемой.

– Ну, этого я вам не скажу. У нас и здесь, видите ли, хлопот полон рот. Это не шторм, а прям ужас какой-то. В жизни такого не видывал. Никаких тебе предупреждений по радио – и вот на тебе: крыши с домов срывает, столбы валит... У нас уж несколько часов как телефона нет.

Короткий взгляд на царившие за его спиной хаос и разрушение подтвердил его слова. Слева от них ветер сорвал крышу с небольшого торгового павильончика и швырнул измятый лист кровли прямо в витрину ближайшего магазина. Вся мостовая была усеяна осколками стекла и мокрыми газетами. У ближнего к ним жилого дома, также павшего жертвой урагана, сустились люди, которые пытались хоть чем-то закрыть выбитые окна. В довершение всего в воздухе явственно ощущался запах газа из пробитой где-то неподалеку магистрали. Аварийная бригада со светоотражающими повязками на руках разбирала завал в возможном месте повреждения.

Маклеод сочувственно кивнул:

– Да, вам не позавидуешь. Скажите, а радики у вас нет?

Пожарный помедлил с ответом, вытирая струившуюся по лицу воду.

– Ну, есть, да только я не обещаю, что вы туда пробьетесь. Тут в атмосфере столько электричества со всеми ихними молниями! Но отчего бы не попробовать?

– С вашего позволения, я бы попробовал, – сказал Маклеод. – Если мы пробьемся до кого-нибудь из Форт-Огастаса, нас могут связать с полицией.

– Постараемся как можем, – сказал пожарный. – Только сперва отгоните машину, ладно? Вон туда, к заправке. – Он ткнул пальцем себе за спину. – Она не работает, но вы можете поставить машину под навес: какое-никакое, но укрытие. Я подожду вас у своей машины.

Пока Маклеода не было, Перегрин вспомнил о корзинке, которую дала им с собой миссис Маклеод, и нашарил ее на соседнем сиденье.

– Как насчет сэндвича, пока мы ждем, Адам? – предложил он, роясь в корзинке. – Потом нам может не представиться шанс поесть.

Адам, изучавший при свете маленького карманного фонарика карту, мотнул головой.

– Мне не надо, спасибо. Такую работу лучше делать на пустой желудок.

– Правда? – Перегрин отложил в сторону сэндвич, который начал уже было разворачивать, и вопросительно посмотрел на Адама. – Почему?

Не отрывая взгляда от карты, Адам чуть повернул голову в сторону Перегрина и улыбнулся:

– Какое объяснение вы предпочитаете – медицинское или эзотерическое?

– Ого! Вы хотите сказать, их больше одного? – спросил Перегрин.

Адам добродушно усмехнулся и повернулся к нему, положив руку на спинку сиденья.

– Если честно, причины в обоих случаях близки. С точки зрения физиологии процесс

пищеварения приводит к оттоку крови от мозга, а это значит, что умственные функции после принятия пищи далеки от оптимума. Вот почему после сытного обеда обычно тянет соснуть.

Перегрин кивнул:

– Ну, это логично. А эзотерическое объяснение?

– Принятие пищи – процесс приземляющий; вот почему обыкновенно после медитации или других психических процедур рекомендуется как следует поесть и выпить. Помните, как я кормил вас, когда вы в первый раз приехали ко мне?

– Помню.

– Однако если кому-либо предстоит работа на высших уровнях, это означает, что ему не нужно, чтобы его приземляли, – продолжал Адам. – В таких случаях мозг должен работать с предельной эффективностью. Поэтому приходится поститься – или по крайней мере ограничивать себя в еде. Впрочем, можно пить, только если это не алкоголь.

Перегрин достал из корзинки небольшой термос, отвинтил крышку и принялся.

– Чай, – объявил он. Приятный аромат заполнил машину, подтверждая его слова. – Это пойдет?

– Очень хорошо, – ответил Адам.

Они сидели, потягивая чай из стаканчиков, и ждали возвращения Маклеода. Чай был крепкий и сладкий и приятно грел пальцы и желудок. Через несколько минут Адам поставил свой стаканчик на приборную доску и снова повернулся к Перегрину.

– Передайте-ка мне тот телефон из сумки Ноэля, ладно? Вряд ли я дозвонюсь, конечно, но все же стоит попытаться получить дополнительное подкрепление для того, что ждет нас в Уркхарте.

Широко раскрыв глаза от любопытства, Перегрин передал телефон вперед и стал смотреть, как Адам опускает стекло со своей стороны, высовывает в проем антенну и набирает номер. Даже с заднего сиденья ему был слышен треск статических разрядов в трубке. К четвертой или пятой попытке Адама дозвониться он уже начал утрачивать к этому интерес.

– Ага! – пробормотал вдруг Адам. – Этот отвечает. На что спорим, я попаду на автоответчик?

Выражение его лица почти сразу же подтвердило эти опасения. Поэтому Перегрин был весьма удивлен, услышав загадочное сообщение, которое надиктовал Адам.

– Это Адам, сейчас шесть тридцать семь вечера тридцать первого числа, – произнес он, сверившись с часами. – Примерно через час мы с Ноэлем начнем охоту на довольно опасную дичь. Если вы получите это сообщение вовремя, мне нужно, чтобы вы отправились в клуб и присоединились к нам. Предупредите остальных, если это возможно; я говорю по сотовому и не могу больше ни до кого дозвониться. Это очень важно. Конец сообщения.

Пока он выключал телефон и убирал антенну, Перегрин глазел на него вытаращенными глазами.

– Так сколько *вас* еще? – чуть слышно спросил он.

Адам поднял стекло и загадочно улыбнулся.

– Довольно, чтобы неприятель призадумался, если до этого дойдет, – ответил он.

С остальными расспросами пришлось подождать, поскольку вернулся Маклеод. Когда он, стряхнув часть воды с дождевика, забрался в салон, Перегрин налил ему стаканчик горячего чая. Маклеод с наслаждением сделал несколько глотков, потом отставил стакан в сторону и принялся протирать очки сухим носовым платком.

– Пока вас не было, я попробовал поднять остальных, – сообщил ему Адам, вернув телефон Перегрину. – Безуспешно, если не считать автоответчика у Линдси. Я оставил сообщение, но сомневаюсь, чтобы его прочитали вовремя для того, чтобы помочь.

– Похоже, все ложится на наши плечи, – ответил Маклеод, отхлебнув чаю. – Если честно, я удивлен, что вам вообще удалось куда-то пробиться. От рации никакого толка. Гроза заглушила все к востоку от Лох-Клюни.

– А дорога? – спросил Адам. Маклеод допил чай и покачал головой.

– Никто ничего не знает. Придется пытаться счастья самим.

На этой безрадостной ноте он вернул пустой стаканчик Перегрину, завел машину, пристегнулся, включил дворники и фары и дал двигателю немного прогреться: даже за то недолгое время, что его не было, дождь сделался заметно холоднее. Перегрин убрал термос и стаканчики обратно в корзинку, не без сожаления посмотрел на сэндвичи, но все мысли о еде разом вылетели у него из головы, стоило Маклеоду тронуть машину с места. Как только они выехали из-под навеса бензоколонки, порыв ветра ударил в борт “вольво”, заметно покачнув машину, и Перегрину снова пришлось цепляться за подлокотник и спинку переднего кресла.

– Нам еще чертовски повезло, что мы едем не в “мини”, – буркнул Маклеод, покрепче ухватившись за руль.

Осторожно обогнув сгрудившиеся у причала аварийные машины, они медленно выехали из деревни и направили нос машины на запад. Вокруг бушевала гроза; ветер завывал, как голодный волк. Справа парапёт набережной захлестывали воды Лох-Элша. Ветер срывал пену с гребешков волн и швырял ее под колеса все время, пока они неслись вдоль берега к деревне Дорни.

Возле Дорни дорога и вовсе скрылась под водой. Во все стороны летели шрапнелью клочья пены от разбивавшихся о дорожную насыпь волн. Не было видно даже серой громады Эйлин-Донана, возвышавшегося всего в нескольких сотнях ярдов справа от них.

– Еще час, и нас бы отрезало, – мрачно заметил Маклеод. – Интересно, насколько еще ухудшится погода?

Как бы ни мешала им непогода, пятимильный отрезок дороги вдоль Лох-Дюича, даже несмотря на то что окончательно стемнело, они одолели с приличной скоростью. Однако затем дождь усилился. Их взорам открылся Глен-Шиль: темная аэродинамическая труба, прорезавшая горы Кинтейла с востока на запад; дождь все усиливался, заливая ветровое стекло водой едва ли не быстрее, чем дворники успевали ее смахивать. Фары пробивали водяную завесу не дальше чем на длину корпуса машины. Стиснув зубы, Маклеод провел “вольво” через серию крутых зигзагообразных поворотов, сбавляя скорость с каждой новой сменой направления.

– Все без толку – дальше капота я ничего не вижу, – признался он Адаму. Машина ползла по совершенно прямому отрезку дороги со скоростью миль пятнадцать– двадцать в час. – Если мы хотим ехать вперед, мне нужна помощь.

Адам молча кивнул и прикрепил фонарик-ручку клипсой к углу карты, чтобы высвободить обе руки. Дорога впереди была почти не видна за водяной завесой.

Выпрямившись в кресле и упершись ногами в переборку за двигателем, Адам сжал левой рукой надетый на правую перстень с сапфиром, склонил голову, зажмурился и сделал глубокий вдох. Вместе с выдохом он почти беззвучно вознес молитву Творцу Света:

*Domine noster,
Lumen semper ardens,
Ubi sunt tenebrae,
Fiat lux!*

Он почти физически ощущал, как в ответ на молитву его окутывает Свет, исходящий из камня и разливавшийся по всем нервным волокнам его тела, наполняя каждую клетку жизненной силой. Тепло проникало глубже и глубже, согревало сердце и разум.

Внутреннее озарение принесло с собой возможность видеть окружающий мир собственным мысленным зрением, не столько меняя то, что он видел глазами, но обостряя способность анализировать информацию, полученную от других органов чувств. Вновь подняв взгляд на дорогу, он смог лучше различить сквозь хаос дождя и ветра серую полосу асфальта и повороты дороги.

Его совершенно не беспокоило, что он вряд ли мог охарактеризовать механизм этого видения или даже описать свои ощущения словами, – главное, оно было совершенно реальным. Там, где дорогу скрывали темнота и проливной дождь, видимость для него вновь стала такой, какой была бы в нормальных условиях, а возможные препятствия, только что

скрытые от взгляда, сделались по меньшей мере различимыми.

Пока Адам готовился, Маклеод вел машину со скоростью улитки, глядя только вперед и пытаясь различить дорогу перед машиной хотя бы на несколько футов. Теперь, когда Адам снова поднял голову, Маклеод бросил на него быстрый взгляд.

– Готовы? – спросил Адам.

– Готов.

Адам протянул правую руку к рулю и взялся за обод так, чтобы она касалась левой руки Маклеода. Тот сделал глубокий, долгий вдох, повел плечами, стряхивая напряжение, и снова уставился на дорогу. Перегрин, округлив глаза, молча следил за происходящим, не совсем понимая, что именно собираются делать его спутники.

– Прямо по курсу все чисто, – пробормотал Адам, – и у вас достаточный запас пространства с обеих сторон. К счастью, нам вряд ли встретятся машины. Сместитесь на осевую линию и начинайте набирать скорость. Я скажу, когда притормозить.

Повинуясь лежащим на руле рукам Адама и Маклеода, “вольво” начала набирать ход. Стрелка спидометра переместилась с цифры “20” на “30”, потом подобралась к “35”.

– Вот так... пока хватит, – все тем же негромким, ровным голосом продолжал Адам. – Возьмите градусов десять левее... теперь обратно на двенадцать... теперь пятнадцать градусов вправо... так держать...

Повинуясь командам Адама, Маклеод постепенно разогнал “вольво” до пятидесяти. Эту скорость они поддерживали следующие двадцать минут, пока Адам распознавал ожидавшие их впереди дорожные выбоины, повороты и прочие препятствия. Подобно пилоту, ведущему самолет по приборам, Маклеод безоговорочно повиновался командам Адама, чутко реагируя на малейшие движения его руки. Перегрин, наблюдавший за ними с заднего сиденья, начал подозревать, что вот так, в паре, им приходилось работать уже не раз.

Они миновали Глен-Шиль и ехали теперь вдоль Лох-Клюни. Озеро, казалось, вот-вот выйдет из берегов, дорога местами скрывалась под водой. Дважды им приходилось съезжать с асфальта, чтобы объехать затопленные участки слева, где земля поднималась выше. Каждый раз Адаму удавалось благополучно вернуть машину на шоссе, потеряв всего несколько драгоценных минут.

Когда озеро благополучно осталось позади, Адам, не сводя взгляда с дороги, передал карту Перегрину.

– Последите за картой, Перегрин, – мягко попросил он. – Нам предстоит миновать развилку, и мне не хотелось бы пропустить ее в темноте.

Перегрин поспешно сверился с картой, посветив себе фонариком-ручкой.

– Вам нужен поворот налево, – сообщил он, оторвавшись от карты. – Там должен быть указатель: “А – восемьсот восемьдесят семь”, или “Инвернесс” – если его, конечно, еще не сдуло.

Напрягая глаза изо всех сил, Перегрин успел заметить мелькнувшее навстречу размытое пятно дорожного щита.

– Теперь в любой момент, – предупредил он. – Собственно, это даже не поворот влево, а скорее перестроение в левый ряд.

– Приближаемся, – сказал Адам Маклеоду. – Сбавьте ход и приготовьтесь взять левее, по моей команде. Тише... *Давайте!* И держите прямо. Отлично сработали, спасибо обоим.

Странное дело, но похвала вдруг согрела Перегрину душу – после долгих миль тряски на заднем сиденье в качестве бесполезного пассажира он даже начал было сомневаться, стоило ли им брать его с собой. Он еще раз сверился с картой, но им предстоял еще только один поворот, при выезде на Лох-Несс, когда им нужно будет повернуть на север. Однако на всякий случай он следил за названиями тех редких деревушек, которые они проезжали; это позволяло ему почувствовать себя пусть малой, но все же частью происходящего.

Где-то впереди у горизонта грохотал гром, и по мере их продвижения на северо-восток вдоль вспухшей от дождя реки Мористон небо все чаще освещалось вспышками молний. Им пришлось сделать еще несколько объездов по проселочным дорогам в местах, где на шоссе

велись работы. Через несколько миль после деревни Дандрегган они, сделав крутой поворот, вдруг уперлись в запрудившее дорогу стадо промокших, перепуганных овец.

Маклеод затормозил прежде, чем Адам успел открыть рот, и машина застыла в считанных дюймах от животных.

– Чертовы безмозглые твари! – взорвался Маклеод. – Стоило нам врезаться в одну, и наша поездка могла бы здесь и закончиться. Посмотрим, удастся ли мне прогнать их с дороги.

Он безуспешно посигналил, потом осторожно тронул “вольво” вперед. Насквозь промокшие, оцепеневшие от света фар, овцы неохотно расступались перед длинным капотом машины. Одна особенно упрямая овца даже не сошла с места, отпрянув только тогда, когда бампер толкнул ее в бок. Остальные подались к обочинам, в конце концов освободив узкий проезд для машины.

Когда овцы наконец остались позади, Маклеод снова увеличил скорость. Очень скоро они миновали исковерканные ураганом остатки дорожного указателя. Сам щит валялся в кювете.

– Это, должно быть, Инвермористон, – сказал Перегрин, просунувшись между передними сиденьями, когда они сбавили скорость при въезде в деревню. – Скоро перекресток, пересечение с А – восемьдесят два. Вам лучше перестроиться в пе...

– Осторожно! – вдруг перебил его Адам. – Впереди аварийные огни.

Недовольно шипя что-то себе под нос, Маклеод притормозил и медленно подъехал к мужчине в дождевике, расставлявшему на асфальте аварийные фальшфейеры. Чуть дальше лежал на боку тягач с полуприцепом; рядом с ним остановилась легковая машина, ее стоп-сигналы добавляли оранжевого мигания к красным огням фальшфейерам.

– Надеюсь, пострадавших нет, – пробормотал Адам, когда они вплотную приблизились к месту аварии. – Как врач я обязан предложить помощь.

Когда “вольво” поравнялась с расставлявшим фальшфейеры мужчиной, Адам убрал руку с руля, а Маклеод опустил стекло со своей стороны.

– Пострадавшие есть? – окликнул Маклеод. Мужчина поморщился, держа только что зажженный фальшфейер огнем от себя.

– Только моя гордость, – ответил он. – Ну, и получка, может, тоже. Я всего-то хотел до Форт-Огастаса добраться, но ветер словно с цепи сорвался. Ну, я и решил остановиться. Лучше бы мне тогда не съезжать с полотна – порывом ветра меня и перевернуло.

Маклеод сочувственно кивнул.

– Сомневаюсь, чтобы вам удалось сегодня найти аварийку, – заметил он. – Как там, на севере, дороги?

Мужчина покачал головой.

– Не советую пробовать. Дорога свободна, но ветер совсем дикий, и видимость почти нулевая. Дальше к северу еще и грозы. А озеро беснуется – просто жуть.

– Ладно, будем осторожнее, – сказал Маклеод, подняв руку в знак благодарности. – Удачи вам.

– И вам тоже.

Они с черепашей скоростью обогнули перевернутый грузовик и выехали на основную полосу. Адам снова положил руку на руль. Инспектор покосился на него, потом перевел взгляд на дорогу и прибавил скорости.

– Как, продержитесь еще? – спросил он.

На лице Адама начали проявляться признаки усталости, но он все же слегка улыбнулся, по-прежнему не сводя глаз с дороги.

– Отсюда до Уркхарта вряд ли больше пятнадцати миль. Переживу.

Машина вырвалась на берег Лох-Несса и тут же содрогнулась, словно от удара великанской руки. Ветер, не встречая никакого сопротивления в длинной, узкой долине, словно в аэродинамической трубе, разогнался до двадцати миль в час, свирепо набрасываясь на склоны гор.

Движение на прилегающих к Лох-Нессу дорогах обыкновенно оживленнее, чем в Глен-Шиль, поэтому обочина шоссе была усеяна застигнутыми ураганом машинами всех видов и размеров. Некоторые машины перед остановкой явно потеряли управление и накренились, стоя одним или двумя колесами в кювете или прижавшись смятым крылом к каменной ограде.

Под руководством Адама Маклеоду удалось сравнительно быстро миновать десятимильную полосу препятствий из заглохших машин и прочих жертв мелких дорожных происшествий. Справа от шоссе с упорством разъяренного зверя набрасывались на берег черные волны Лох-Несса.

Однако центр этого катаклизма лежал где-то впереди. Когда до Глен-Уркхарта остались одна-две мили, внимание Перегрин привлекло призрачное бело-голубое сияние, мерцавшее у горизонта. Оно отличалось от молний, тоже время от времени освещавших небосклон, и воспринималось не столько физическим зрением, сколько внутренним взором.

Он заметил также, что это встревожило и Адама с Маклеодом. Инспектор то и дело косился в ту сторону, но Адам так и не сводил взгляда с дороги. Далеко впереди и ниже них к небу взмывали призрачными пальцами белые от пены волны, похожие на лепестки водных лилий. Приглядевшись, в хаосе можно было различить подобие водоворота, и это же движение угадывалось в кипении стихий над вершинами холмов.

Смысл происходящего не ускользнул и от Адама, хотя, казалось, он был занят совсем другим. Он понимал, что это такое и что это означает. Обитатели волшебного мира поднимали в гнев своем Волшебное Воинство. И если их праведный гнев не будет удовлетворен, его жертвами могут стать все без разбора, кто окажется в зоне их действия. Единственное средство умиротворить оскорбленных фейри – призвать к ответу их обидчиков.

Адам снова посмотрел на небо. В то мгновение, когда машина одолела очередной изгиб трассы, из темноты слева вынырнуло что-то темное и массивное и бросилось через дорогу прямо перед машиной.

Маклеод от неожиданности чертыхнулся и вильнул влево. Ему удалось избежать столкновения, но “вольво” занесло и вышвырнуло с асфальта. Машина перемахнула остатки невысокой ограды из каменных плит и с громким всплеском замерла посередине пологого откоса к воде. Одна фара погасла, но оставшаяся освещала залитую водой яму.

Несколько мгновений были слышны только стук дождевых капель по крыше, капоту и негромкое урчание двигателя. Потом Маклеод перевел дыхание и ослабил хватку на руле.

– Все целы? – хрипло спросил он.

Услышав уверенное “да” Адама, не пришедший еще в себя Перегрин неуверенно подался вперед со своего места.

– Что случилось? – спросил он.

– Мы чуть не наехали на кого-то, – ответил Маклеод.

Пегррин посмотрел на Адама.

– Вы видели, кто это был?

– Не очень ясно, – сказал Адам. – Но, судя по силуэту, это скорее всего был олень.

Запечатлевшийся в его сознании образ напоминал какую-то увенчанную рогами фигуру в полете. Впрочем, говорить об этом вслух ему не очень хотелось. Маклеод бросил на него странный взгляд, но тоже промолчал.

– Ладно, кто бы это ни был, его здесь больше нет, – заметил инспектор. – И средства передвижения, боюсь, у нас тоже больше нет.

Он включил заднюю передачу и осторожно нажал на акселератор, но задние колеса буксовали. Машина не тронулась с места.

Маклеод нахмурился, выключил двигатель и выбрался из машины осмотреть, насколько серьезны повреждения. Он обошел “вольво” спереди и, придерживаясь за крыло, чтобы не поскользнуться на мокром склоне, поднялся к двери Адама. Адам опустил стекло и протянул большой электрический фонарь. Сзади Маклеод провел еще больше времени, а когда

вернулся, вид у него был не самый радостный.

– Ну что, без тягача нам с места не стронуться, – объявил он. – Даже если я не повредил подвеску о стенку, мы увязли по самые оси. Извините, Адам.

– Ничего, – пробормотал Адам. – Вряд ли кто справился бы лучше. Это я должен был предупредить вас. По крайней мере все целы. Нам просто придется одолеть остаток пути пешком. Дайте-ка мне карту, Перегрин.

Перегрин протянул ему карту, и Адам сверился с ней при свете плафона. Потом он повернулся в водительскому окну и посмотрел на причудливую иллюминацию, что все еще виднелась впереди, за насыпью шоссе.

– Сомневаюсь, чтобы мы были больше чем в миле от замка Уркхарт, – сказал он, прикинув расстояние. – Это не слишком далеко для пешехода, даже в такую грозу. Собственно, это может даже сыграть нам на руку, позволив использовать элемент неожиданности. Погода, конечно, не самая подходящая – но ведь для наших приятелей в Уркхарте она тоже не лучше.

Мелькнувшая на его лице улыбка была почти хищной, и Маклеод ответил на нее мрачной усмешкой.

– Что ж, что правда, то правда, – согласился инспектор. – Мистер Ловэт, если вы будете так добры передать мне мою сумку, мы вооружимся для предстоящей охоты. Адам, вас тоже снабдить?

– Нет, у меня есть все, что мне нужно, – ответил Адам, когда Перегрин молча протянул Маклеоду сумку и вопросительно посмотрел на него. – Правда, еще один фонарик мне не помешает. Можете достать его, Перегрин?

Перегрин послушно взял черный докторский саквояж, положил себе на колени и открыл. Он попытался разглядеть что-то в темноте, но Адам перегнулся с переднего сиденья и посветил фонариком внутрь. В то короткое мгновение, пока Адам доставал оттуда второй фонарь и передавал его Перегрину, художник успел заметить внутри несколько маленьких коробочек, флаконов и запечатанных в пластик одноразовых шприцев – то, что можно увидеть в сумке любого врача. Однако он увидел и несколько предметов странной формы, завернутых во что-то, напоминавшее белый шелк. Он вопросительно посмотрел на Адама; тот выключил свой фонарь.

– Инструменты для обоих моих ремесел, – загадочно произнес Адам. – Впрочем, сегодня все это мне не понадобится. Можете убрать это обратно за сиденье.

Не в силах скрыть удивления, Перегрин все же беспрекословно повиновался – слишком уж однозначно звучала просьба Адама. Тем временем Маклеод извлек из своей сумки вполне реальный автоматический пистолет, расчехлил его, вставил обойму и со зловещим щелчком передернул затвор.

– “Браунинг Хай-Пауэр”, – пояснил инспектор, поставил пистолет на предохранитель и засунул за пояс. – Автоматический, девятимиллиметровый – под стандартную натовскую пулю. Четырнадцать выстрелов без перезарядки.

Вслед за этим он достал из сумки еще две обоймы и рассовал их по карманам. Перегрин следил за этим, открыв рот.

– Неужели вы думаете, что все это вам понадобится? – не выдержал он наконец.

– Надеюсь, что нет, – ответил Маклеод. – Но на всякий случай лучше быть готовым ко всему. Нам известно, что они совершили по меньшей мере одно убийство. Вы сами видели тело на пристани.

Перегрин ошалело кивнул. До этой самой минуты, даже во время их безумной переправы на пароме, он не до конца осознавал, насколько опасным может оказаться приключение. Конечно, им угрожал баньши, но даже это не могло сравниться с пулями.

– Не падайте духом, – сказал Адам, заметив его состояние. – Если мои подозрения верны, нашим любителям пострелять будет не до нас.

С этими словами он открыл свою дверь и выбрался под дождь; Маклеод тоже вышел из машины. Перегрину ничего не оставалось, как отстегнуть свой ремень и поспешить за ними.

Глава 21

За время, что прошло с момента их высадки с паром в Кайл-Ов-Лохалш, похолодало еще сильнее. Поначалу благодаря захваченной в Данвегане одежде им удавалось оставаться относительно сухими, однако когда они по скользкой насыпи выбрались на дорогу, ветер набросился на них с удесятеренной силой, пронизывая до костей, а струи ливня секли незащищенные руки и лицо, словно ледяные иглы.

Дрожа от холода и нервного напряжения, Перегрин плотнее запахнул воротник, покрепче затянул на шее взятый напрокат шарф и пригнулся, чтобы дождь не так бил в лицо. Он остро пожалел, что не захватил в Данвегане нормальных перчаток: от его собственных, предназначенных для рисования и поэтому беспалых, не было почти никакого толку; к тому же они почти сразу же промокли.

Адам, впрочем, шел вообще без перчаток, хотя Перегрин знал, что они у него есть: он слышал, как Хэмфри в аэропорту упоминал о паре, положенной в карманы зеленой куртки. В одной руке Адам держал электрический фонарик, другую засунул в карман плаща; когда рука с фонарем замерзала, он перекладывал фонарь в другую, а эту руку засовывал в карман отогреваться. Маклеод тоже был без перчаток, хотя его фонарь был длинный, полицейский, из тех, что можно держать под мышкой, отогревая руки на случай, если придется воспользоваться пистолетом.

Это странное совпадение навело Перегрина на мысль, что Адам тоже вооружен. Такие размышления помогли ему скоротать дорогу до самого замка Уркхарт. Единственное, что пришло при этом художнику на ум, – это что тот узкий, длиной в ладонь, черный предмет, который Адам сунул в карман куртки еще в аэропорту, и есть его странное оружие; впрочем, в том, что это не пистолет, он не сомневался. Но что бы это ни было, Перегрин отнюдь не был уверен, что оно сможет надежно защитить их от фейри. Косвенным доказательством этого было то, что Адам точно не воспользовался *этим*, когда ему угрожал баньши. И небольшой фонарь, который он держал в руке, никак нельзя было назвать оружием – фонарем Маклеода по крайней мере можно было оглушить.

Однако под таким ливнем и фонари оказались почти бесполезными. Пока они шагали цепочкой вдоль правой обочины шоссе – Адам возглавлял процессию, Маклеод замыкал, – Перегрин пришел к выводу, что самое противное в такой погоде, если не считать холода и сырости, это то, что мгновенно запотевают очки. Должно быть, Маклеод тоже столкнулся с этой проблемой, хотя Перегрин был совершенно уверен в том, что очки нужны инспектору лишь для чтения. Он подумал, не убрать ли ему свои очки и вовсе в карман, поскольку ливень хлестал так плотно, что он все равно не видел дальше Адама. Все же он просто сильнее пригнул голову, решив, что лучше уж видеть предметы размытыми, чем снять очки и гарантированно не видеть ничего. Конечно, не то чтобы он стремился еще раз увидеть кого-то, похожего на баньши...

Дождь лил не переставая. Механически переставляя ноги, они шли еще около четверти часа, держа курс на фантастическую иллюминацию, точнее, чуть левее ее. То и дело, перекрывая свист ветра, рокотал гром. Ни одной машины на дороге им не встретилось. Когда они уже промокли и замерзли как следует, к дождю прибавился град, забарабанивший по их плечам словно мелкая галька.

– Адам, – хрипло окликнул сзади Маклеод. – Мне кажется или погода портится еще сильнее?

– Ну, по крайней мере *града* до сих пор еще не было, – признал Адам.

Прежде чем Перегрин успел вставить хоть слово, послышался грохот, заглушивший даже ставшие уже привычными удары грома и отдававшийся вибрацией в подошвах их сапог. Одновременно с этим где-то на уровне воды вспыхнул зеленый свет, который высветил беснующиеся темные волны озера и – к их удивлению – зазубренный силуэт полуразрушенного средневекового замка. Прямо перед ними, всего в двадцати ярдах,

раскинулась современная автостоянка со смотровой площадкой для туристов.

– Смотрите! Это, должно быть, здесь! – возбужденно вскричал Перегрин и ринулся было вперед, однако Маклеод успел ухватить его за рукав.

– Спокойно, парень, – одернул его инспектор, поспешно выключив при этом свой фонарь. – Все верно, это Уркхарт, но видно же невооруженным глазом, там творится что-то чертовски странное. Не самая лучшая тактика – бежать туда очертя голову прежде, чем мы примем все меры предосторожности.

Адам тоже погасил свой фонарь и рассеянным жестом – все его внимание было поглощено огнями внизу – подозвал своих спутников ближе.

– Ноэль прав, – пробормотал он. – Посмотрим, удастся ли нам разглядеть, что там происходит, со смотровой площадки. И давайте постараемся обойтись без фонарей, – добавил он, убирая свой в карман. – Тут и так светло от молний и от того, что творится внизу, – мне кажется, нам этого хватит, если мы будем держаться обочины. Нет смысла объявлять о нашем прибытии прежде, чем мы будем готовы действовать.

Пригнувшись от ветра, они без приключений одолели те последние ярды, что отделяли их от смотровой площадки. Металлические перила огораживали ее со стороны склона холма, и они втроем перегнулись через них, заглядывая вниз. Неестественный зеленый свет продолжал мерцать, высвечивая береговые утесы. Источник этого мерцания, судя по всему, находился где-то за южной оконечностью замка.

– Ну, что бы это ни было, это наверняка не молния, – заметил Адам.

– Верно, – согласился Маклеод. – И если бы я точно не знал, что этого не может быть, судя по грохоту, я сказал бы, что там, внизу, идет артиллерийская перестрелка.

– Увы, – ответил Адам, – это может немногим от нее отличаться. Так что прежде, чем мы начнем спускаться, приготовимся к бою...

Его слова были прерваны низким, раскатистым грохотом, отдавшимся от скал подобно эху от взрыва. Все трое инстинктивно пригнулись, когда с самой береговой линии взмыл вверх фонтан зеленых искр, которые зависли в воздухе тучей беспорядочно мечущихся точек, подобно рою разъяренных пчел. Их света вполне хватало, чтобы разглядеть дорогу до самого замка.

– Мне кажется, мы как раз вовремя, – пробормотал Адам. – Если не ошибаюсь, кто-то только что открыл волшебный тайник Скотта! Давайте посмотрим на это поближе.

Перила смотровой площадки были сварены из двух горизонтальных стальных труб, каждая толщиной примерно в запястье. Просунув голову между ними, Адам огляделся, потом перекинул через нижнюю трубу ногу и ужом протиснулся на ту сторону, после чего дождался Перегрин и Маклеода и зашагал в сторону спускавшейся к замку дорожки. Избегая деревянных ступеней, которые могли скрипеть, но цепляясь за перила, они спустились к билетному киоску и бесцеремонно перелезли через барьер.

Следующий склон, спускавшийся почти к самым стенам замка, они, пригибаясь, одолели почти бегом. Внизу тропинка резко виляла влево, к еще одной лесенке со скользкими ступеньками из бетона и дерева, откуда вела на деревянную галерею, а с нее – на мост через замковый ров. Вместо этого Адам повел их направо, по другой короткой лестнице, в сторону небольшой постройки у южного бастиона замка.

Спрятавшись в ее тени, они пытались разглядеть, что их ждет дальше. Глинистая тропинка, извиваясь между деревьями, содрогавшимися под ударами бури, спускалась к неширокому пляжу в форме полумесяца, за которым чернели покрытые барашками волны Лох-Несса. Все это было залито пульсирующим зеленоватым светом, мигавшим и переливавшимся, словно от зарядов статического электричества.

– Слушайте, – прошептал Маклеод, когда порыв ветра донес до них слабое характерное постукивание дизеля. – Слышите?

Все трое молча скользнули вдоль стены здания и съежились у угла, силясь разглядеть в полумраке источник звука. С новой наблюдательной точки можно было различить корпус мощного быстроходного катера, который качался у пляжа на волнах. У штурвала стоял

человек в черном плаще и фуражке и удерживал катер на месте, рядом с небольшим каменным молотом у входа в бухту.

Адам дернул Перегрину за рукав, чтобы тот пригнулся. Все трое короткой перебежкой одолели открытый участок тропинки и укрылись в кустах справа от нее, откуда лучше был виден вход в пещеру. Отверстие было рваным как открытая рана. Большие валуны, лежавшие у входа и разбросанные по всему пляжу, похоже, только что вынули. Воздух в пещере был заполнен точками яркого зеленого света, клубившимися и метавшимися, словно искры из кузнечного горна.

– В записях ничего не говорилось о пещере, – прошептал Перегрин. – Вы думаете, они ее только что открыли?

– Почти уверен, – тоже шепотом ответил Адам. Человек на катере напряженно вглядывался в пещеру.

– Остальные, должно быть, внутри, – пробормотал Маклеод, оглядываясь на всякий случай по сторонам. – Как вы считаете, сколько их всего здесь?

Адам задумчиво посмотрел на катер.

– Предполагаю, их еще человек пять-шесть, если все они прибыли на катере – что скорее всего, так как машин на стоянке не было. Поскольку они вряд ли хотят делиться добычей, их число должно быть минимальным. Ладно, если их действительно шесть или семь, как считаете, справимся мы с ними?

Маклеод тихо фыркнул:

– А что, у нас есть выбор?

– Нет, – ответил Адам. – Зато у нас есть элемент внезапности.

– Пока есть, – согласился Маклеод. – Вы только не высовывайтесь раньше времени.

Он сунул фонарик в левый карман плаща и двинулся вниз по склону, Адам и Перегрин – за ним. В месте, где тропа сворачивала вправо, он нырнул влево, в густые заросли мокрого можжевельника. Пробравшись на четвереньках под кустами, он оказался у основания большого валуна размером с маленький автомобиль, земля за которым обрывалась прямо к пляжу и только что разобранному входу в пещеру.

Здесь, у подножия холма, ветер почти не ощущался, а дождь превратился в холодную, пронизывающую до костей пыль. Внезапная зловещая тишина в самом сердце разгула стихий напоминала глаз тайфуна. Распластавшись у камня рядом с Маклеодом, Адам гадал, как долго продлится еще такое затишье.

Шорох кустов у них за спиной возвестил о прибытии Перегрину. Молодой художник растянулся на траве рядом с Адамом; глаза его горели от возбуждения.

– Нет, вы видели? – выдохнул он, осторожно приподнимаясь на локте, чтобы заглянуть в переливающуюся зелеными огнями пещеру.

Адам недовольно зашикал и потянул его вниз.

– Осторожнее! – чуть слышно шепнул он.

– Но что это за зеленые искры такие? – все тем же шепотом спросил Перегрин. – Они летают, словно живые.

– Они и есть живые, – пробормотал Адам. – Вы еще не поняли? Это обитатели пещеры.

– *Фейри*? – Перегрин затаил дыхание и выпучил глаза от удивления.

– Они самые, – шепнул Маклеод. – И они сожрут вас живьем, стоит им вас увидеть. Я не шучу – да не смотрите вы на меня так!

Пока Перегрин, лишившийся дара речи, смотрел на своих спутников, Адам снял с пальца кольцо с сапфиром и протянул его художнику.

– Вот. Возьмите и наденьте на палец, – прошептал он. – Что бы здесь ни случилось, вам нужна хоть какая-то защита. Если мы подвергнемся нападению хозяев пещеры – а это вполне вероятно, – заключенные в камне силы не подпустят их к вам по крайней мере некоторое время.

– Но разве вам самому это не понадобится? – спросил Перегрин, механически сжимая кольцо пальцами.

– Нет, у меня есть другое оружие.

Наполовину расстегнув молнию своего дождевика, Адам запустил руку внутрь, а когда вынул, в ней был зажат маленький кинжал в черных кожаных ножнах.

Это не просто кинжал, напомнил себе Перегрин. Это настоящий *skean dubh* – клинок, который горцы обыкновенно носят с килтом, заткнув за чулок.

Но даже в этом неверном призрачном свете Перегрин видел, что это не обычный *skean dubh*. Даже ножны были подлинным произведением искусства – кожаный чехол длиной приблизительно в семь дюймов был отделан на конце и у отверстия серебром с гравировкой. Он не мог разглядеть резной рукоятки, но головка ее украшалась прозрачным синим камнем размером с голубиное яйцо. Когда Адам достал кинжал и спрятал ножны в карман, полированный металл клинка блеснул как ртуть, и Перегрину показалось, что от краев лезвия исходит легкое голубоватое сияние, словно отраженный лунный свет... или мощное силовое поле.

Одновременно с этим Маклеод вытащил свой браунинг из-за пояса и с легким, но все же различимым щелчком снял его с предохранителя. Впрочем, не вид оружия заставил Перегрин замуриться и поморгать, проверяя зрение: он и так видел пистолет еще в машине. Его внимание привлек внезапный синий отблеск у рукояти. Приглядевшись внимательнее, он увидел, что на пальце у Маклеода красуется перстень с сапфиром – почти такой же, как у Адама.

Старшие мужчины были теперь собранны и деловиты, как охотники, идущие по следу опасного хищника. Глядя на своих спутников, Перегрин вдруг понял, что видит их в совершенно новом свете. На протяжении последних недель и даже часов он почти свыкся с мыслью о том, что Адам и Маклеод обладают способностями и свойствами, понять которые он пока не в состоянии. Теперь же, когда они готовились ко встрече со своей жертвой, он понял, что не имеет даже отдаленного представления о том, на что они способны.

Впрочем, точно так же он не представлял себе, на что способен он сам. Нельзя сказать, чтобы эта мысль его утешила. Взгляд его невольно упал на зажатый в руке перстень Адама. Он встрепнулся, поспешно стянул перчатки и надел кольцо на средний палец правой руки, как делал это Адам. Перстень был ему велик и свободно болтался на пальце, но почему-то его присутствие помогало Перегрину чувствовать себя не таким уязвимым. Он снова перевел взгляд на пещеру, расправил плечи и сжал правую руку в кулак, чтобы перстень ненароком не соскочил с пальца. Все, что ему теперь оставалось, – это надеяться на то, что от него будет больше пользы, чем вреда.

Стоило этой мысли мелькнуть у него в голове, как снизу послышался пронзительный визг. Сердитый танец изумрудных огоньков сменил темп – теперь это была безумная тарантелла, – и в глубине пещеры замаячил свет и начал медленно, рывками приближаться к выходу. Минуту спустя уже можно было различить несколько человеческих фигур в черном.

Первым шел высокий, стройный мужчина. Он двигался с надменной грацией, подняв обе руки над головой. По сравнению с ним трое других казались неуклюжими. Двое согнулись под весом небольшого окованного железом сундука, который казался слишком тяжелым для своих размеров. Замыкавший шествие человек тащил большую прямоугольную раму, похожую на картину, которой, словно щитом, прикрывался от угрожающе круживших над ним зеленых светлячков.

– Знамя Фейри? – шепотом спросил Адам у Маклеода.

– Да, а тот парень спереди, похоже, заправляет всем этим. Гляньте-ка! У него шпага. Вы тоже увидите ее, когда он повернется направо.

Перегрин так вытянул шею, чтобы разглядеть шпагу, что Адаму пришлось дернуть его за рукав.

– Мне кажется, это шпага Хепбернов! – возбужденно прошептал Перегрин. – Если бы я только мог рассмотреть ее поближе... Но я и так почти уверен, что это она!

– Это, несомненно, так и есть, – отвечал Адам. – Но если вы не пригнетесь, у вас, вполне вероятно, появится возможность посмотреть на нее гораздо ближе, чем хотелось бы.

Когда процессия полностью вышла из пещеры и оказалась под роящимся облаком Воинства, стали видны новые детали. Все четверо были в масках из опущенных на лицо черных лыжных шапок с прорезями для глаз, однако маска предводителя напоминала скорее капюшон палача, а на шее блестела серебряная цепь; Перегрин готов был поклясться, что на ней висит медальон, который он столько раз безуспешно пытался нарисовать. Он держал шпагу горизонтально над головой, одной унизанной кольцами рукой сжимая рукоять, другой – придерживая клинок в нескольких дюймах от острия.

Зловещий зеленоватый свет играл на холодной стали клинка, однако источником его была не шпага, а лоскут расползающейся от древности ткани – Знамя Фейри, раму с которым высоко держал замыкавший процессию. Казалось, шпага тянет к себе свет от Знамени, как веретено – нить, тонкую как паутина, свивающую призрачное полотно над всеми идущими. Зеленые мотыльки-фейри налетали на четверку со всех сторон, но отскакивали, словно натолкнувшись на невидимую преграду.

– Это все Знамя Фейри делает? – шепотом спросил Перегрин.

– Да, оно и шпага Хепбернов, – ответил Адам. – Шпага – это воплощение команды и контроля. Их вожак пользуется ею, чтобы вызвать защитные силы Знамени и управлять ими, обратив против тех, кто снабдил ими Знамя.

– Но как он это делает? – настаивал Перегрин. Маклеод бросил на вожака процессии взгляд, полный досады и омерзения.

– Уж не честными методами, это наверняка, – пробормотал он. – Но это дорого ему обойдется. – Он покосился на Адама. – Как вы считаете, ему долго удастся поддерживать защитную связь?

– Возможно, достаточно, чтобы позволить своей команде добраться до катера с добычей, – ответил Адам. – Если, конечно, мы им не помешаем. Ноэль, вы можете незамеченным подобраться к пещере с той стороны?

Маклеод внимательно осмотрел участок склона над входом в пещеру.

– Постараюсь, – кивнул он и ползком скрылся в кустах слева от них.

– А я? – нетерпеливо спросил Перегрин.

Адам смерил его жестким командирским взглядом.

– Вы? Вам оставаться сторожить здесь – и постараться не быть съеденным.

Прежде чем художник успел ответить, Адам исчез, бесшумно скользнув по склону вниз. Над самой полоской пляжа он остановился, упершись одной ногой в валун, уставив острие *skean dubh* в сторону людей, пробивавшихся к катеру, и выпрямился во весь рост. Исходящая от рукояти кинжала энергия покалывала пальцы, но он сдерживал ее.

– Вы зашли достаточно далеко, джентльмены, – крикнул Адам, набрав в легкие побольше воздуха. – Всем стоять на месте!

При звуках его голоса все разом обернулись. Кто-то, увидев его, невольно чертыхнулся. Вожак резко повернулся на месте, чтобы стать лицом к нему, и резким окриком заставил остальных замолчать, но рук со шпагой не опустил. Левая кисть разомкнулась на клинке, потом снова сжала его – ему явно хотелось обратить оружие против неожиданного противника, но Адам знал, что он не посмеет этого сделать, чтобы не утратить контроля над Знаменем Фейри.

– Кто, дьявол тебя подери, ты такой? – спросил вожак. Голос его звучал твердо и спокойно, несмотря на постоянный визг неземных голосов. – И какого черта тебе здесь нужно?

– Можете обращаться ко мне как к Повелителю Охоты, – ответил Адам, краем глаза следя за человеком на катере. – А что до того, что я здесь делаю, – я здесь, чтобы проследить за свершением правосудия.

Это заявление вызвало среди подчиненных смятенный ропот, но сам вожак лишь презрительно скривил губу.

– Правосудия? Неужели? И в каких, интересно, преступлениях мы обвиняемся?

– В их число входит, прежде всего, ущерб, нанесенный тому, кто был известен некогда

под именем Майкла Скотта из Мелроуза, с целью незаконно вступить во владение принадлежащим ему имуществом, – резко произнес Адам, указав острием кинжала на сундук. – Полагаю, оно находится вот здесь. В дополнение к этому имеется еще дело о принадлежащем Маклеодам Знамени Фейри, которое вы злонамеренно похитили и бесцеремонно осквернили. Полагаю, шпага в ваших руках тоже похищена. Вы еще можете внять голосу разума, вернуть похищенные вами артефакты и сдать их местным властям, пока не поздно предотвратить ущерб от ваших более тяжких преступлений против законов Внутренних Миров.

Воздух над четверкой светился от заполнивших его волшебных тел, а их злобное жужжание напоминало шум работающего с перегрузкой электрического трансформатора. Перегрин, беспомощно наблюдавший за всем этим из-за валуна, нетерпеливо поглядывал в сторону, откуда должен был появиться Маклеод. Время от времени голова и плечи инспектора мелькали за обрамлявшими вход в пещеру камнями, а зашевелившиеся кусты выдали его продвижение к скальному выступу с противоположной стороны каменной арки.

Тем временем внизу, на берегу, человек в маске с надменной дерзостью смотрел на Адама.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь свою значимость, Повелитель Охоты, или как тебя там зовут по-настоящему. Мы с моими коллегами не признаем твоей власти, равно как не признаем за тобой права судить наши поступки.

– Вы не поняли меня, – отвечал Адам. – Ваши действия уже приговорили вас. Я здесь затем, чтобы потребовать от вас сдаться – или, если потребуется, принудить к этому силой.

К этому времени Маклеод достиг наконец выбранной им точки в камнях справа от входа в пещеру. Отсюда, с возвышения, он увидел, как вожак в капюшоне незаметно подал знак человеку в катере. Тот точно так же, незаметно, кивнул и сунул руку куда-то под штурвал. Когда тот выпрямился, Маклеод увидел у него в руках знакомый черный силуэт “Узи”.

– Адам, берегитесь! – крикнул он, – У того, в катере, автомат!

Глава 22

Адам успел заметить движение на катере и ничком бросился на землю. Очередь прочертила воздух там, где он стоял мгновение назад, и тут же автоматчик развернулся в сторону Маклеода. Новая очередь прошла по скале, расшвыряв каменные осколки и щепки, но Маклеод уже лежал за валунами, приготовившись открыть ответный огонь.

Третья очередь скосила несколько кустов слева от него. Автоматчик сделал паузу, чтобы улеглась поднятая пулями пыль, и в это короткое мгновение Маклеод привстал из-за укрытия, прицелился и трижды выстрелил.

Первая пуля рикошетом отлетела от корпуса катера; вторая и третья разбили ветровое стекло рубки. Автоматчик отпрянул в сторону и дал еще очередь. Маклеод успел укрыться, пули ушли куда-то в склон у него над головой – и тут, прежде чем он успел отскочить в сторону, выветренная часть склона подалась и обрушилась, наполовину засыпав его землей.

Адам в тревоге поднял голову, уверенный в том, что в Маклеода попала пуля, однако автоматчик уже перенес огонь на него, заставив его снова залечь. Тем временем осыпавшиеся камни, сбившие с ног Маклеода, набирая скорость, продолжали катиться вниз по склону. Первый из них приземлился на пляж и поднял фонтан мелкой гальки. Замыкавший отряд человек со Знаменем отпрянул от летящей гальки и с криком столкнулся с шедшим впереди.

Столкновение вышло не сильным, но от удара человек на мгновение отпустил массивный деревянный багет, витрина задела углом землю и с характерным звоном бьющегося стекла развалилась.

Мгновенно распалось и защищавшее отряд поле. Вожак ахнул. Воинство фейри с торжествующим визгом бросилось на своих обидчиков.

Оба человека, тащившие сундук, бросили его и с воплями принялись отмахиваться –

подобно миниатюрным пираньям, сотканным из света, фейри впивались в них крошечными зубами и когтями. Знамя Фейри лежало на земле, наполовину погребенное под осколками стекла и обломками деревянной рамы. Совершенно обезумев от боли и страха, знаменосец предпринял отчаянную попытку вернуть себе единственное средство защиты, которое находилось у него под руками. Однако стоило его окровавленным рукам коснуться священной реликвии Маклеодов, как послышался громкий хлопок, и в воздух поднялось облако жирного черного дыма.

Когда дым рассеялся, никаких следов незадачливого знаменосца не было видно. Пораженный увиденным, Адам осторожно приподнял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как авангард Волшебного Воинства набросился на следующего человека. Когда тот с воплями осел на землю под копошившимся ковром из крошечных светящихся тел, его вожак, не скрывавший ужаса, отчаянно схватил за плечо оставшегося носильщика и махнул в сторону катера, другой рукой удерживая над головой шпагу Хепбернов.

– Помоги мне дотащить сундук до катера, – визгливо приказал он. – Они не смогут преследовать нас по воде!

Лицо и руки бедняги превратились в сплошное кровавое месиво, но каким-то образом он сумел покорно кивнуть. Фейри, похоже, были заняты разрыванием предыдущей жертвы на мелкие кусочки, а тех немногих, что переключились на оставшихся в живых людей, удерживала на расстоянии шпага. Это помогло налетчикам протащить сундук по гальке оставшиеся до воды несколько ярдов. Человек на катере счел, что обезопасил себя от огня Маклеода и Адама. Он отшвырнул “Узи” в сторону и, развернув катер бортом к пирсу, бросился на помощь.

– Поднимайте сундук на борт! – крикнул вожак. – Я отгоню их.

Оставив своих подчиненных затащить сундук на палубу катера, он повернулся, чтобы отразить бросившееся им вдогонку Волшебное Воинство яростными рубящими ударами шпаги Хепбернов. Десятки, может быть, сотни светящихся созданий роем разъяренных ос вились над его головой, но каждый раз, когда клинок касался одного из них, в воздухе вспыхивал снопок искр, а зеленый огонек, выпустив маленький клуб дыма, гас. Отчаяние на лице вожака сменилось торжеством, когда он вдруг заметил за облаком фейри высокую фигуру, направлявшуюся прямо к нему.

Адам держал свой *skean dubh* перед собой как священную реликвию, вверх не лезвием, но головкой рукояти. От голубого камня исходило мерцающее теплое сияние, подобное свету летнего заката. Фейри разлетались в стороны, пропуская его. Он остановился всего в нескольких шагах от своего противника.

– Двоих твоих соратников уже постигла бессмысленная смерть, – резко произнес Адам. – Оставь сундук и сдайся под мое покровительство, пока ты еще не поплатился за свое упрямство жизнью.

Человек в маске оскалился как шакал.

– Убирайся к черту! – крикнул он. – Я заплатил за этот сундук немалую цену! Будь я проклят, если отдам его тебе просто так!

Отчаянным, яростным выпадом он устремил острие шпаги Хепбернов в грудь Адаму. Тот инстинктивно поднял свой *skean dubh*, чтобы парировать удар. Перегрин, успевший за это время подобраться поближе, испуганно вскрикнул, когда два лезвия, столкнувшись, высекли снопок бело-голубых искр. В это мгновение все видения смертельной опасности, угрожавшей Адаму, что всплывали перед его мысленным взором в последние дни, вдруг воплотились в реальность.

Не раздумывая ни о чем, Перегрин выскочил из-за укрытия и бегом одолел несколько ярдов, отделявших его от Адама и его соперника – и от фейри! – молясь о том, чтобы перстень Адама защитил его от кровожадных светлячков. Фейри с визгом набросились на него, но он отмахнулся от них голыми руками и почти вслепую продолжал бег туда, где видел Адама в последний раз. Перед ним возникли две фигуры – одна припала на колено и оперлась одной рукой о землю, окруженная ореолом светло-голубого света, а вторая нависла

над первой с занесенной для удара шпагой.

Блеснув зеленым светом, шпага Хепбернов устремилась вниз. Не задумываясь о возможных последствиях, Перегрин обеими руками схватился за нее. Левая рука столкнулась с эфесом и замедлила движение, но острая кромка клинка все же резанула его по ладони правой. Ослепительная боль отшвырнула Перегринна назад, на Адама, и он съехал на земле, прижав правую руку к груди. Боль обжигала пальцы и растекалась по руке до локтя. Все, о чем он мог думать в эти мгновения, было: “Я никогда больше не смогу писать”.

Однако прежде чем он сумел хотя бы набрать в легкие воздуха, чтобы вскрикнуть, чей-то тяжелый башмак безжалостно ударил его по ребрам, отчего он перекатился по гальке дальше от места схватки. Каким-то образом ему удалось прикрыть голову и не потерять очки, но то, что он увидел, когда смог смотреть, отнюдь не утешило его, ибо его противник снова повернулся к Адаму.

Раздвинув губы в почти кошачьем оскале, человек со шпагой занес свой клинок для удара. Однако в то мгновение, когда рука его начала опускаться, Адам поднял *skean dubh*, на этот раз не рукоятью вверх, но острием, нацеленным в воздух между ними, и быстро начертал в воздухе магический знак.

Голубой огонь оставил в воздухе хорошо заметный след, медленно таявший в воздухе. Он прошел далеко от траектории опускавшегося клинка, но шпага вдруг отклонилась в его сторону, словно притянутая магнитом. С побелевшими от неожиданности глазами вожак пытался выправить удар, но тут Адам сделал кинжалом резкое вращательное движение.

Его противник испустил хриплый вопль: замысловатый эфес сам собой вывернулся в его кисти. Не в силах больше удерживать его, он в бессильной ярости отшвырнул шпагу и повернулся в последней, отчаянной попытке добежать до ожидавшего его катера.

Добежать ему так и не удалось. Волшебное Воинство не упустило возможности и с торжествующим визгом набросилось на него всем роем, из центра которого полетели кровавые брызги. Защищая Перегринна, Адам прикрыл его своим телом, сомкнув свободную руку на рукояти шпаги Хепбернов.

Двое на катере, оставшиеся в живых, не стали дожидаться развязки, тем более что сундук уже был у них на борту. Стоявший у штурвала человек поспешно дал газ, и катер, взбив белую пену, развернулся носом к выходу из бухты. Перегрин успел увидеть размытые очертания отходящего от берега судна, но новый приступ боли в раненой руке заставил его забыть почти обо всем.

Всего в нескольких ярдах от него облако фейри поднялось с камней, по которым растекалось зловещее красное пятно; они поняли, что их враги уходят, и их визг сделался почти оглушительным. Несколько зеленых светляков попыталось преследовать катер над водой, но они не могли удержать высоту и с пронзительным писком падали в воду, исчезая в клубах пара.

Перегрин всхлипнул, баюкая больную руку. Он боялся разжать ладонь, чтобы посмотреть, велика ли рана. Кольцо Адама до сих пор оставалось у него на пальце, но между пальцев просачивалась темная кровь, капая на гальку.

– Где Нозль? – спросил Адам, помогая Перегрину встать и тревожно оглядываясь по сторонам. – Вы нигде не видели Нозля?

– Нет, я...

– Вот, держите это и станьте спиной к моей спине! – скомандовал Адам, протягивая ему *skean dubh*. – Потом они примутся за нас. Прикрывайте себя лезвием.

Пока он говорил это, переливающееся изумрудное облако развернулось у кромки воды и двинулось в их сторону. Визг неземных голосов достиг невыносимого крещендо. Перегрин вяло поднял *skean dubh* так, как на его глазах делал недавно Адам, хотя все до единой клетки его тела кричали, что это безнадежно...

Тем временем на склоне у входа в пещеру Маклеод, приходя в себя, пошевелился и обнаружил, что наполовину погребен под землей и обломками. Странное дело, пистолет все еще был зажат в его руке, а вот очки куда-то делись.

Он переключил внимание на пляж. Никаких следов десанта в черном видно не было, но зеленый рой светлячков злобно вился над самой кромкой воды, а чуть дальше, вне пределов их досягаемости, отчаянно набирал ход катер, надеявшийся вырваться из бухты. Инспектор даже различил на палубе две фигуры в черном.

Приподнявшись на одно колено и сомкнув руки в замок для стрельбы на поражение, Маклеод тщательно прицелился и выпустил по людям на катере полдюжины пуль, прекрасно понимая, что дистанция слишком велика. Разумеется, он промахнулся, однако прежде, чем он успел обругать себя за это, новое движение столба разъяренных фейри привлекло к себе его внимание: рой отвернул от воды и направлялся теперь к двум знакомым фигурам, одиноко стоявшим на берегу спина к спине.

С хриплым криком отчаяния Маклеод бросился вниз по склону. Он поскользнулся, съехал вниз на пятой точке и едва успел подобрать ноги, как оказался на пляже. Не теряя ни мгновения, он вскочил, бросился бегом в их сторону – и чуть не споткнулся об обломки витрины Знамени Фейри.

Мысль только-только сложилась у него в голове, а тело уже начало действовать. Сунув пистолет за пояс, он склонился над Знаменем, лежавшим в грудке осколков. Он не колебался ни мгновения: в конце концов, он был из Маклеодов, к тому же он не видел, что случилось со знаменосцем злоумышленников.

Однако Адам видел – и понял, что собирается сделать инспектор.

– Ноэль, не прикасайся к нему! – крикнул он, пытаясь одновременно отогнать кровожадных фейри и следить за Маклеодом. – Легенда не лжет! От их знаменосца только дым остался!

– Так ведь он не Маклеод! – послышался дерзкий, даже не без бахвальства, ответ инспектора.

Он почтительно склонился над Знаменем, вынул из-под обломков витрины, торжествующе поднял – и остался жив! Кровь Маклеодов пела в его жилах древние боевые песни; он обернул Знамя вокруг плеч наподобие королевской мантии и поспешил к друзьям, осажденным воинством фейри, выкрикивая на ходу древний девиз клана Маклеодов: “Держись крепче!”

Не обращая внимания на кишевших в воздухе фейри, он ворвался в самую их гущу и стал между пораженными Адамом и Перегрином, крепко схватив их руками за плечи.

– Смирите свой гнев, о дети Земли, Воздуха и Огня! Именем Маклеода из Маклеодов, Главы всего клана Маклеодов, я, Ноэль Гордон Маклеод, беру этих людей под защиту Знамени Фейри из Данвегана! Да не причините им зла, иначе разорван будет древний договор между Маклеодами и Волшебным Народом!

Почти сразу же пронзительный визг неземных голосов стих, превратившись в негромкое жужжание, и облако слегка приподнялось. Однако фейри продолжали сердито кружить над их головами.

– Опустите клинки! – негромко сказал Маклеод своим спутникам. – Мне нужно убедить их в том, что мы не враги. Вы ведь сами видели, что с ними делает сталь.

Адам опустил шпагу Хепбернов без колебаний; Перегрин помедлил, но все же неохотно отпустил *skean dubh* лезвием вниз. Гудение фейри снова сделалось чуть громче, и Маклеод вновь устремил на них взгляд.

– Воистину вам нанесли тяжкое оскорбление, о Мирный Народ, – снова начал Маклеод, – но не переносите свой праведный гнев на тех, кто выступал вашими союзниками. Это не мы осквернили ваши сокровища! Ваши враги – вон там... – Он сделал неловкий жест, стараясь не снимать руку с плеча Адама, – но не здесь, под Знаменем Фейри!

Несколько томительных мгновений все трое ждали, затаив дыхание: Адам с Перегрином – с оружием в руках, Маклеод – широко раскинув руки, чтобы распространить защиту Знамени Фейри и на них. А потом – к их несказанному облегчению – водоворот Волшебного Воинства начал замедлять свое вращение и приподнялся выше.

Тем не менее воинство не рассеялось. Вместо этого танцующие светлячки растянулись

изумрудной лентой у кромки воды, словно разделяя землю и небо. Сердитое жужжание сменилось звуками, напоминавшими заунывную песню. Поверхность озера разгладилась, и на нее опустилась зловещая тишина, полная ожидания.

– Они чего-то ждут, – прошептал Маклеод на ухо Адаму. – Черт возьми, чего они еще могут ждать?

Где-то высоко в небе над озером время от времени продолжали вспыхивать бледные зарницы, высвечивая силуэт уходящего на юг катера. Негромкий рокот двигателей был отчетливо слышен даже на таком расстоянии, а слева от него появились и начали приближаться новые огни – судя по курсу, не ожидаемое полицейское подкрепление из Форт-Огастаса, скорее просто два небольших катера, привлеченных необычным пиротехническим шоу. Их прожекторы шарили по воде, и сначала один, потом второй высветили уходящий катер. Впрочем, он имел преимущество в скорости и довольно быстро оторвался от них.

И тут случилась странная вещь. Совершенно неожиданно в воду прямо перед носом уходящего катера ударила ослепительная зеленая молния. Пока раскаты грома перекачивались вдоль берегов озера, вода в радиусе нескольких десятков ярдов от катера на мгновение осветилась фантастическим зеленым светом.

Катер мгновенно потерял ход – судя по всему, близкий электрический разряд вывел из строя всю проводку. Слева по борту в нескольких сотнях ярдов за его кормой оба преследовавших катера тоже сбавили ход; лучи их прожекторов, потеряв жертву, беспомощно заметались по воде. Возможно, экипажи просто переключили внимание на технические неполадки.

Однако то, что происходило сейчас с первым катером, не имело абсолютно никакого отношения к технике. Как только он остановился, покачиваясь на волнах, а двое его пассажиров принялись с криками терзать стартеры моторов в отчаянной попытке завести их, как темная вода за кормой словно вскипела. В отсветах прожекторов, продолжавших шарить по воде, и в исходившем откуда-то из глубины зеленоватом сиянии было видно, как на поверхность воды бесшумно вынырнула темная треугольная голова. Следом за ней показалась длинная, мощная шея; она изогнулась, и два огненных глаза повели взглядом вокруг.

– Черт меня побери! – прошептал Маклеод почти молитвенным тоном. – Кто-нибудь еще видит то, что вижу я?

Ни Адам, ни Перегрин не ответили, зато Волшебное Воинство приветствовало появление чудовища визгом, в котором слышалось свирепое торжество. На мгновение фантастическая тварь застыла, грациозно изогнув шею и словно прислушиваясь к голосам, слышать которые могла только она. Потом огромная голова опустилась, словно согласно кивая, и устремила взгляд василиска прямо на застывший катер.

Длинная шея величественно изогнулась к самой воде, и это движение прокатилось вдоль длинного змееподобного тела, которому, казалось, нет конца. Потом чудовище взмахнуло мощным хвостом и, набирая скорость, устремилось к своей жертве.

– Бог мой! – прошептал Перегрин. – Они натравили его на катер!

Катер раскачивался и подпрыгивал на волнах; его команда возобновила лихорадочные попытки завести моторы. Прожекторы продолжали хаотически шарить по воде, но, похоже, на других судах ничего не видели или не понимали, что происходит. В сияющей изумрудным светом воде чудовище стремительно сближалось со своей жертвой. Один из двух злоумышленников схватил “Узи” и открыл беспорядочный огонь, однако огромная голова просто погрузилась под воду, не останавливая движения.

Впрочем, чудовище не стало таранить катер. Вместо этого огромное, длинное тело, изогнувшись, принялось кружить вокруг беспомощного катера, и образовавшийся водоворот просто засосал его в свою воронку. Налетчик с “Узи” бесследно исчез, а второй какое-то время с криком барахтался, пытаясь выплыть, – вокруг него вскипела белая пена, и он тоже исчез из виду.

На глазах у троих зрителей, заворуженно наблюдавших за всем этим с берега, голова

чудища еще раз вынырнула на поверхность: в зубах ее еще подергивалось человеческое тело. А потом человек, чудовище и обломки катера исчезли в пенистом водовороте. Тварь в последний раз выгнула шею и унесла свою жертву в бездонные глубины Лох-Несса.

Когда вода успокоилась, над озером вновь воцарилась тишина, которую наконец разорвал шум оживших моторов. Оба катера еще некоторое время бороздили темные воды озера в поисках спасшихся – разумеется, безрезультатно.

Зато фейри, похоже, были удовлетворены. Возвысив голоса в торжествующем хоре, зеленые светлячки Волшебного Воинства закружились в танце над головами троих одиноко стоявших на берегу мужчин.

На какое-то неприятное мгновение Перегрину показалось, что они собираются для новой атаки. Однако вместо этого авангард фейри развернулся и устремился в зияющее отверстие пещеры. Остальное воинство последовало за ними. Они ворвались в проем подобно вихрю, увлекавшему за собой камни и комки земли. Стоило последнему светлячку скрыться в пещере, как отверстие закрылось с грохотом, похожим на удар грома. Наступила тишина; небо над головами троих друзей внезапно прояснилось, и в просвет выглянул яркий месяц.

Маклеод тяжело опустился на ближайший камень, устало тряхнул головой и принялся тщательно сматывать со своих плеч ветхую ткань Знамени Фейри. Перегрин вдруг начало трясти; он опустился на колени, прижимая к груди раненую руку и *skean dubh*. Адам молча опустил взгляд на зажатую в руке шпагу и повернулся к пещере фейри: на поверхности склона осталось только едва заметное углубление.

С минуту он молча смотрел на пещеру, словно отдавая почести тем силам, которые только что пощадили их. Потом поднял клинок в безмолвном салюте, подержал так немного и, опустив, ткнул острием в гальку у своих ног. Когда он отпустил рукоять, она тяжелым маятником закачалась взад-вперед. Под лунным небом темные воды Лох-Несса окончательно успокоились, ничто больше не напоминало о той драме, что происходила на их глазах всего несколько минут назад. Две моторные лодки продолжали свои бесплодные поиски; далеко на юге показались новые огни.

– Мне кажется, в скором времени нам следует ждать гостей, – заметил Адам и устало наклонился, чтобы забрать из вялой руки Перегринна свой *skean dubh*. – Наверное, это ваше полицейское подкрепление.

Маклеод вытянул шею, чтобы посмотреть на юг, и снова опустился на свой камень. До них донесся шум мощных двигателей, а прожектора зашарили по воде с удесытеренной энергией.

– Ну, хоть теперь изволили пожаловать! – буркнул он, снимая плащ и заворачивая в него аккуратно сложенное Знамя Фейри. – Впрочем, явись они раньше, не было бы никакой разницы. Возможно, так даже лучше.

Адам достал из кармана ножны от *skean dubh*, спрятал кинжал и убрал во внутренний карман куртки, потом повернулся в сторону приближающихся огней. В свете луны и бортовых огней уже можно было разглядеть, что это сорокафутовый крейсерский катер с натянутым над верхней палубой тентом.

– Похоже на прогулочную яхту, – заметил Перегрин, стараясь не думать о дергающей боли в руке.

– Это она и есть. – Маклеод встал, чтобы лучше видеть, потом повернулся к друзьям и покачал головой. – Называется “Королева Альба”. В туристский сезон она используется как экскурсионное судно и ходит из Форт-Огастаса. Но время от времени, когда в этих краях требуется полицейский катер, его арендует береговая охрана. Боже! – Он снова опустился на свой камень и тряхнул головой. – Как, скажите на милость, мне обо всем этом писать рапорт? Если я напишу о том, что я действительно видел, меня спишут в расход – не обижайтесь, Адам.

– Ни в коем случае, – отозвался Адам с рассеянной улыбкой. Он вынул из кармана фонарик и наклонился, чтобы осмотреть раненую руку Перегринна. – Не посветите мне? Я

хочу посмотреть, что с рукой Перегрину, пока нас не взяли в оборот люди, задающие неудобные вопросы.

Сердце Перегрину все еще учащенно билось от пережитого, но оно сжалось от страха, когда Маклеод взял фонарь, а Адам начал осторожно разжимать окровавленные пальцы.

– Адам, я ведь художник, – дрожащим голосом произнес он, непроизвольно щурясь на яркий свет фонаря в руках Маклеода. – Мои пальцы ничего не чувствуют.

– Вот и хорошо. Значит, будет не так больно, когда я распрямлю их. Ну, вот...

– Адам, я сейчас потеряю сознание, – сумел выдавить из себя Перегрин.

– Не надо. – Адам внимательно посмотрел на руку и кивнул. – Ступайте лучше к воде и дайте мне смыть с нее кровь, – сказал он, помогая Перегрину встать. – С вами все в порядке. Ну-ка, сделайте глубокий вдох. Да не упадете вы в обморок. Это будет и вполнину не так больно, как вы боитесь. Вода холодная. Вот, молодчина.

Он прополоскал руку в ледяной воде и осмотрел ее внимательнее, осторожно пробуя пальцем длинный порез, пересекавший ребро и часть самой ладони, потом аккуратно снял свой перстень со среднего пальца Перегрину – тоже порезанного, но совсем неглубоко, – и передал его Маклеоду.

– Что ж, перстень придется делать заново, – с улыбкой сказал Адам, ощупывая кости возле пореза. – Не знаю, защитил ли он вас от фейри, но один-два пальца он вам спас. Посмотрите-ка.

Все еще испытывая легкое головокружение, Перегрин посмотрел на перстень, лежавший на ладони у Маклеода. В том месте, где оно остановило продвижение клинка шпаги Хепбернов, массивное золотое кольцо блестело глубокой зазубриной.

– Вам повезло: все кости целы, – сказал Адам, промыв руку еще раз и перевязывая ее носовым платком Маклеода. – Придется, конечно, наложить несколько швов, но сомневаюсь, что у вас останется даже шрам. Вот если бы остальное можно было объяснить так легко...

Вой полицейской сирены со стороны озера возвестил о прибытии “Королевы Альбы”. Один из ее прожекторов пробежался лучом по берегу и уперся в троих мужчин, согнувшихся у кромки воды.

– Эй, на берегу! – рявкнул усиленный мегафоном властный голос. – Это полиция. Кто такие?

Глава 23

Тот факт, что Маклеод – старший полицейский офицер, действующий в неофициальном порядке, не столько прояснил поначалу ситуацию, сколько запутал, хотя сержант с “Королевы Альбы” быстро сообразил, что это и есть тот самый Маклеод, который их сюда вызвал. Приказав двум оставшимся на озере катерам не трогаться с места, “Королева Альба” пришвартовалась у туристского причала севернее замка, чтобы выпустить на берег нескольких полицейских, а потом присоединилась к поискам уцелевших в происшествии, охарактеризованном как несчастный случай. На протяжении следующего часа прибыли подкрепления и из Инвернесса: шесть полицейских машин, фургон следователей и “скорая помощь”.

Заявление Маклеода, что он преследовал шайку грабителей, похитивших Знамя Фейри, похоже, не вызвало у его коллег-полицейских большого удивления. По полицейским каналам их уже оповестили о краже, поэтому они не нашли ничего странного в том, что Маклеоду удалось, руководствуясь “чутьем”, проследить воров до самого Уркхарта.

Собственно, версия, выданная Маклеодом, гласила, что группа неопознанных злоумышленников похитила Знамя Фейри, принадлежащее Маклеодам, с целями, которые еще предстояло выяснить. Объяснить убийство женщины в Данвегане он даже не пытался.

Что касается пиротехнических эффектов, о которых донесли пассажиры маленьких катеров, то, каким бы интересным это ни казалось, с точки зрения Маклеода, в причине гибели катера не оставалось сомнений. Впрочем, наверняка он этого не утверждал, ссылаясь

на то, что был оглушен осыпью, произошедшей во время перестрелки. Последнее было подтверждено сначала осмотревшим его полицейским врачом, а потом обнаружением стреляных гильз в том месте, где, по его словам, он лежал. Ближе к рассвету следствие выработало достаточно логичную версию произошедшего, согласно которой банда, с неизвестными целями похитившая Знамя Фейри, – достаточно опасная, если судить по убийству и покушению на убийство, – каким-то образом поубивала в процессе боя сама себя.

– Если вас интересует мое мнение, – заметил один из полицейских, – слишком уж неудачная шутка вышла у них на Хэллоуин.

Впрочем, удовлетворительных ответов на вопросы “как” и “зачем” пока не было. К тому же существовал предел информации, которую Адам готов был открыть с целью облегчить работу следствия.

– Насколько я понимаю, инспектор Маклеод был в частном порядке приглашен главой клана Маклеодов после кражи Знамени Фейри, – объяснял Адам полицейскому сержанту в фургоне следственной бригады. – Инспектору известен мой интерес к проблеме сохранения памятников шотландской старины. Мы с инспектором старые друзья, поэтому он пригласил меня с собой.

– А этот мистер... как его... Ловэт? – спросил сержант, сверившись с записями.

Сам Перегрин тем временем сидел на заднем бампере машины “скорой помощи”, и ему бинтовали руку. Прежде чем первые офицеры сошли на берег с “Королевы Альбы”, все трое успели согласовать основные положения истории, которую они готовы были рассказать.

– О, мистер Ловэт – художник, – с готовностью ответил Адам. – Он делает ряд иллюстраций к статье, которую я пишу... Она касается некоторых малоизвестных национальных сокровищ Шотландии. Мы как раз обсуждали их, когда позвонил инспектор Маклеод. Вполне естественно, он попросил взять его с собой.

– Гм, ладно, – пробормотал сержант, деловито строча в своем блокноте. – И вы говорите, он порезался о какое-то стекло?

– Совершенно верно. Стремясь скорее забраться на катер, чтобы бежать, грабители уронили Знамя Фейри, разбили витрину. Само собой разумеется, нас беспокоило, что этот бесценный артефакт может быть поврежден водой, поэтому мы попытались спасти его. К сожалению, мистер Ловэт в спешке был не слишком осторожен, поэтому довольно сильно порезался – помогая вытащить Знамя из-под осколков и спрятать его от непогоды.

– Ясно-ясно, – терпеливо кивнул сержант, совершенно убежденный, как и следовало ожидать, что Адам – пусть словоохотливый и немного эксцентричный, но абсолютно невинный джентльмен. В конце концов, он ведь представитель такой почтенной профессии...

– Ладно, перейдем к уплывшему катеру, сэр Адам, – продолжал сержант. – Кажется, инспектор Маклеод говорил, что он, должно быть, налетел на какой-то подводный предмет. Вы можете подтвердить это?

– Ну, я могу допустить, что он налетел на что-то... На затонувшее бревно, например, или на что-нибудь в этом роде.

Подняв ручку, сержант внимательно посмотрел на него.

– Так налетел или нет, сэр?

Адам приподнял бровь и его губы изогнулись в несколько ехидной улыбке.

– Ну-ну, старина. Я ведь психиатр. Вы же не ждете, чтобы я вам сказал, будто видел, как его потопило лох-несское чудовище?

Сержант ухмыльнулся и, тряхнув головой, записал в своем блокноте что-то еще.

– Вы бы удивились, услышав все истории, что слышу я, сэр. Я уже двадцать лет как работаю в Инвернесе и езжу вдоль озера по десять раз на дню. Порой мне начинает казаться, что это место просто притягивает к себе разных психов!

– Гм, ну, такие места встречаются, – согласился Адам.

– Ладно. Так вы считаете, что катер напоролся на затонувшее бревно? – спросил сержант, продолжая писать.

– Если честно, я не могу утверждать этого – хотя это наверняка было что-нибудь в этом

роде. Собственно, в это время меня гораздо больше тревожила рука мистера Ловэта. Видите ли, порез у него довольно неприятный, а ведь он художник.

– Гм... да... Благодарю вас, сэр Адам, – ответил сержант, со вздохом закрывая свой блокнот. – Возможно, позже мы еще побеспокоим вас своими вопросами, а пока, мне кажется, у ребят из “скорой” есть горячий кофе. По-моему, он вам сейчас не помешает.

Полноценное расследование не могло начаться до рассвета, хотя “Королева Альба” и другие суда продолжали поиск обломков погибшего катера или останков его пассажиров, а полиция оцепила всю территорию, прилегающую к южному окончанию замка. С рассветом они собирались начать прочесывание пляжа в поисках любых улик.

Впрочем, ближе к полудню улов следствия все еще оставался чрезвычайно скудным: стреляные гильзы Маклеода, деревянные щепки со следами позолоты, осколки стекла, клочки одежды, мелкие фрагменты плоти и пятна высохшей крови. В склоне у стен замка образовалась неглубокая выемка, что породило новую теорию: здесь имел место некий взрыв – возможно, ручной гранаты.

– Ну, положим, место пещеры действительно немного напоминает воронку от взрыва, – с сомнением шепнул Адаму Перегрин. – Но почему они теперь представляют все это как террористический заговор? Кого здесь терроризировать – древний замок? Нельзя сказать, что Уркхарт служит символом шотландского национализма или чем-то в этом роде.

Они пили кофе в салоне одной из полицейских машин, прибывших из Инвернесса. Собственно, они только что вернулись из больницы, где руку Перегринна наконец-то обработали по всем правилам. Местный хирург мастерски справился со своей задачей, превзойдя даже жесткие стандарты Адама, однако анестезия почти час назад прекратила действовать, и рука болела каждый раз, когда Перегрин, забывшись, пытался открыть ею окно. Вся площадка у входа в замок была уставлена полицейскими машинами, припаркованными под самыми разнообразными углами, а оба въезда на стоянку были затянуты желтой полицейской лентой – в дополнение к констеблю, поставленному, чтобы отгонять зевак.

Глядя на расхаживавшего констебля, Адам сделал еще плоток из пластмассового стаканчика и перевел взгляд на Перегринна.

– Я допускаю, что версия о взрыве гранаты звучит диковато – для нас. Но эта легенда – пусть и недоказуемая – наилучшим образом вяжется с фактами, которые знает полиция. Люди привыкли к терроризму, как бы отвратительно это ни было. Как вы думаете, каким образом отреагировала бы обычная публика на правду?

Перегрин потеребил повязку на правой руке и поморщился: он наконец понял, что правда о его ранении может лишь породить вопросы, к которым ни один из них не готов.

– Пожалуй, я с вами соглашусь, – произнес он, подумав. – И все же можно было придумать что-нибудь получше затонувшего бревна.

– Да, но такие случаи время от времени действительно происходят, – сказал Адам. – Помнится, еще в пятидесятые парень по фамилии Кэмпбелл налетел на бревно при попытке установить новый мировой рекорд скорости на катере “Синяя Птица”. По крайней мере все утверждали, что это было бревно. Правда, свидетели другого происшествия при гонках описывали внезапные завихрения воды прямо по курсу катера перед тем, как он перевернулся и взорвался. – Адам одарил Перегринна сардонической улыбкой.

– Если уж на то пошло, во время Второй мировой скоростной военный катер налетел как раз на то, что мы видели прошлой ночью. В рапорте по поводу повреждения носовой части капитан описал объект, с которым он столкнулся, как “мягкий и скользкий”. Не похоже на бревно, верно? И все же катера налетают и на бревна. По крайней мере достаточно часто, чтобы понизить интерес к *этому* инциденту.

Пока Перегрин обдумывал услышанное, Адам еще раз окинул взглядом автостоянку. В дальнем углу, у южного въезда, стояла серая “вольво” из Данвегана. Аварийный тягач притащил ее на буксире примерно час назад. Если не считать толстого слоя засохшей грязи и прилипшей травы на нижней поверхности кузова – а также разбитой фары, что Маклеод

заметил еще ночью, – машина была совершенно цела и невредима.

За машиной стоял Маклеод, углубившийся в разговор с высоким, аристократического вида мужчиной в дорогом плаще. Полицейская машина привезла его полчаса назад. Проследив взгляд Адама, Перегрин впервые заметил, что собеседник Маклеода носит берет с прикрепленными к нему брошью тремя орлиными перьями – знак отличия главы шотландского клана.

– Адам, – прошептал он. – Это и правда тот, о ком я подумал?

Адам кивнул, в углах его рта заиграла легкая улыбка. На их глазах Маклеод осторожно достал из грудного кармана куртки, позаимствованной в Данвегане, обернутый в пластик сверток и передал главе клана. Со стороны это казалось просто сложенным лоскутом бежевой ткани, усеянной голубыми точками, однако внутреннему взгляду Перегрина представилось, что он еще светится бледно-зеленым сиянием волшебной энергии.

Высокий мужчина принял сверток с той же почтительностью, что и инспектор, когда поднимал Знамя из осколков разбитой витрины, – казалось, это было сто лет назад. Потом, крепко пожав Маклеоду руку, глава клана повернулся, подождал, пока ему распахнут дверцу машины, сел за руль и бережно положил сокровище на пустое кресло рядом с собой.

Маклеод захлопнул за ним дверцу и отступил на шаг, глядя на то, как тот заводит двигатель, выводит длинную машину со стоянки, мимо полицейских барьеров, и, махнув рукой на прощание, сворачивает на шоссе, ведущее к югу, обратно в Данвеган. Минуту спустя инспектор присоединился к ним и уселся на переднее пассажирское место с усталым, но довольным вздохом.

– Уж не вещественное ли доказательство вы ему отдали сейчас на наших глазах? – с улыбкой спросил Адам, когда инспектор налил себе кофе из термоса.

Маклеод фыркнул и, поморщившись, сделал большой глоток.

– Тьфу! Как вы только можете пить такую гадость? Какое вещественное доказательство? Это было возвращение похищенной собственности, которой грозили дальнейшие повреждения в случае, если ее не вернуть законному владельцу. Я за нее расписался. И потом, не можем же мы допустить, чтобы весь личный состав полиции Западного Нагорья испарился как облачко дыма – кроме Маклеодов, конечно.

– А они бы испарились? – спросил Перегрин. – Я хочу сказать, тот тип и в самом деле превратился в облачко дыма, дотронувшись до Знамени?

Маклеод томным жестом положил руку на спинку сиденья и смерил Перегрин долгим взглядом через плечо.

– И вы спрашиваете *меня* ? Кто, как не *вы* , видел это своими глазами, друг мой? Я-то в это время тихо дремал под кучкой камней. Ну, разумеется, по официальной версии, парень неосторожно обращался с гранатой.

Он поднес было стаканчик к губам, потом передумал и, приоткрыв дверцу, выплеснул содержимое на асфальт.

– Да, кстати, мистер Ловэт, – добавил он, закрыв дверцу и снова повернувшись к Перегрину, – сегодняшней ночью вы неплохо себя показали. Только не забудьте в следующий раз слушаться приказов.

– *В следующий раз?*

Глаза Перегрин под линзами очков поражение округлились. Адам негромко усмехнулся.

– Ноэль над вами подшучивает, Перегрин, – весело объяснил он. – Он хочет сказать, что вы успешно сдали вступительный экзамен.

– Прошу прощения?

– Возможно, вы помните, как я несколько дней назад говорил вам, что помимо деятельности психиатра исполняю и некоторые другие функции. Мы с Ноэлем входим в состав небольшой группы – как бы это назвать точнее, специалистов? – целью которой является расследовать дела вроде этого: уголовные, но включающие в себя элементы того, что непосвященные называли бы сверхъестественным. Полагаю, нас можно назвать чем-то

вроде... гм... оккультной полиции.

Перегрин вдруг притих, не в силах отвести взгляда от Адама.

– Вы... Вы ведь не шутите, правда? – прошептал он.

– Мне кажется, ответ на этот вопрос вы знаете и сами, – продолжая улыбаться, сказал Адам. – В общем, наша работа заключается в том, чтобы не позволять преступлениям вроде того, что вы видели прошлой ночью, идти своим путем. А поскольку некоторое количество информации о таких делах опасно – чтобы не сказать, страшно, – в наши обязанности также входит следить, чтобы обстоятельства подобных дел были надлежащим образом закамуфлированы – исключительно для спокойствия большей части населения.

– Взять хотя бы именно это дело, – вмешался в разговор Маклеод. – С точки зрения обычного человека, события прошлой ночи представляют собой просто цепочку событий – возможно, странных событий, но все же объяснимых с точки зрения материалистической логики. Даже при том, что мы не можем злоупотреблять человеческой доверчивостью до бесконечности, люди предпочитают верить в то, что они ожидают увидеть, так что нам остается только поддерживать устраивающие их версии.

Он оглянулся на Адама, и тот согласно кивнул.

– Короче, можете рассматривать это как своего рода приглашение, – сказал Адам. – Ваш необычный дар *видеть* выдает в вас одного из нас. Мы будем рады видеть вас в своих рядах. Если, конечно, вы сами этого захотите.

Перегрин ощутил, как кровь гулко стучит в висках. Долгую минуту он смотрел на Адама, пытаясь измерить всю глубину того, что предлагает ему старший товарищ. Однако на ум ему приходили только новые вопросы – и ни одного ответа.

– Я... мне кажется, я понимаю, о чем вы говорите, – осторожно начал он, – но я... *Да!* – выпалил Перегрин, отбросив осторожность. – Я хочу этого. Я хочу стать частью этого! Ну, пока я плохо представляю себе, что делать, но...

– К счастью, вопрос не столько в том, чтобы *делать*, – мягко перебил его Адам, – сколько в том, чтобы *стать* чем-то большим, чем вы являетесь сейчас. Вы обладаете огромным потенциалом, и я надеюсь, что за последнюю неделю или две вы сами это поняли. Для меня было бы большой радостью и честью помочь вам проявить этот потенциал и научиться целенаправленно пользоваться им. Но решение должны принять...

– Подождите минутку, Адам, – проговорил Маклеод, предостерегающе подняв руку. – Вон там в нашу сторону направляется констебль, и вид у него очень целеустремленный.

Когда тот приблизился, Маклеод опустил стекло со своей стороны.

– Не меня ли вы ищете? – спросил он.

– Так точно, сэр. Начальство просит вас подойти вон к тому фургону.

– Я постараюсь не задерживаться, – пообещал Маклеод, выбираясь из машины.

Оставшись вдвоем с Перегрином, Адам с минуту молчал, подбирая слова.

– Да, я хотел сказать, что решение должно быть за вами, – повторил он. – Предложение, которое мы вам сделали, готовилось не вдруг, и мне не хотелось бы, чтобы вы связывали себя какими-то обещаниями, не обдумав его как следует. Вы говорили, вы не знаете, что делать, а я ответил, что ваша задача не делать, а быть. Тем не менее есть еще многое, что вы можете сделать, чтобы ускорить процесс, если вы настроены серьезно.

– Что же?

– Исключительно то, что в ваших силах, уверяю вас, – ответил Адам, улыбаясь при виде нетерпения, появившегося на лице Перегринна. – Я полагаю, нас отпустят через час или чуть позже. Мы сможем вылететь из Инвернесса – или в крайнем случае поедem на поезде. Если повезет, мы будем в Стратмурне к ужину. А утром, когда вы выспитесь, я предлагаю вам написать автопортрет. Мне кажется, это даст вам все наставления, в которых вы нуждаетесь.

– Автопортрет... – пробормотал Перегрин.

– Вот именно. Подумайте о тех набросках, которые вы делали с меня или с Ноэля, а потом спросите себя, готовы ли вы написать внутреннего Перегринна Ловэта. Подумайте об этом.

Адам почти физически слышал шорох смятенных мыслей в голове молодого художника. Когда Перегрин наконец со вздохом кивнул, Адам улыбнулся и вышел из машины, довольный, что дал своему новому коллеге еще одну тему для размышлений помимо ужасов прошлой ночи.

Облокотившись на перила, он лениво следил за полицейскими, продолжавшими ползать по склону. За ними раскинулось под полуденным солнцем потускневшее зеркало Лох-Несса, таившее...

– Адам, не подойдете ли вы на минутку к фургону? – окликнул его Маклеод, выводя из размышлений. Лицо его было довольно странным. – Тут выплыло кое-что, на что, мне кажется, вам стоило бы взглянуть.

Фургон был припаркован у въезда на автостоянку. Задняя дверь его была открыта. Внутри него, на полу Адам увидел знакомую рукоять шпаги Хепбернов, упакованной в пластиковый мешок; к гарде была привязана картонная бирка вещественного доказательства. Отослав взмахом руки охранявшего фургон констебля, Маклеод наклонился, достал из одного из ящиков небольшой пластиковый конверт и протянул его Адаму.

– Интересно, что вы скажете об этом, – хрипло произнес он.

В конверте лежал окровавленный человеческий палец, на который был надет перстень с печатью. Прижав пластик к камню, чтобы лучше видеть изображение, Адам разглядел на нем морду зверя, напоминающего кошку, но с кисточками на ушах и бакенбардами. Его клыкастая пасть была приоткрыта в презрительном оскале. Долгую минуту он молча смотрел на кольцо, потом вернул конверт Маклеоду.

– Знак Рыси, – прошептал он.

Маклеод тяжело вздохнул и кинул конверт обратно в ящик, потом устало сел на бампер фургона и потер переносицу.

– Я так и подумал, – сказал он, – хотя без очков надеялся, что ошибаюсь. Давненько я не видел подобных печаток – и, должен признаться, надеялся, что не увижу их больше никогда. Означает ли это, что Ложа Рыси возродилась и действует?

– Боюсь, – вздохнул Адам, – что это не может означать ничего другого.

Мгновение он молча стоял, забыв, о чем думал. находка перстня неожиданно придавала вес предчувствиям Перегрина да и его собственному ощущению того, что темные силы пришли в движение. Теперь он знал, какое изображение молодой художник безуспешно пытался нарисовать на месте неразборчивых перстней и медальонов. Когда-то давным-давно Адаму уже приходилось иметь дело с Ложей Рыси. То, что она возродилась, не обещало ничего, кроме неприятностей.

Правда, сейчас ситуация находилась под контролем. Они с Ноэлем предупреждены, и у них есть новый рекрут, готовый приступить к обучению на Охотника. И еще скорее всего их неприятель не знает, кто именно спутал его планы.

Разумеется, он проведет собственное расследование, как только узнает, что случилось с его людьми. Однако Адам тоже займется расследованием – сегодня же, как только вернется в Стратмурн, только сначала отдохнет немного. Необходимо оповестить Вожей Внутренних Миров – кстати, они должны утвердить вербовку Перегрина Ловэта.

Итак, Охота снова объявлена. Впрочем, когда дело дойдет до новых столкновений – а их не избежать, – он и его друзья будут готовы. В лучших традициях рыцарей Храма они не будут избегать боя, каковы бы ни были шансы на победу. И у него много друзей, готовых сыграть свою роль, – вот только бы дозвониться до них самих, а не до автоответчиков!

Адам тряхнул головой, улыбнулся собственным глупым мыслям и поднял взгляд на Маклеода.

– Надо предупредить остальных, – тихо сказал он, сжимая рукой в кармане символ своей Ложи. – Надо выставить повсюду дозоры. Если Ложа Рыси снова перешла к действиям, опасность угрожает любому из нас, стоит им узнать, что им противостояим мы.

Маклеод фыркнул, встал и, расправив плечи, повернулся лицом навстречу ветру с озера.

– Надеюсь, вы не огорчены?
– Огорчен? Нисколько. Скорее принял вызов, – улыбнулся Адам. – Если мне не изменяет память, некто Шерлок Холмс произнес как-то подходящую фразу.
Хитро улыбаясь, Маклеод посмотрел на Адама и кивнул.
– Верно, – произнес он. – Возможно, ставки немного изменились, но тема все та же. Идет охота. Как сказал бы мистер Холмс, “Зверь поднят!”

Эпилог

Два дня спустя, когда инцидент в Уркхарте попал в большинство газет, женщина, сидевшая в своем офисе в Глазго, просматривала за утренним кофе свежую прессу. Заметка о событиях в Уркхарте попала ей на глаза, как только она перевернула первую страницу. Она дважды перечитала ее, затем сняла трубку одного из трех телефонов, стоявших перед ней на столе.

– Соедините меня с мистером Ребурном, – произнесла она.